

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»**

На правах рукописи

Автохутдинова Ольга Фёдоровна

**«ДРУГОЙ» КАК ПЕРСОНАЖ В СМИ:
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ**

Специальность 10.01.10 – Журналистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
доцент Э. В. Чепкина

Екатеринбург
2015

Оглавление

Введение	4
 Глава 1. Проблемы дискурсивного анализа СМИ	
1.1. Проблема Другого в российском обществе и в дискурсе СМИ	20
1.2. Конструирование реальности в СМИ: от теории отражения к изучению дискурсивных практик	33
 Глава 2. «Другой» с неопределенным статусом: дискурсивные практики конструирования в СМИ	53
2.1. Пензенские Затворники	54
2.2. Майор Алексей Дымовский	75
 Глава 3. Практики конструирования «Другого» как отрицательного персонажа	
3.1. Дискурсивные практики конструирования персонажа как врага	99
3.2. Дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как персонажа, нарушающего норму («ненормального»)	119
 Глава 4. Практики конструирования «Другого» как положительного персонажа	
4.1. Дискурсивная практика, конструирующая персонажа как помощника	137
4.2. Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как героя	174

Глава 5. Дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как персонажа, вызывающего амбивалентное отношение

5.1. Дискурсивная практика «самопрезентация» «Другого»	182
5.2. Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как жертву	186
5.3. Дискурсивная практика конструирования «Другого» как диссидента	197
Заключение	207
Библиография	213

Введение

В диссертации применяется метод дискурс-анализа и выполнено исследование дискурсивных практик конструирования «Другого» в текстах СМИ.

Актуальность выбранной темы в научном плане обусловлена, во-первых, тем, что в теории журналистики, с одной стороны, хорошо освещены правовые и этические нормы профессии, требования к объективности, достоверности сообщений, с другой – подробно исследована психология журналистского творчества, в аспекте работы над текстом разработана теория жанров. Но актуальной задачей, восполняющей недостаток теоретического осмысления журналистской практики, является изучение повседневных дискурсивных практик журналистов, используемых ими способов конструирования реальности, в том числе социальной стратификации и типизации героев журналистских произведений. Дискурсивные практики – это промежуточное звено, профессиональный механизм, встроенный между работой журналиста «в поле» и написанием текста. Их исследование позволяет выявить те институциональные рамки творчества журналиста, которые касаются обычно не вербализованных профессиональных правил выбора и обработки информации: каким образом выбор персонажей, а также источников информации, информационных поводов и экспертов влияет на смысл и структуру журналистского произведения, как самопрезентация персонажа влияет на впечатление, которое может сложиться о нем у аудитории и т.д.

Во-вторых, потребность в комплексном изучении механизмов конструирования «Другого» как социально значимого персонажа медиадискурса обусловлена важнейшей ролью СМИ в формировании установок массового сознания относительно социальных меньшинств, эти установки зачастую носят отнюдь не толерантный характер.

Степень научной разработанности проблемы

Теоретической базой исследования послужили труды видных

отечественных и зарубежных ученых в области теории журналистики, философии, социологии, лингвистики, теории массовых коммуникаций.

Категория Другого разработана в рамках классической философии Г. В. Ф. Гегелем, И. Г. Фихте [Гегель; Фихте], рассматривалась в рамках материалистической антропологии Л. Фейербахом [Фейербах], феноменологии – Э. Гуссерлем, М. Бубером [Гуссерль, 1998; Бубер], социологии – Р. Штихве [Штихве]. Имманентизация Другого в рамках онтологизма прослеживается также в работах М. М. Бахтина, Ж. Делёза, Э. Левинаса, Ж-П. Сартра [Бахтин, 1994; Делёз, 1995, 1999; Левинас; Сартр]. В частности, М. М. Бахтин в своих работах отразил один из важнейших аспектов понимания Другого. Понятие Другой является необходимым инструментарием для изучения значимого для дискурса СМИ феномена «свой-чужой», эта оппозиция определяет многие и личностные, и социально-психологические, и культурные реалии. Для диссертационного исследования привлекались работы таких современных теоретиков, занимающихся разработкой проблематики Другого, как В. В. Ильин, В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов, Е. Е. Кудакowa, Е. В. Кантемиров [Ильин; Кемеров; Керимов, 2007; Кудакowa; Кантемиров]. Названные научные труды позволяют классифицировать виды Другого, сформировавшиеся в различные исторические периоды – от традиционного общества до постиндустриального, а также обобщить типичные для каждого вида черты, чтобы затем проследить, как они могут быть зафиксированы в журналистских текстах. Исследования показали, что по степени опасности для «своих» могут быть выделены виды Другого: «враг», «чужой», «иной». В последнем случае Другой в какой-то степени может быть даже включен в группу «своих». Отметим, что хотя философами и социологами и предпринимались попытки осмысления категории Другого в дискурсе средств массовой информации (в частности, в коллективной монографии «"Другой" в пространстве коммуникации»), развернутых исследований на эту тему не представлено. Также не было подробно исследовано отношение к Другому в СМИ с точки зрения критического дискурс-анализа. При этом категория Другого

требует углубленного рассмотрения в контексте журналистского дискурса в целом.

Значимыми для нашей работы являются лингвистические исследования, связанные с разработкой теории текста и дискурса. Первые попытки изучения текста как целостной структуры предпринимают структуралисты и семиологи – К. Леви-Стросс, Р. Барт, Ц. Тодоров [Леви-Стросс; Барт, 1987; Тодоров] и др. Традиции структурного анализа текста продолжают представители европейской теории текста, окончательно сложившейся во второй половине XX века. К ним можно отнести Р. Харвега, З. Шмидта, Т. ван Дейка [Харвег; Шмидт; ван Дейк]. Также следует назвать М. М. Бахтина, Т. Г. Винокур, Ю. М. Лотмана, Н. С. Пospelова, Б. А. Успенского, И. А. Фигуровского, [Бахтин, 1986, 1994; Винокур; Лотман, 1980, 1992, 2000; Пospelов; Успенский; Фигуровский], ставших основателями русских школ семиотики. В 1970–1980-е годы теорию лингвистики текста развивали В. Г. Гак, И. Р. Гальперин, Б. М. Гаспаров, Л. М. Лосева, О. И. Москальская, Т. М. Николаева, М. И. Откупщикова, Е. А. Реферовская, З. Я. Тураева [Гак; Гальперин; Гаспаров; Лосева; Москальская; Николаева; Откупщикова; Реферовская; Тураева] и др. Их работы послужили основой для разработки общих проблем языкознания: отношения языка к действительности, асимметрии в языке, проблемы высказывания, знакового характера языка, семантического синтаксиса, что в дальнейшем позволило развиваться теориям медиалингвистики. Особый интерес здесь представляют работы по коммуникативно-функциональной лингвистике и моделированию текста В. В. Богуславской [Богуславская], теории публицистического факта В. Н. Фоминых [Фоминых]. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований применительно к специфике функций СМИ изучены Т. Г. Добросклонской [Добросклонская], аспекты речевой структуры газетного текста описываются В. И. Коньковым [Коньков], Д. Н. Шмелевым [Шмелев], медиатексту в контексте межкультурной коммуникации и разных стилистических тенденций посвятили свои монографии Л. М. Майданова, Н. В. Муравьева и С. И. Сметанина [Майданова, 2009; Муравьева; Сметанина]. Новым аспектом медиаисследований

стало изучение социолингвистики и языковой картины мира в работах Г. Я. Солганика, С. И. Тресковой, Т. В. Чернышева [Солганик, 2000; Трескова; Чернышева]. Вопросы политической лингвистики и текстов политического дискурса проработаны в монографиях Н. А. Купиной, Н. И. Клушиной, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал [Купина, 1995; Клушина, 2011; Чудинов; Шейгал, 2004]. В указанных исследованиях показана особая природа медиатекста в силу специфических задач и функций: социальная оценка предмета речи, информативная и эмоционально-воздействующая цель выступления, массовость и общедоступность, связность, смысловая законченность. При этом текст как часть дискурса содержит маркеры более общих закономерностей, формирующихся в контексте дискурсивных практик. Это закономерности более высокого уровня, правила построения не одного и даже не сотни, а сотен тысяч журналистских текстов, механизмы, собственно и приводящие к появлению публикаций в том виде, в каком они попадают к адресату. Однако эта тема на данный момент не получает должного развития в медиалингвистике, в связи с чем описание и классификация дискурсивных практик представляется нам перспективной для исследования темой.

Отдельно следует остановиться на теоретической разработанности понятия «персонаж» СМИ. Текстовую категорию персонажа и его сюжетные функции изучали В. Я. Пропп, И. П. Ильин [Пропп, 1998; Ильин]. Однако природа персонажа в журналистике и художественной литературе имеет существенные отличия. В художественной литературе персонаж рассматривается как категория текста и продукт авторского замысла, в отличие от дискурса СМИ, где персонаж конструируется на основе фактов о реальной биографической личности или социальной группе. Но и авторский замысел журналиста играет свою роль: именно корреспондент, следуя дискурсивным правилам, отбирает событие и героев для публикации. Методы и приемы воплощения авторского замысла в журналистском тексте описаны М. И. Стюфляевой в книге «Человек в публицистике» [Стюфляева, 1989], в монографии Л. М. Майдановой «Структура и композиция газетного текста» [Майданова, 1987]. При этом вне поля зрения исследователей

остаются вопросы механизмов, анонимных и безличных практик создания медиаперсонажа. В диссертации предлагается подход, настаивающий на универсальности практик конструирования персонажа СМИ.

Тенденция к разделению терминов «текст» и «дискурс» наметилась в 70-80-е годы XX века. Под дискурсом стали понимать разные виды актуализации текстов в связи с экстралингвистическими показателями [См. Валгина], разграничили понятия «дискурс» и «текст» как процесс речевой деятельности и ее результат [См. Бенвенист, 1974; Бисималиева; Борисова; Кубрякова, Александрова; Чепкина, 2000]. В настоящее время несколько научных направлений разрабатывают теоретические представления о дискурсе и его разновидностях. Существует много лингвистических работ, где дискурс выступает объектом исследования некой совокупности текстов, при этом используются традиционные лингвистические методы анализа, стандартная схема структуры коммуникативной ситуации. Один из таких подходов предлагается исследователями-когнитивистами и связан с пониманием дискурса как речи, вписанной в коммуникативную ситуацию. Т. А. ван Дейк говорит о дискурсе как о высказывании, содержание и форму которого определяют когнитивные установки (фреймы) [ванн Дейк, с. 70-78]. В этом направлении работают Н. Д. Арутюнова, Б. М. Гаспаров, А. Г. Гурочкина, В. И. Карасик [Арутюнова; Гаспаров; Гурочкина; Карасик, 2002] и др. Именно Н. Д. Арутюновой принадлежит афористичное определение дискурса как речи, погруженной в жизнь [Арутюнова, с. 136-137]. Разумеется, в этом широком научном направлении есть различные подходы к выделению конкретных объектов и выбору методик исследования. Так, М. Л. Макаров [Макаров] исследует исключительно устную речь и уникальные экстралингвистические факторы построения живого диалога. Есть и работы обзорного характера относительно когнитивно-дискурсивных исследований: В. А. Миловидов, Ю. Е. Прохоров [Миловидов; Прохоров] и др.

М. Н. Кожина [Кожина] проводит перспективную для дальнейших исследований параллель между теорией дискурсивных формаций М. Фуко и его последователей во французской филологии и теорией функциональной стилистики.

Действительно, можно легко увидеть параллели между описанием научного или художественного дискурса и научного или художественного функциональных стилей. Что ни в коей мере не стирает разницу между изначальными теоретическими установками и методами исследования разных объектов.

Метод критического дискурс-анализа восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и прежде всего к М. Фуко [Фуко, 1996, 2004]. Дискурс по Фуко – это «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 1996, с. 29]. В дальнейшем концепцию Фуко развивают У. Маас, П. Серио [Maatz; Серио] и др. Среди российских ученых в этом русле теории дискурса работают О. С. Иссерс, И. Сандомирская, И. В. Силантьев, В. Е. Чернявская, Э.В. Чепкина [Иссерс, 2010; Сандомирская; Силантьев; Чернявская; Чепкина, 2000] и др. Характерным для этого направления является не столько обращение к традиционным методикам лингвистического анализа текстов в рамках разных дискурсов, сколько разработка методов выявления и анализа дискурсивных практик – универсальных способов смыслообразования, не замкнутых в рамках отдельных текстов, но позволяющих описать собственно дискурс как объект, обладающий имманентными характеристиками, которые невозможно увидеть в рамках традиционной лингвистики.

Отметим, что в сегодня, несмотря на многочисленные научные труды, посвященных дискурсу и дискурс-анализу в целом, довольно ограниченное число исследователей применяют критический дискурс-анализ, сфокусированный на дискурсивных практиках, для изучения непосредственно средств массовой информации. Кроме того, отметим, что и сами дискурсивные практики описаны скупо. Более того, само понятие «дискурсивная практика» на наш взгляд, разработано недостаточно.

Выбрав в качестве объекта исследования дискурс СМИ, медиатексты как его единицы, мы не могли не опираться на труды, касающиеся разработки

проблем теории и истории масс-медиа. Роль СМИ в формировании в современном обществе установок толерантности и интолерантности изучает И. М. Дзялошинский [Дзялошинский, 1996], истории и современному состоянию зарубежных и российских СМИ посвятили свои исследования Я. Н. Засурский, Л. Г. Свитич [Засурский, 1997; Свитич, 2003] и др., аспекты взаимодействия СМИ и власти, функционирования новых медиа освещаются И. И. Засурским [Засурский, 2001], специфику журналистской картины мира исследуют В. Д. Мансурова, Г. Я. Солганик [Мансурова; Солганик 2000], проблемам творчества и журналистского мастерства посвящены работы Л. Л. Реснянской и М. И. Стюфляевой [Реснянская; Стюфляева], аспекты социологии СМИ и взаимодействия средств массовой информации и аудитории рассматриваются в работах И. Д. Фомичевой [Фомичева] и др. Свой вклад в разработку теории массовых коммуникаций внесли и представители уральской школы журналистики. Проблемы манипуляции и влияния в средствах массовой информации подробно описаны Б. Н. Лозовским [Лозовский, 2011], исторический аспект развития и становления российских СМИ раскрыт в работах М. М. Ковалевой [Ковалева, 2000] и Д. Л. Стровского [Стровский, 2001], проблемам современного телевидения, его жанрам и морфологии посвятила свою монографию М. А. Мясникова [Мясникова, 2007], теорию психологии творчества журналиста в индивидуально-авторском аспекте разрабатывает В. Ф. Олешко [Олешко, 2000, 2002]. Во всех этих работах так или иначе освещаются аспекты исследования медиадискурса, затронутые в данной диссертации.

Особый интерес представляет культурологическое и социологическое направления исследований средств массовой информации. Теория образов и общественных симулякров, как и тактики действий масс-медиа в ходе подготовки к конфликтам, описаны в серии публикаций Ж. Бодрийяра [Бодрийяр, 1995], роль медиа в развитии общественных отношений, способность коммуникации влиять на социальные группы является одной из тем исследований П. Бурдьё [Бурдьё], различные аспекты воздействия электронных средств коммуникации на человека и общество нашли свое отражение в работах Г. М. Маклюэна [Маклюэн, 2007]. И

хотя и западные (П. Бурдьё, Г. М. Маклюэн), и отечественные (Я. Н. Засурский, Б. Н. Лозовский, М. М. Ковалева, В. Д. Мансурова, В. Ф. Олешко, Д. Л. Стровский) исследователи соглашались с тем, что СМИ, становясь объектом и субъектом манипуляции, создают особую реальность (журналистскую картину мира или «виртуальную» реальность), однако, как представлено в диссертации, сегодня назрела необходимость говорить не об отражении реальности в журналистской картине мира, а о конструировании событий и персонажей в СМИ как в особом дискурсе. Теория отражения, уходящая корнями в концепции марксизма, упрощает (вплоть до метафоры зеркального отражения) сложный процесс взаимодействия внедискурсивной реальности с дискурсивными конструктами разных типов, каждый из которых по-своему моделирует окружающий мир для адресата (Бергер, Лукман, Луман, Дьякова, Трахтенберг, Шайхитдинова). Исследование практик конструирования персонажа «Другой» в настоящей диссертации дает наглядное представление о механизмах конструирования социальной реальности, представляет альтернативный теории отражения научный подход.

Таким образом, с опорой на исследования в области журналистики и медиалингвистики, философии, социологии, в диссертации термин «Другой»¹ применительно к дискурсу СМИ предлагается понимать как *медиаперсонаж, практики конструирования которого как объекта дискурса СМИ маркируют его инаковость, отличие, значимое в социальном контексте.*

Объект исследования – дискурс печатных и электронных средств массовой информации о «Другом».

Предмет исследования – дискурсивные практики конструирования «Другого» как персонажа СМИ, типы «Других» в российских СМИ.

Целью диссертационного исследования является систематизация и описание дискурсивных практик конструирования «Другого» как персонажа

¹ Для различения Другого как философской категории и «Другого» как персонажа текста СМИ последнего здесь и далее мы пишем в кавычках и с прописной буквы.

журналистского текста, выявление типичных «Других» как конструктов медиадискурса.

Для реализации цели исследования необходимо решить ряд задач:

- 1) Дать определение понятия «Другой» как персонаж СМИ в контексте актуальных проблем современного российского общества.
- 2) Обосновать на основе систематизации имеющегося комплекса литературы необходимость перехода при изучении масс-медиа от теории отражения реальности к теории конструирования реальности с помощью дискурсивных практик.
- 3) Обобщить подходы к рассмотрению роли персонажа в тексте, конструированию его как объекта медиадискурса; разработать методику анализа дискурсивных практик конструирования «Другого» в журналистских текстах: дать рабочие определения базовых понятий, выделить этапы анализа.
- 4) Исследовать развертывание комплекса разнородных дискурсивных практик конструирования объекта медиадискурса в двух ситуациях появления «Другого» как персонажа с неопределенным статусом.
- 5) На основе анализа текстов, где присутствует персонаж «Другой», систематизировать и описать практики конструирования «Другого», несущие отрицательно-оценочную семантику (враг и отклоняющийся от нормы «Другой»), положительно-оценочную семантику (персонаж-помощник и герой), а также практики конструирования «Другого», вызывающего амбивалентное отношение («Другой», говорящий о самом себе; «Другой»-жертва и диссидент).

Теоретико-методологическая база исследования. Основополагающим для данного исследования является метод дискурс-анализа, позволивший найти закономерности формирования практик, которые невозможно выявить с помощью традиционного лингвистического анализа. С другой стороны, подходы в рамках лингвистического анализа позволяют определить маркеры дискурсивных практик в текстах. Учитывались нарративные, логические, смысловые, содержательно-формальные аспекты лингвистического анализа.

Исследование также опирается на общенаучные методы и специальные

методики исследования информационных ресурсов. Общенаучные методы, в частности анализ и синтез, индукция и дедукция, позволили выявить общее и частное, структурировать отдельные элементы изучаемого явления в систему, сформулировать выводы и вывести обобщения. Также в диссертации мы опирались на общефилософские принципы научной объективности, системности и достоверности.

Для анализа персонажей СМИ с неопределенным статусом (Алексей Дымовский и Пензенские Затворники) мы использовали принцип Case study – метод, который заключается в анализе конкретной ситуации, частного случая, относящегося к определенному классу феноменов. В нашем случае метод не направлен на проверку уровня доверия к данным, указанным в публикациях, он предоставляет возможность анализа типов социальных практик, в том числе дискурсивных, а также способов социального взаимодействия в некоторых ситуациях.

Эмпирическая база исследования – более 1500 текстов, опубликованных с октября 2006 года по февраль 2015 года. Для анализа «Других» как персонажей привлекались публикации таких периодических изданий (газет и журналов), как «Аргументы и Факты», «Известия», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Литературная газета», «Московский Комсомолец», «Новая газета», «Огонек», «Православная газета», «Русский Newsweek», «Труд»; расшифровки программ телеканалов «Вести», «МТРК “Мир”», «Первый канал», «Ren-TV», «Союз»; радиостанций «Радио Свобода», «Эхо Москвы»; сообщения информационных агентств и сетевых изданий «Газета.ру», «Интерфакс», «ИТАР-ТАСС», «Лента.ру», «Новый регион», «Рабкор», «РИА Новости», «Частный корреспондент», «NEWSru.com», «Slon.ru», «Ura.Ru» и др., а также тексты, размещенные на интернет-порталах, не зарегистрированных как СМИ, но указывающих печатный, радио или ТВ-источник опубликованного материала (Credo.Ru, Ateism.ru, «K2Капитал», «Новая политика») и др.

Публикации отбирались методом случайной выборки. Основными формальными критериями отбора текстов стали следующие: во-первых, текст

выполнен в журналистском жанре заметки, интервью, статьи, репортажа, очерка и т. п.; адресован широкому кругу читателей качественных или массовых изданий. Мы исключили рекламные и PR-тексты, тексты проповедей, различные виды обратной связи с адресатом (например, сообщения на форумах на сайте СМИ, комментарии под публикациями). Также мы не анализировали визуальные компоненты публикаций.

В отношении содержания текстов определяющими критериями были следующие: персонажем публикации должен быть отобранный нами персонаж с неопределенным статусом, появившийся в ситуации сенсационного информационного повода, – А. Дымовский или Пензенские Затворники. Выбор персонажей обусловлен тем, что, по мнению автора, они являются примерами показательными: в современных СМИ уже сложились определенные практики описания некоторых социальных групп Других (например, мигранты, лица нетрадиционной сексуальной ориентации). Образы этих групп имеют историю и обладают относительной устойчивостью в медиадискурсе. Для нас же было важно рассмотреть практики конструирования «Другого», не встроенного в логический или хронологический порядок, зачастую не имеющего последовательного нарратива. Поступок Дымовского повторили единицы. Сколько-нибудь заметной поддержки в рядах МВД его акция не получила, однако его выступление привело к внесению изменений в федеральное законодательство (госслужащим с 2010 года запрещено публично критиковать руководство), т.е. один из общественных институтов (власть) счел появление подобного «Другого» потенциально опасным и принял меры на будущее для защиты от его появления. История же Пензенских затворников так и осталась в медиадискурсе уникальной: группа распалась, последователей у нее не было. Анализ практик описания этих персонажей позволил показать, что журналисты настойчиво пытаются вписать любого «Другого» в какую-либо известную социальную группу, даже если он туда вписывается плохо или не вписывается вовсе. При этом основной акцент делается на негативных оценках. Таким образом, выбранные персонажи, остаются уникальными, даже если журналисты время от времени к ним возвращаются (в

2015 году было минимум три газетных публикации об А. Дымовском), практики конструирования, которые были выявлены на основе анализа этих случаев, также сохраняют актуальность, журналисты продолжают их использовать при конструировании разных типов «Других».

Также в качестве иллюстративного материала мы посчитали возможным привлечь публикации, в которых не упоминались А. Дымовский или Пензенские Затворники, но содержались маркеры актуализации отдельных дискурсивных практик, конструирующих «Другого».

Научная новизна работы заключается в избранном нами подходе к публикациям СМИ о «Других» с позиций социального конструкционизма (П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман) и дискурс-анализа (О. С. Иссерс, И. Сандомирская, И. В. Силантьев, М. В. Йоргенсен, У. Маас, Л. Филлипс, М. Фуко, Э. В. Чепкина), что дало возможность показать частично автоматизированные практики работы журналистов в части выбора и описания персонажей, которых общественное мнение маркирует как «Других». Рассмотрение проблемы в данной работе носит системный характер: в исследовании прослеживаются эволюция понимания «Другого» на разных стадиях общественного развития, философские и общекультурные подходы к пониманию «Другого», представление «Других» разных типов в современных российских СМИ.

В научный оборот вводятся новые данные, полученные в ходе изучения более 1500 журналистских публикаций за 2008-2015 гг. из СМИ разных типологических групп.

Самостоятельную значимость имеет разработка методики анализа дискурсивных практик конструирования «Других» как персонажей СМИ, анализ, систематизация и описание данных практик.

Ценность представляет и то, что впервые рассмотрен комплекс дискурсивных практик конструирования персонажей с неопределенным статусом в момент возникновения сенсационного информационного повода.

Теоретическая ценность работы. В научный оборот вводится и эксплицируется понятие «“Другой” как персонаж дискурса СМИ»,

обосновывается наличие разных в плане оценочной модальности практик конструирования «Другого» в медиатекстах, что вносит вклад в разработку проблем функционирования современных российских СМИ.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности применения ее материалов и выводов в ходе дальнейших исследований журналистского дискурса. Методика выявления и описания дискурсивных практик конструирования персонажа может помочь студентам, обучающимся по специальности «журналистика», журналистам и редакторам изданий выстраивать сбалансированный образ «Другого», избегать ситуаций непреднамеренного искажения информации при описании действий персонажа, а также понимать степень этической ответственности при использовании дискурсивных практик конструирования героя публикации, формировать установки толерантного сознания у массовой аудитории.

Проведенный в работе детальный анализ необходимого количества текстов СМИ и сделанные из него выводы могут способствовать исключению неоднозначности воздействия дискурсивных практик в тексте, рассчитанном на определенный тип аудитории.

Разработанная классификация видов и актуализаций практик конструирования «Другого» как персонажа дискурса СМИ вооружает журналистов конкретными критериями в оценке практик конструирования, стереотипизации того или иного типа персонажа.

Положения диссертации, полученные лично соискателем, содержащие новизну и выносимые на защиту, заключаются в следующем:

1. Исследование практик конструирования «Другого» как персонажа СМИ – актуальная научная проблема как вследствие недостаточной разработанности проблем дискурсивной организации массмедиа, так и по причине высокой общественной значимости вопросов социального мира, толерантности, снижения уровня ксенофобии в современной России. Внимание к «Другому» высвобождает серьезный потенциал развития общества.

2. Дискурсивные практики конструирования персонажа-«Другого»

реализуются через накопление соответствующих смыслов, у которых могут быть повторяющиеся маркеры. Анализ практик конструирования «Других» наглядно демонстрирует, что журналистский текст не копирует, не отражает механически социальную реальность, а всякий раз рождает особую медиареальность, функционирующую по анонимным и безличным правилам дискурса СМИ.

3. Начальный этап конструирования «Другого» как персонажа в дискурсе СМИ, когда он еще не типизирован и не получил закрепленного социального статуса, актуализирует множество практик, в том числе взаимоисключающих в оценочном отношении, а именно: фиксируются практики, формирующие негативное, позитивное, а также амбивалентное отношение к «Другому».

4. Негативно-оценочные практики конструируют «Другого» как внешнего или внутреннего врага, «ненормального» субъекта, нарушающего социальные правила. Эти практики наиболее частотны в современном российском медиадискурсе.

5. Положительно-оценочные практики конструирования персонажа отводят «Другому» роль помощника, внешнего или внутреннего с точки зрения включенности в сообщество «своих», а также роль героя.

6. К практикам конструирования «Другого», амбивалентным в оценочном аспекте, относятся: самопрезентация «Другого», «Другой»-жертва и «Другой»-диссидент. Они показывают высокую степень неоднозначности восприятия некоторых «Других» в общественном сознании.

Апробация научных результатов и степень достоверности. Степень достоверности обеспечена достаточным объемом исследуемых материалов, использованием адекватных для изучения практик конструирования персонажа в медиадискурсе методов эмпирического исследования, сочетанием качественного анализа с количественными параметрами, адекватным поставленным задачам подбором методов и методик.

Апробация научных результатов диссертационного исследования нашла отражение в 14 публикациях, четыре из которых опубликованы в издании, рецензируемом ВАК. Содержание концепции, положенной в основу диссертации,

а также различные ее аспекты были представлены также в тезисах и докладах научных сообщений для ряда международных, всероссийских и межвузовских научно-практических конференций: «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 2009 г.), «Журналистика в 2009 году: трансформация систем СМИ в современном мире» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010 г.), XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века» (Екатеринбург, Гуманитарный университет, 2010 г.), «Журналистика в современном мире: трансформация профессии» (Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2010 г.), XV Международная научная конференция «Риторика как предмет и средство обучения» (Москва, Московский педагогический государственный университет, 2011 г.), «Журналистика в 2010 году. СМИ в публичной сфере» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011 г.), «Российские СМИ и журналистика в новой реальности» (Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2011 г.), «Восточнославянские языки в историческом и культурном контекстах: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Киев, Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины 2012 г.), «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Одесса, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, 2013 г.)

На основе материалов и выводов исследования для студентов факультета журналистики Уральского федерального университета были подготовлены соответствующие разделы двух учебно-методических комплексов (Автохутдинова О. Ф. Политическая ин/толерантность в СМИ // Толерантность в СМИ / под общ. ред. Э. В. Чепкиной. – [Электронный ресурс]. URL: <http://detc.usu.ru/courses/cjour0011/index.htm> (дата обращения: 31.10.2014); Чепкина Э. В., Автохутдинова О. Ф. Все люди – сестры: проблемы гендерной толерантности в СМИ // Толерантность в СМИ / под общ. ред. Э.В. Чепкиной. – [Электронный ресурс]. URL: <http://detc.usu.ru/courses/cjour0011/index.htm> (дата обращения: 14.06.2015); Автохутдинова О. Ф. Конструирование «чужих» в

интернет-текстах на религиозные темы // Дискурсивные практики СМИ и проблемы информационной безопасности: монография / [Э. В. Чепкина, Ю. В. Казаков, Л. М. Майданова]; под общ. ред. Э. В. Чепкиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 138–159).

Структура и объем диссертации отражают концепцию работы. Диссертация состоит из Введения, четырех Глав, Заключения, Библиографии. Список использованной литературы включает 288 источников. Работа изложена на 238 страницах, включая Библиографию.

Глава 1. Проблемы дискурсивного анализа СМИ

1.1. Проблема Другого в российском обществе и в дискурсе СМИ

Категория Другого подробно изучена как категория философии и других социальных наук, однако требуется осмысление роли Другого в процессе массовой коммуникации, актуально исследование того, как современные российские СМИ конструируют Другого в контексте острых социальных проблем.

В качестве ответа на современные общественные вызовы в России сегодня функционируют противоположные тенденции: с одной стороны, утверждение модели полицентричной и динамичной культуры, с другой – приоритет стабильности, тотального единства общества, ценностная ориентация на идеализированное прошлое. В данный момент в публичном пространстве явно превалирует вторая. И это обстоятельство обуславливает преимущественно негативное отношение к Другому.

Социолог Б. Дубин подчеркивал: «В российских условиях «свое» и «чужое» не разграничены и не обозначены культурно. ...российский социум не принимает различий, не допускает, что все разные» [Дубин, 2014 а.]. Эта исторически сложившаяся ситуация актуальна и сегодня: «От 2/3 до 3/4 респондентов считают, что другим людям доверять нельзя. В эту позицию свернуто представление о «Другом» как о незаслуженном владельце того, чего у меня нет. (...) Недоверие – это способ снижения образа другого, а заодно отыгрывание страхов неудачи и потери» [Дубин, указ. соч.].

Однако такой комплекс представлений не существует в неизменном виде столетиями, есть историческая динамика отношения к Другим в разных общественных ситуациях. Так, в постсоветской России в конце 80-х и в 90-е гг. XX века Другие стали видны в большей степени. Это стало следствием и

ослабления авторитарной власти [Левинсон, с. 103], и логики развития постиндустриального общества с типичным для него дроблением и усложнением социальной стратификации [Гудков, Дубин, Левада]. Начало 90-х было отмечено ростом доброжелательного интереса к Другому, казалось, происходит «повальное превращение идеологических противников в лучших друзей» [Левинсон, указ. соч., с. 103]. Это для части общества выглядело как неожиданность, но на самом деле в тот период включились исторически сложившиеся латентные программы поведения, заранее заготовленные на всякий случай: все-таки опыт мирного сосуществования с соседями и чужаками обладает ценностью с незапамятных времен. В российском медиадискурсе 90-х получила распространение идея, что разнообразие обогащает общество, что социальная дифференциация, типичная для западных обществ, выступает признаком высокой политической, правовой, гражданской культуры.

Борис Дубин подчеркивал: «Фигура значимого Другого, Других возникла в конце 1980 – начале 1990-х гг., когда Россия пробовала возможные свободы. Другой воспринимался как партнер, с которым ты связан, который не обижает тебя тем фактом, что он Другой, а наоборот, этим и интересен. Вам интересно, потому что вы разные. Если этого интереса нет, возникает опасная изоляция» [Дубин, 2014 а.].

Однако вследствие отсутствия быстрых положительных перемен к лучшему в социальной и экономической сферах, в результате болезненных для российского самосознания сравнений постсоветского пространства с экономически благополучным, со второй половины 90-х начинается возврат к настроениям изоляционизма. В двухтысячные годы в России нарастает именно эта тенденция: происходит генерализация понятия «мы», постулируется его предельная обобщенность и одновременно отказ от взаимодействия с «обобщенным Другим» [Там же]. Одним из ярких знаков происходящих перемен стало то, что с 2000г. представители бизнеса как отдельная социальная группа утратили общественно-политические интересы [Гудков, Дубин, Левада, с. 39]. В идеологических построениях в качестве категории социологии и политики вновь активно

используется понятие «масса», не обладающая качествами разнородности [там же, с. 33]. Отчетливо проявляется тенденция к игнорированию и подавлению социокультурной дифференциации.

В августе 2014 года в газете «Ведомости» была посмертно опубликована статья выдающегося российского социолога Бориса Дубина «Нарциссизм как бегство от свободы». В частности там он пишет, что в последнее время настойчиво воспроизводится «очень важное представление о россиянах как общности особого типа. Это массовидная общность, где все принято решать сообща, где косо смотрят на человека, который пытается делать что-то только для себя. «Мы не рвемся за достижениями и богатством, нам важно, что мы все вместе» – этот аморфно-массовидный характер российского социума входит в представление об особости страны» [Дубин, 2014 а.].

Ученые-социологи отмечают, что, возможно, агрессивное неприятие Других именно сейчас – это нервная защитная реакция на усложнение общества, социальных связей внутри него. Для власти в более сложной стратификации видится опасность потери управляемости обществом, для граждан – необходимость мыслить более сложными категориями. Вот представление о множестве Других и упрощается до образа единого сплоченного врага, которому следует противопоставить сплоченное единство «своих».

Россию 2010-х гг. отличает поиск враждебных Других по разным основаниям: криминальным (педофилы), моральным (геи) или морально-религиозным (неправославные, «нетрадиционные» религиозные группы). Снова актуализируется идеологема внешнего врага, на его роль попеременно попадают США, Запад, с 2014 года – Украина. В паре с внешним врагом опять отыскивается своя «пятая колонна», возрождаются ярлыки «иностранный агент», «национал-предатель». Призывы к единству общества перед лицом внешней угрозы предполагают восприятие Другого как общего врага или как изгоя, подрывающего искомое единство, но не как проявление многообразия внутри сообщества граждан.

Противостояние «своих» и «врагов» все чаще описывается с помощью риторики войны. Наравне с восхвалением в СМИ спецслужб, военных и военизированных структур как олицетворения порядка, сил борьбы с хаосом, распространяется и генерализованное представление внешних и внутренних врагов как по-военному организованной силы [Чернявская, Молодыхенко, с. 85-86], например, «пятая колонна».

В итоге нынешней общественной ситуации проблема артикуляции ценностей и интересов различных социальных групп, в том числе разного рода меньшинств как самостоятельных субъектов не выходит на первый план ни в российской политике, ни в практиках массмедиа. Другие, конечно, не исчезают – они становятся латентными, уходят в тень, СМИ делают их невидимыми, так как лишают поддержки, обоснования общественной необходимости их существования. Так, например, специфические интересы различных российских регионов или таких социальных групп, как люди с ограниченными возможностями, сельские жители, оттеснены на дальнюю периферию медийной повестки дня.

Более того, формируются практики стигматизации Других – их негативной отмеченности в обществе. Вспомним негативно-оценочные публикации о музыкальных молодежных субкультурах, любителях компьютерных игр, исторических реконструкций и других группах, очевидно безопасных для социума.

Другая сторона рассматриваемой проблемы – отрицание Других свидетельствует и о недостаточной сформированности понятия «свои». Негативная идентичность «мы не такие, как они» не дает полноценной самоидентификации [Гудков, 2004].

К тому же назойливое утверждение ценности единства общества блокирует использование механизмов общественной дискуссии, сопоставления различных точек зрения по важным социальным вопросам. Обращение лишь к оппозиции «свои – чужие», особенно, когда чужие мыслятся как опасные и враждебные,

сужает поле общественного диалога, не говоря уже о коммуникации с «врагами», с которыми, как известно, в переговоры не вступают.

Рост ксенофобии в российском обществе требует поиска средств снижения социальной агрессии, выработки мер по ее профилактике. В этом контексте актуально и значимо исследование проблем конструирования «Другого» в дискурсе СМИ.

Обратимся к научно-философским основаниям проведения такого исследования.

Согласно «Современному философскому словарю», «Другой – то, что не есть Я, т.е. «иное», представленное, однако, в отношении ко мне и для меня» [Современный философский словарь, с. 202].

Категория Другого впервые была выделена в немецкой классической философии. Гегель указывал, что Я в его сущностном бытии зависимо от сущностного бытия Другого, и это создает диалектику «своего-иного» [Гегель, т. 1]. И. Г. Фихте подчеркивал, что осознать и познать бытие возможно только через «Я» в его отношении к «не-Я», ведь только через «Я» порядок и гармония входят в «мертвую и бесформенную массу» бытия [Фихте, т. 1]. Именно гегелевское понятие «свое-иное» и категория «не-Я» философии Фихте послужили методологическим основанием для современного понимания категории Другого.

В XIX веке материалистическая антропология Л. Фейербаха развивает теорию общения Я и Ты. Согласно его учению, Я познает себя в Другом до пробуждения собственного самосознания: «Сознание – это способность познавать себя самого в качестве предмета, наслаждаться своим совершенством, опосредованно другому объективному сознанию» [Фейербах, 1995, т. 2, с. 26]. И, наконец, в XX веке Э. Гуссерль применяет феноменологический метод познания Другого. Согласно Гуссерлю, в процессе постижения Я опознает Другого как разумное, психофизическое существо. Смысл собственной психофизической согласованности я переношу на Другого и осознаю его как полноценное разумное существо с психикой, которая сходна с моей. Это и позволяет Гуссерлю говорить о другом субъекте как о моем Alter-Ego, а не как об абсолютной инаковости и

чужеродности [Гуссерль, 1994; 1998]. Той же точки зрения придерживается и Мартин Бубер: «Я, лишенное диалогического общения, всегда ущербно. Оно не может себя ни познать, ни осознать в должной мере. Персоналистическая гносеология диалога предполагает обязательное наличие Другого не в качестве объекта, а в качестве живой реальности» [Бубер, с.112]. Необходимость внимания к Другому в рамках процесса познания мира прослеживается также в работах М. М. Бахтина, Ж. Делёза, Э. Левинаса, Ж.-П. Сартра [Бахтин, 1994; Делёз, 1995; Левинас; Ж.-П. Сартр]. В частности, у Левинаса Другой – универсальная связка человеческого бытия (во времени и пространстве): «Связь с будущим, присутствие будущего в настоящем совершается лицом к лицу с Другим. Захват настоящим будущего – не акт (жизни) одинокого субъекта, а межсубъектная (intersubjective) связь» [Левинас, указ. соч., с. 81]. Проблематика отношений «Я – Другой» становится постоянной темой у поздних мыслителей современности, что говорит о несомненной актуальности изучения категории Другого как в современной философии, так и в других гуманитарных науках.

Среди отечественных ученых, разрабатывающих различные аспекты проблематики Другого, необходимо назвать В. В. Ильина, Е. В. Кантемирова, Ю. Л. Качанова, В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова, Е. Е. Кудакovu, [Ильин, 1992; Кантемиров; Качанов; Кемеров; Керимов, 2007; Кудакова]. Отметим, что большинство современных исследователей считают, что опыт Другого в аспекте Чуждости способствует кристаллизации Я. Переживание Другого во всей недостижимости его эмоционально-смыслового опыта оказывается источником как выработки собственного смысла, так и совместного созидания общего смыслового поля. И здесь речь уже идет о формировании индивидуальной и коллективной идентичности.

В ходе анализа конструирования «Другого» в дискурсе СМИ необходимо учитывать, что представление о месте Другого в социуме не было неизменным и важно осмысление истории представлений о роли Другого в обществе. На разных этапах развития общества понимание, кто такой Другой, и отношение к нему

различались. Исторически складывавшиеся представления в том или ином виде существуют до сих пор, в том числе транслируются дискурсом СМИ.

В традиционном обществе Другой представлялся как приходящий извне. В нем видели угрозу стабильности и порядку, поэтому стремились либо интегрировать его в собственную культуру, либо избавиться от него. Это связано с тем, что возможности идентификации, как и образ всей социальной структуры в данном типе общества, были ограничены всеобщим сакральным порядком, традицией, которая устанавливала «некие стандартные формы личностной идентичности и объединения с себе подобными (социальные роли, предписанные модели действия или общепринятые когнитивные клише)» [Здравомыслов, Федотова, с. 15]. Речь идет о статусном Другом, потому что статус определяет взаимоотношения между людьми, характеризует социальную дистанцию. Кроме того, «в традиционных обществах, четко определяющих собственные границы, к Другим причисляют всех, кто не связан кровно-родственными связями с группой и не разделяет территорию. «Другими являются все те, кто не принадлежит к одному дому и общей земле» [Кантемиров, указ. соч., с. 9]. Иными словами, в традиционном обществе Другой исключен из числа «своих».

В индустриальном обществе, как в обществе дисциплинарном, Другой также получает себе место в поле негативного, однако это внутренний Другой, он появляется внутри сообщества «своих». По Фуко, Другой определяет предел «нормы» (психической, социальной, нравственной). Другие в обществе данного типа – это социальные изгои (безумцы, преступники, извращенцы), они иррациональны, неразумны и требуют контроля. Поэтому общество изолирует Другого и устанавливает дисциплинарный контроль за ним [Фуко, 1997].

В постиндустриальном обществе Другой уже не вписывается в структуру исключения / включения. В современном обществе Другой становится вездесущим, все социальные взаимодействия оказываются взаимодействиями с Другими. В качестве описания установки по отношению к Другому приходит «индифферентность» («общественное невнимание»). Это связано с тем, что сегодня можно найти слишком много различий между людьми даже помимо расы,

национальности, вероисповедания и моральных принципов, так что фиксирование этих отличий уже не позволяет никому точно знать, когда он встречается себе подобного, а когда Другого [Кантемиров, указ. соч., с. 22-23]. «В течение дня мы встречаем так много людей, что не можем узнать их всех. И в большинстве случаев мы не можем быть уверены – разделяют они наши стандарты или нет. Мир, в котором мы живем, представляется нам в основном населенным чужаками; это мир универсальной отчужденности. Мы живем среди чужаков, для которых мы сами чужаки» [Бауман, 1996, с. 69].

Необходимость Другого в любом типе общества в своих работах доказывает Р. Штихве [Штихве, с. 41-42]. Он подчеркивает, что Другой необходим для формирования коллективной идентичности: «Общество в фигуре чужого создает для себя возмущения, которые необходимы для его дальнейшей эволюции и на самом деле не являются неожиданными. Это, конечно, не означает, что чужого вообще не существует, что он – лишь «плод воображения общества». Но общество формирует такого чужого, какой необходим ему для проведения инноваций через их воплощение в этой фигуре. Поэтому удивительность чужого является лишь кажущейся, но эта фикция необходима, чтобы уберечь нормативно-ценностные основы общества от направленной на самое себя амбивалентности и вытеснить амбивалентность к границам общества, в фигуру чужого» [Там же].

Фактор Другой осмыслен как культурно значимый, существенный для первичной и вторичной социализации при распознавании культурной идентичности индивида на основании совокупности разнородных культурно значимых признаков: объект социальной перцепции признается как не принадлежащий к культуре/субкультуре субъекта познания, однако культура/субкультура интерпретируется им как равноправная альтернатива «своему» [Кантемиров, указ. соч.].

Исследования в области философии и социологии показали, что могут быть выделены виды Других: враги, чужие, иные. Другое, в отличие от Чужого, воспринимается не как враждебное Нам, а как нечто сопричастное, но отличное

от Нас, как Иное. Другой в какой-то степени может быть даже включен в группу «своих», что с Чужим просто невозможно. Другой, как трактует его А. Шюц, не тождествен моему «его», «он всегда представляет для меня «alterego». Другое может стать Чужим по мере удаления от меня, разобщения и отчуждения, и наоборот, в ближнем круге взаимопонимания Чужое превращается в Другое» [Шюц, с. 55].

М. М. Бахтин в своих работах показал еще один важный аспект понимания Другого: оппозиция «свой-чужой» может иметь нравственные характеристики, позволяющие выстраивать подлинно диалектические отношения без абсолютизации как в плоскость «свой» (культурно-национальный эгоизм), так и в плоскость «чужой» (культурный релятивизм). Относительно основных идей Бахтина по этому поводу, можно сказать, что категории его философии («не-алиби в бытии», «участное мышление», «вненаходимость», «другость», «другой для меня», «другой любовно-авторитетный во мне», «культура человека-другого», «кругозор вненаходящегося созерцателя» и др.) являются необходимым инструментарием для изучения феномена «свой-чужой», чья оппозиция определяет и личностные, и социально-психологические, и культурные реалии [Бахтин, указ. соч.].

Современный человек имеет право выбирать и свободно менять свою идентичность. Он не принадлежит в полной мере к какой-то одной из них ни своим рождением, ни своим гражданством. «И поэтому загвоздка теперь не в том, как раскрыть, изобрести, соорудить, собрать (или даже купить) идентичность, но как избежать застревания на месте. Крепко сложенная и долговечная идентичность из достоинства превращается в недостаток. Гвоздь жизненной программы постмодерна не построение идентичности, но избегание фиксации» [Бауман, 1995, 141].

Потребность в Другом как в средстве для консолидации и развития общества поддерживает актуальность обсуждения и изучения проблемы конструирования «Другого» в дискурсе СМИ.

Актуальность анализа отношения к Другому, фиксируемого в дискурсе СМИ, связана также с тем, что оппозиция «Я – Другой» (как и «свой-чужой») остается одной из центральных проблем социального дискурса. Это обусловлено интенсивностью нелинейных трансформаций социальных макросистем, радикальными изменениями в социально-коммуникативных процессах, трансформацией социальности самого человека, экономических и социокультурных условий его бытия, идеологическим и психологическим противоборством конфликтующих социально-политических сил, и многим другим [См. Варава, Рахманин, Глухова].

Отношения «Я и Другой» важны и при обсуждении такой общественно значимой проблемы, как толерантность. Исследователи журналистики сегодня уделяют проблеме толерантности значительное место. О проблемах, связанных с толерантностью и интолерантностью, идет речь, например, в работах И. М. Дзялошинского, Б. Н. Лозовского, Ю. В. Казакова [Дзялошинский, 2002; Лозовский, 2001; Казаков, 2002]. Среди российских лингвистов, занимающихся проблемой толерантности, можно назвать Л. В. Енину, Н. А. Купину, Л. М. Майданову, О. А. Михайлову, Э. В. Чепкину, Е. И. Шейгал [Енина, 2004; Купина, 2001; Майданова, 2004; Михайлова; Чепкина, 2003; Шейгал, 2001].

Также авторитетны для современного развития теории толерантности подходы Дж. Роулса и Дж. Грея. В частности, Дж. Роулс рассматривает толерантность как основополагающую ценность современного общества, вырастающую из идеи равенства [Rawls, с. 133-173]. Для развития толерантности в этом случае необходимо, во-первых, согласие граждан, во-вторых, граждане должны отдавать предпочтение справедливости, равенству и праву, а не теориям блага. Дж. Грей, в отличие от Дж. Роулса, видит основу толерантности не в наличии общих идеалов, а в том, что ситуативные ценности культур могут сосуществовать без достижения какого-либо «разумного согласия», и тогда толерантность существует «не как универсальная политическая норма, а как норма ситуативная» [Gray, с. 307-342].

Отношение к Другому имеет в своем развитии два пути. Первый – путь обострения конфликта, установка на изоляцию (проявляется через интолерантное отношение к Другому). Второй путь – сглаживание раскола, поиск компромисса (проявляется через толерантное отношение к Другому).

В социальной и политической философии разработки дискурса «Я – Другой», проведенные, в частности, Юргеном Хабермасом, стали обоснованием морального принципа отношения к Другому. «Равное уважение к каждому распространяется не на себе подобных, но на личность Другого или Других в их инаковости. И солидарное ручательство за Другого *как за одного из нас* соотносится с неизменчивым Мы такой общности, которая сопротивляется всему субстанциональному и все шире развивает свои нечеткие границы. Эта моральная общность конструируется исключительно негативной идеей упразднения дискриминации <...>, равно как и вовлечения маргиналов (и всего, что становится маргинальным) в отношения взаимного уважения» [Хабермас, с. 123].

Общество как субъективная реальность возникает не вследствие самостоятельной работы отдельного индивида, а в результате «...перенимания от Другого того мира, в котором уже живут. Между взаимодействующими людьми происходит постоянная непрерывная идентификация, интенция и смысл которой не однозначны. Индивид принимает не только роли и установки Других, но в ходе этого процесса он принимает и их мир... Формирование в сознании обобщенного Другого – решающий фактор социализации. Она включает интернализацию общества как такового, а значит, и устанавливаемой объективной реальности, и в то же время, она включает субъективное установление целостной идентичности» [Там же, с. 207].

Таким образом, применительно к анализу толерантности к Другому в современных российских СМИ нам кажется целесообразным ориентироваться на широкое определение понятия: «Толерантность – это готовность принять Других как носителей ценностей иной культуры или социальной группы и взаимодействовать с ними на основе понимания, согласия, равенства и права» [Дробижева, с. 305]. Ведь если смотреть на эффект толерантности, который может

дать массовая коммуникация, то «как осознанное активное приятие Другого, так и нейтралитет по отношению к нему, даже игнорирование некоторых социальных различий и безразличие к ним (например, журналист может не писать о религиозном выборе или о сексуальной ориентации героя публикации), – это практики толерантности, которые предпочтительнее проявлений вражды, неприятия, тем более одобрения дискриминации Другого или призывов к ней. Моральные основания журналистских практик толерантности не всегда возможно выяснить и, скорее всего, не всегда они безупречны. Если рассматривать толерантность как практику СМИ, то обычно получателю информации трудно уверенно предполагать, каковы были моральные установки авторов текстов и редакторов, но можно анализировать, каковы оказались дискурсивные смыслы, присутствующие в публикациях» [Специфика толерантности в СМИ. Ресурс локального доступа: Диск].

Интолерантность, как различные формы неприятия Другого, обычно основана на представлениях, что «свое», «наше» – это и есть норма, обязательная для всех. «Проявлением интолерантности в СМИ являются призывы к насилию или дискриминации в отношении каких-либо групп или индивидов, оправдание этих случаев. Интолерантное отношение к кому-либо или чему-либо – это смысл, который в тексте может быть выражен разными языковыми средствами и разными способами структурного построения текста» [Чепкина, 2002, с. 314].

Таким образом, исследование дискурсивных практик конструирования «Другого» в СМИ – актуальная научная проблема как вследствие недостаточной разработанности проблем дискурсивной организации массмедиа, так и по причине высокой общественной значимости вопросов социального мира, толерантности, снижения уровня ксенофобии в современной России.

На наш взгляд, оппозиция «Я – Другой» значительно шире, чем оппозиция «свой – чужой», и выявление разных групп Други», конструируемых в массмедиа, – актуальная исследовательская задача. Внимание к Другому высвобождает серьезный потенциал развития общества. Р. Штихве показал, что Другой необходим обществу для выявления его скрытых возможностей [Штихве, указ.

соч.]. И, добавим от себя, невозможностей. Соответственно, актуальной задачей видится коммуникативное взаимодействие разных социокультурных групп в пространстве массмедиа; внимание к Другому и его поддержка в межэтнических и межрелигиозных контактах, на рынке труда и т.д. На пути к достижению такого взаимодействия требуются в том числе усилия по исследованию дискурсивных практик СМИ в области конструирования «Другого» как персонажа журналистских публикаций. Анализ дискурсивных практик позволяет осуществить деавтоматизацию стереотипных приемов конструирования образа врага и – шире – разных типов Других.

1.2. Конструирование реальности в СМИ: от теорий отражения к изучению дискурсивных практик

Трансформация средств массовой коммуникации, начавшаяся в XX веке и активно продолжающаяся по сей день, связана в том числе с осложнением межкультурного и межличностного взаимодействия. Сегодня средства массовой информации существенно влияют не только на общественное мнение, но и на формирование отдельной личности. Журналист, осуществляя социальную коммуникацию, выступает в роли своеобразного медиатора, который может значительно влиять на содержание дискурса: «Процесс ретрансляции у медиатора, как правило, сопровождается его собственным вкладом в коммуникацию, и, таким образом, он выступает в роли соавтора» [Шейгал, 2004, с. 59]. Эту мысль продолжает Т. В. Чернышева: «Язык СМИ охватывает значительную часть общества через его единое информационное пространство и предстает как национальный поток сознания современного человека» [Чернышева, 2008, с. 237]. Современные исследователи отмечают, что СМИ играют все большую роль как инструменты не простого отражения, но конструирования реальности.

Различными аспектами теории массовых коммуникаций, а также изучением истории СМИ занимались и занимаются такие российские исследователи, как И. М. Дзялошинский, Я. Н. Засурский, И. И. Засурский, М. М. Ковалева, В. Д. Мансурова, Б. Н. Лозовский, В. Ф. Олешко, Л. Л. Реснянская, Л. Г. Свитич, Д. Л. Стровский, М. И. Стюфляева, В. Н. Фоминых, И. Д. Фомичева [Дзялошинский, 1996; Засурский, 2004; Засурский; Ковалева; Мансурова; Лозовский, 2004; Олешко, 2000; Реснянская; Свитич; Стровский, 2001; Стюфляева; Фоминых; Фомичева]. Разносторонние и глубокие работы названных исследователей заложили основу современного понимания средств массовой коммуникации, их роли в обществе.

Особый интерес представляет культурологическое направление исследований средств массовой информации, которое разрабатывали Ж.

Бодрийяр, Г. М. Маклюэн [Бодрийяр, 1995; Маклюэн, 2007]. Их работы показали роль СМИ в развитии культуры, привлекли внимание к неоднозначным эффектам воздействия СМИ на общество.

Значительный вклад в становление и развитие теории медиатекста, в разработку социолингвистических проблем массовой коммуникации внесли такие ученые, как В. В. Богуславская, Т. Г. Добросклонская, В. И. Коньков, Н. А. Купина, Л. М. Майданова, С. И. Сметанина, Г. Я. Солганик, С. Трескова, Э. В. Чепкина, Т. В. Чернышева Д. Н. Шмелев [Богуславская; Добросклонская; Коньков; Купина, 1995, 2000, 2001; Майданова, 2011; Сметанина; Солганик, 2000, 2001; Трескова; Чепкина, 2000, 2002, 2003; Чернышева; Шмелев].

С. Г. Корконосенко пишет, что современная журналистика не ограничивается лишь передачей информации. Более того, она не ограничивается и управлением информационными потоками: «Творение смыслов, содержательное наполнение текстов предшествует их передаче или следует после нее и уж во всяком случае не составляет природу коммуникации» [Корконосенко, 2006, с. 6]. Е. П. Прохоров пишет: «Журналистика обладает огромными властными возможностями, поскольку, где есть информация, там присутствует управление» [Прохоров, 2007, 188]. При этом журналистика сегодня становится более результативной, поскольку помимо основных своих функций (коммуникативно-информационной, идеологической, просветительской, рекреативной и т. д.) реализует «поддерживающую, критическую, уточняющую функции, а также функции поиска ответов и постановки вопросов» [Там же, с. 351]. Эту важную особенность функционирования средств массовой информации отмечает и М. Маклюэн: поскольку мир «сужается до размеров одной деревни» и скорость информации «взрывоподобно сводит воедино все социальные и политические функции», у человека обостряется «инстинкт ответственности за все происходящее» [Маклюэн, 1993, с. 68]. Маклюэн уточнял, что СМИ, являясь особым средством коммуникации, не столько отражают мир, сколько конструируют особое видение мира и более того, получают способность изменять знаковую и предметную реальность [McLuhan, 1967].

Как определяет Д. Рэндалл, «журналистика по природе своей субъективна. Она не может не порождать и не высказывать взгляды на мир, как не может корова не давать молока» [Рэндалл, с. 217]. При этом журналист может выполнять различные роли: «собственно ретранслятор (озвучивает напрямую слова респондента), рассказчик (высказывания респондента передаются в пересказе), конференсье (только представляет респондента и тему), интервьюер (контролирует ход коммуникации и выражает свою точку зрения), псевдокомментатор (ангажированный журналист, который говорит «как бы от себя», но при этом озвучивает точку зрения определенного политика), комментатор (ближе всего стоит к роли самостоятельного политического дискурса, так как прежде всего выражает свою точку зрения, цитируя и пересказывая высказывания политиков)» [Шейгал, 2004, с. 59]. При этом, возвращаясь к тезису о субъективности журналистики и к практике СМИ навязывать аудитории смысловые модели, согласимся Жаном Бодрийяром: «Масс-медиазация», уточняет он, «это не совокупность техник распространения сообщений, а навязывание моделей» [Бодрийяр, 2007, с. 247], потому что «медиа – это не демонстраторы, а эффекторы идеологии <...> они не могут быть – пусть даже в потенции или как-то иначе – нейтральными или неидеологическими» [Там же, с. 236].

Валентина Дмитриевна Мансурова, говоря о журналистской картине мира, также относит ее к целенаправленно формируемому варианту массового обыденного сознания, в котором могут содержаться элементы манипулятивной интерпретации действительности: «С журналистской картиной мира произошло то, что не могло случиться ни с каким другим знанием о мире: по закону «обратной тяги» потоки информации о реальности стали воздействовать на саму реальность... Реальность как таковая с живыми людьми и ситуациями – перестала быть единственным исходным объектом и предметом отражения системой средств массовой информации. Накопленные системой образы, символы и знаки оказались самодостаточными для воспроизводства и организации мнимой, или виртуальной реальности» [Мансурова, с. 55]. В. Д. Мансурова обращает внимание

на то, что особый эффект коммуникативной деятельности в журналистике заключается в том, что «создаются реальности, схематизирующие различные модусы бытия человека и окружающей его действительности», при этом автор признает, что картина мира, «формируемая средствами массовой информации, далеко не адекватна объективной реальности. Она формируется субъектами информационной деятельности» [Там же, с. 60, 87].

Пьер Бурдьё в цикле своих статей о телевидении и журналистике также отмечает способность СМИ конструировать реальность: «Политическая опасность, порождаемая обычным использованием телевидения, заключается в особой способности изображения производить то, что литературные критики называют «эффектом реальности»: телевидение показывает и заставляет поверить в то, что оно показывает. Такая сила внушения может породить эффект мобилизации, создавая идеи и направления, а также реальные социальные группы. Хроника происшествий, происходящие каждый день события и инциденты могут иметь политический, этический и т.п. подтекст, способный вызвать сильные, зачастую такие негативные эмоции, как расизм, ксенофобия, страх и ненависть по отношению к людям других национальностей. И даже простой репортаж, изложение записанных фактов, подразумевает стоящее за ним социальное конструирование реальности, способное производить социальный эффект политической мобилизации (или демобилизации)» [Бурдьё, с. 34-35].

Эффект реальности, о котором говорит П. Бурдьё, описывал в свое время Ролан Барт, который утверждал, что в текстах объективная реальность «будучи изгнана из реалистического высказывания как денотативное значение, входит в него уже как означаемое коннотативное» [Барт, 1989, с. 400]. То есть в повествовании глубокая детализация способна создать «реалистичность» описываемого, но это не значит, что оно полностью совпадет с «реальностью», под которой мы понимаем «объект познания, не зависящий от субъекта» [Философия: Энциклопедический словарь, с. 721-722].

Соответственно, мы можем говорить о том, в тексте конструируется особая «реальность». И Валентина Дмитриевна Мансурова, к примеру, называет

ее «виртуальной реальностью». Однако, так как термин «виртуальный» многозначен, и одно из значений – «несуществующий, но возможный»² (СОШ, с. 84), мы остановимся на более точном, на наш взгляд, определении: «реальность, сконструированная в текстах массовой информации».

Таким образом, классические теории массовой коммуникации, признавая, что СМИ могут конструировать реальность и влиять на нее, не разрабатывали проблематику того, при помощи каких механизмов это происходит. В русле постклассических теорий, в частности, теории дискурса, мы далее рассматриваем дискурсивные практики как способы конструирования объектов, в том числе персонажа «Другой».

Однако оговоримся, что когда речь идет о конструировании реальности в СМИ, проблема имеет два основных аспекта: во-первых, невозможно передать средствами дискурса все богатство внедискурсивной реальности, поэтому конструирование, схематизация неизбежны; во-вторых, практики отбора и описания внедискурсивных элементов открывают большие возможности манипулирования аудиторией за счет конструирования того, что выгодно. СМИ, подконтрольные тем или иным властным, коммерческим структурам, имеют богатый набор средств конструирования «удобной» реальности через отбор событий, персонажей, способы описания и комментирования. Языковой план сообщений при этом может быть совершенно нейтральным [См. Енина, 2006; Лозовский, 2011]. Мы в своей работе сосредоточимся на дискурсивных практиках, конструирующих персонажа журналистского текста и отражающих те или иные идеологические пристрастия.

Важно подчеркнуть: то, что медиадискурс конструирует реальность, не снимает вопросов профессиональной этики журналистов, необходимости следовать принципам честности, объективности, достоверности при передаче информации. Наоборот, уход от наивного представления, что журналист всего лишь «фотографирует» то, что есть, предполагает большую ответственность работников медиа за содержание публикаций.

² Здесь и далее СОШ – Толковый словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М., 2009.

Опишем подробнее исследования в рамках методологического подхода, на который мы опираемся в данной работе.

Дискурс и дискурсивные практики стали объектом научного анализа относительно недавно. Вопросы, связанные с изучением дискурса, привлекают все большее внимание исследователей [См. Белошапкова; Иссерс, 1997, 2010; Карасик, 2000; Кожина; Купина, 2000; Прохоров, 2006; Седов, 2004; Чепкина, 2000; Шейгал, 2004.]. О. И. Иссерс подчеркивает, что сегодня уже нельзя отрицать того, что «дискурс не только сам порождается сообществом, но и активно влияет на него» [Иссерс, 2010, с. 47].

Понятие дискурса пришло в лингвистику из философии. В 60-е годы XX века, критикуя структуралистов, П. Рикер впервые противопоставляет «системе» структурализма дискурс: «Только в инстанции дискурса язык обладает референцией. Говорить значит говорить что-то о чем-то» [Рикер, с. 145]. Р. Барт, один из основоположников семиологии, предлагал не разделять вербальные и визуальные знаки (слово и изображение): «Под словами «язык», «дискурс», «слово» и тому подобными будет подразумеваться любая значимая единица или образование, будь то вербальное или же визуальное» [Барт, 2000, с. 235]. Постструктуралист У. Эко, в свою очередь, расширил поле семиологии до любого конвенционального кода вообще [Эко, 1998, с. 408]. Развернутую теорию дискурса предложил М. Фуко [Фуко, 2004, с. 66]. Дискурс – это «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 1996, с. 29]. В дальнейшем концепцию Фуко развивают ученые разных стран, в том числе лингвисты. Например, У. Маас, определяющий дискурс как соответствующую языковую формацию по отношению к социально и исторически определенной общественной практике [Maatz, p. 18], П. Серио [Серио, с. 26] и др.

Среди современных российских исследований, связанных с разработкой теории дискурса, хотелось бы отметить работы Н. Д. Арутюновой, Б. М.

Гаспарова, А. Г. Гурочкиной, В. И. Карасика, М. Н. Кожинной, М. Л. Макарова, В. А. Миловидова, Ю. Е. Прохорова, В. Е. Чернявской [Арутюнова; Гаспаров; Гурочкина; Карасик, 2002; Кожина; Макаров; Миловидов; Прохоров; Чернявская, 2006, 2014] и др. Их работы посвящены научному, политическому, художественному, разговорному дискурсам и их разновидностям. Дискурсу средств массовой информации посвящены, в частности, работы О. С. Иссерс, Л. В. Ениной, И. Сандомирской, И. В. Силантьева, Э. В. Чепкиной [Иссерс, 2010; Енина, 2003; Силантьев, 2006, Сандомирская; Чепкина, 2000, 2012].

Дискурсу сегодня дается множество определений, выделяются разные направления исследований данного объекта. Нами используется подход, заданный работами М. Фуко [Фуко, 1996, 2004]. В рамках нашего исследования под дискурсом мы понимаем, вслед за Э. В. Чепкиной и Л. В. Ениной, «социально-упорядоченный механизм порождения речи, организации коммуникации», который «формируется надындивидуальными практиками передачи сообщений, что позволяет преодолеть теоретическую разделенность коллективного и индивидуального, объективного и субъективного» [Чепкина, Енина, с. 291-292]. В данном направлении дискурс – это система, построенная на определенных правилах и ограничениях не только языковых, но и внеязыковых [Фуко, 1996]. «Дискурс – это не тонкая поверхность соприкосновения или столкновения между некой реальностью и неким языком, сложение лексики и опыта; <...> анализируя дискурсы как таковые, мы видим, как ослабевают внешне столь тесные объятия слов и вещей и как высвобождается совокупность правил, присущих дискурсивной практике» [Фуко, 2004, с. 111].

Также необходимо помнить о социальной заданности дискурса, поскольку в дискурсивном пространстве каждому субъекту предписаны готовые правила общения (создания и передачи смыслов): «Многие знания и навыки, необходимые коммуникантам в пространстве дискурса, не подвергаются непосредственному осознанию с их стороны. Смыслы дискурсивных практик журналистики большинство людей осваивает практически – в ходе просмотра телепрограмм, чтения газет и т.д., без обучения» [Чепкина, Енина, с. 295]. Как мы уже говорили

выше, эти правила стабильны потому, что каждый владеющий практикой воспроизводит ее многократно, а также потому, что практики доступны внешнему наблюдателю, так как фиксируются в текстах.

«Теория дискурса, – пишет Э. В. Чепкина, – позволяет увидеть в тексте то, что не подчинено замыслу адресанта». Важно помнить, что смысл высказывания формируется не только *сознательными* намерениями говорящего субъекта, «особую роль играет дискурс *бессознательный*, скрытый за невинностью говорения» [Чепкина, 2000, с. 22].

Под дискурсивной практикой понимается «процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса. Однако условия продуцирования текстов очень разнообразны, поэтому имеет смысл говорить не о дискурсивной практике вообще, но о разнообразии дискурсивных практик в связи с конкретными обстоятельствами и условиями общения» [Там же, с. 7]. Дискурсивные практики, как мы обозначили выше, фиксируют не только правила создания завершенного, отдельного текста, но и вообще способы передачи смыслов, актуальных для журналистики вне зависимости от того, в одном тексте или в серии текстов эти смыслы воплощаются. «Благодаря коммуникации, осуществляемой практически, сохраняется как стабильность социального процесса, так и его способность к изменениям. <...> при обращении к понятию *практика* подчеркивается ее надындивидуальный характер, осуществляется выход за пределы оппозиции *мы – они; субъект – объект; индивид – общество; норма – патология* и т. д. <...> дискурсивные практики фиксируют не столько правила создания завершенного, отдельного текста, сколько способы передачи смыслов вне зависимости от того, сколько и каких именно текстов могут эти смыслы передать. Это позволяет выделить интертекстуальные, не замкнутые в границах отдельных сообщений закономерности развертывания смыслов в рамках дискурса» [Чепкина, Енина, с. 293-294]. Таким образом, каждая дискурсивная практика в журналистике нацелена на передачу некоторого смысла, который считывается с помощью системы знаков (маркеров), закрепляющих определенные смыслы в тексте.

Практики конструирования персонажа подчиняются общим правилам формирования дискурсивных объектов.

Изучение практик конструирования персонажа «Другой» в медиадискурсе опирается на методы анализа персонажа в литературоведении и лингвистике текста, а также на подходы, сформировавшиеся в рамках дискурсивного анализа СМИ.

Исследователи отмечают, что важной составляющей текста, в том числе и публицистического, является персонаж [См. Майданова, 2009; Эко, 2007; Чепкина, Енина], или главное действующее лицо. В литературоведении и теории журналистики его принято также называть «героем»: «В журналистике, как и в литературоведении, центральные, главные действующие лица произведения называются героями. Люди, окружающие центральную фигуру, – персонажами» [Цвик, с. 23]. Мы остановимся на термине «персонаж» для обозначения всех упоминаемых в медиатекстах лиц.

Литературный энциклопедический словарь дает следующее определение: «ПЕРСОНАЖ, обычно – то же, что и литературный герой. В литературоведении термин «П.» употребляется в более узком, но не всегда одинаковом смысле, который нередко выявляется лишь в контексте. Чаще всего под П. понимают действующее лицо. Однако и здесь различаются два толкования: 1. лицо, представленное и характеризующееся в действии, а не в описаниях (ему соответствуют более всего герои драматургии, образы-роли), – такое ограничительное понимание термина «П.» воспринимается уже как устарелое; 2. любое действующее лицо, субъект действия вообще, представлен ли он непосредственно, или о нем рассказывается, – это понимание термина самое распространенное, применяется к различным лит. героям (кроме лирического героя, нельзя сказать «лирический персонаж»). Часто под П. понимают лишь второстепенное лицо, не влияющее существенно на события в произведении («эпизодический П.», но не «эпизодический герой») [Литературный энциклопедический словарь... с. 276].

И. П. Ильин в энциклопедическом справочнике «Современное зарубежное литературоведение» указывает на различие персонажа-рассказчика и персонажа-актера: «ПЕРСОНАЖ (фр. *personnage*, англ. *character*, нем. *person*, *figur*) по представлениям нарратологии, сложный, многосоставной феномен, находящийся на пересечении различных аспектов того коммуникативного целого, каким является худож. произведение. Как правило, П. обладает двумя функциями: действия и рассказывания. Таким образом, он выполняет либо роль актера, либо рассказчика-нарратора» [Ильин, 1996, с. 90-91].

Согласно Литературной энциклопедии, «Персонаж <...> может иметь различное историческое содержание, в зависимости от которого мы и определим его качество и ценность для нас. Самое развертывание П. в произведении происходит как путем непосредственного показа характерных его черт и действий (его портрет, характеристика, речи, поступки и т. п.), так и через другие образы, так или иначе к нему относящиеся» [Литературная энциклопедия... т. 8, с. 583-584].

Механизм создания «персонажа» в контексте структурирования, порождения текста показывает Р. Барт: «В момент, когда тождественные семы, несколько раз кряду пронизав Имя собственное, в конце концов закрепляются за ним, – в этот момент на свет рождается персонаж. Персонаж, таким образом, есть не что иное, как продукт комбинаторики; при этом возникающая комбинация отличается как относительной устойчивостью (ибо она образована повторяющимися семами), так и относительной сложностью (ибо семы отчасти согласуются, а отчасти и противоречат друг другу). Эта сложность как раз и приводит к возникновению «личности» персонажа» [Барт, 2009, 126].

Следует различать конкретного персонажа текста и обобщенный, символический образ, связанный с тем же персонажем: «образ – это уже не комбинация сем, закрепленных за тем или иным гражданским Именем; ускользая из-под власти биографии, он представляет собой внегражданскую, безличную и ахронную комбинацию символических отношений. В качестве образа персонаж может колебаться между двумя ролями, причем это колебание лишено какого бы

то ни было значения, ибо имеет место вне биографического времени (вне хронологии): символическая структура полностью обратима, так что читать ее можно в любом порядке. ... В качестве сугубо символической фигуры персонаж не имеет ни хронологического, ни биографического статуса» [Там же].

Литературоведческие подходы нашли успешное применение в исследованиях текстов СМИ. Несмотря на то, что в отличие от фикциональности художественной литературы, публицистика имеет документальную основу, конструирование персонажей опирается на те же принципы [См. Чепкина, 2000]. Персонажи могут быть конкретными, социально типизированными, символическими фигурами. Кроме того, персонажем публикации СМИ может выступать не только отдельный человек, но и коллективный субъект – организация или социальная группа.

По своим функциям в тексте, как обобщает С. Л. Кушнерук, «некоторые из них активные исполнители, другие – пассивные наблюдатели, чье присутствие, тем не менее, осознается адресатом» [Кушнерук, с. 88]. Также в журналистском дискурсе персонаж может служить предметом обсуждения других персонажей, они могут в своей речи приписывать ему определенные характеристики, давать оценку его действиям, рассказывать какие-нибудь истории о нем.

Многие персонажи текстов СМИ формируются и описываются стереотипно, в том числе за каждым из персонажей может быть закреплено стереотипное представление как о «своем», «чужом» или Другом. Использование стереотипов в прессе – это способ, с помощью которого «можно довольно быстро и эффективно улучшить или ухудшить образ идеологического противника в глазах общества. Как мы уже говорили выше, многоплановая социальная стратификация общества (богатые и бедные, здоровые и больные, гетеросексуалы и гомосексуалисты и др.) находит свое отражение в языке. Каждая из этих групп имеет набор стереотипных формул, выражающих толерантную или интолерантную позицию по отношению к ним» [Енина, 2003, с. 228]. В. И. Карасик [См. Карасик, 1992] выделяет следующие критерии стереотипизации персонажей, которые подходят и для персонажей СМИ: 1) внешний вид; 2)

привычки и традиции; 3) степень цивилизованности; 4) способности; 5) моральные качества.

Также важной характеристикой персонажа в СМИ является его сюжетная (нарративная) роль [См. Чепкина, 2000]. Стандартные сюжетные роли персонажей сложились еще в долитературную эпоху. Нам они известны с детства, прежде всего из сказок. В.Я. Пропп, изучавший морфологию волшебной русской сказки, настаивал на единообразии функций персонажей, на принципиальном единстве сюжетной формулы волшебной сказки, считая, что «номенклатура и атрибуты действующих лиц представляют собой переменные величины сказки» [Пропп, 1998 а, с. 79]. И вывод, который он сделал, звучал так: «функций мало, форм их много, последовательность функций всегда одинакова, т.е. получилась картина удивительной закономерности» [Там же, с. 462]. Опираясь на сюжеты русских народных сказок, Пропп выделяет следующие типы персонажей: герой, ложный герой, отправитель, помощник, вредитель-антагонист, даритель, царевна или ее отец. Каждый тип персонажа имеет свой круг действий, т.е. одну или несколько функций [Пропп, 1998 б, с. 24-29]. В результате изучения персонажей и их атрибутов можно проследить некоторые парадигматические отношения, имеющие и бинарный характер. Такова, например, схема атрибутов героя и ложного героя, которая показывает, что героям соответствуют самозванцы противоположного духовного, семейного, социального статуса (оппозиция младший-старший и т. п.). «Герои, не подающие надежд, могут рассматриваться как негативные варианты героев с благородной видимостью. Отношения героя и вредителя-антагониста строятся обычно на оппозиции «свой-чужой», проецированной на различные плоскости: наше царство – иное царство, родная семья – неродная семья. Вредителю соответствует и характер вредительства: мачеха изгоняет падчерицу, чтоб ее извести; змей похищает царевну себе в наложницы и т. п. Это примеры семантического анализа, который основан на вычленении оппозиций, лежащих в основе сказочных представлений и соответствующей им модели мира» [Пропп, 1998 а, с. 460-461].

Сказка считается десакрализированным, опустившимся до обыденности мифом. Ее персонажи – это бывшие мифологические герои, чьи структурные характеристики и нарративные функции также хорошо изучены [См. Мелетинский; Пропп; Элиаде]. Иногда типы этих героев трактуются сугубо материалистически: «Героем первобытного мифа является человек, первоначально мыслящий себя подчиненным тем силам природы, с которыми жизнь заставляет его вести борьбу, и пытающийся расположить их в свою пользу. По мере того как с хозяйственным и техническим прогрессом исчезает сознание подчиненности, в мифах появляются рассказы об активной борьбе человека с природой и ее олицетворенными в художественных образах силами» [Пропп, 1958, с. 153].

Перечислим характеристики типичных сюжетных ролей персонажей: герой, ложный герой, помощник, вредитель-антагонист и жертва. Выполненное нами исследование показывает, что эти сюжетные роли актуальны и для современных медиатекстов.

Функции героя в мифах и эпосе – побеждать и уничтожать чудовищ, очищать и защищать от них землю, хранить священные традиции прошлого (но и ломать те из них, которые перестают соответствовать моральным нормам, выработанным развитием общества), спасать от беды жертву вредителя. Вся деятельность героя направлена на благо людей, поэтому люди отвечают герою народной любовью. Герой – носитель самых высоких моральных качеств, в том числе альтруизма – о себе он думает в последнюю очередь. И герой не только тот, кто лично храбр, но тот, кто проявляет храбрость для спасения нуждающихся в его помощи, например, помогает обездоленному. Другими словами, герой воплощает идеал справедливости. При этом герой не только вступает за других, но и спасает, если нужно, свой народ, он способен возглавить его. Некоторые таланты героя могут быть до поры скрыты (например, ум у Ивана-дурака), но в борьбе с вредителем герой обязательно их проявляет» [Там же].

Итак, главные функции героя: борьба с вредителем, борьба за справедливость, охрана национальных традиций, способность возглавить народ и защитить его, способность завоевать любовь народа.

Ложного героя, подобно кругу действий героя, могут отправить на поиски чего-либо, но в качестве специфической функции добавляются обманные притязания. «Ложный герой должен быть наказан, если его удастся изобличить» [Пропп, 1998 а, с. 59-61]. Когда ложного героя изобличают, он может быть признан антагонистом (вредителем).

Круг действий антагониста (вредителя, врага) героя охватывает: вредительство, бой или иные формы борьбы с героем, преследование героя или жертвы.

Сюжетная функция вредителя традиционно связана с образом врага. Исследуя создание образа врага, известный социолог Л. Гудков говорит: «семантический комплекс значений «врага» устанавливает функциональные связи между пониманием социального целого «мы», репрезентативной для этого целого властью и характером человека, входящего в это «мы» (т.е. акцентирует те социальные нормы и ценности, которыми оно конституировано и управляет; указывает прямо или опосредовано на символические характеристики его прошлого и будущего, ресурсы, партнеров и тому подобные элементы картины социальной реальности)» [Гудков, 2005, с. 9]. Соответственно, не только структура образов врага, но даже само по себе выдвижение на первый план риторики врага уже может служить симптомом важнейших социальных процессов – массовой консолидации мобилизационного типа, блокировки инновации, консервации архаических представлений и ритуалов. Внедрение образа врага в массовое сознание всегда опирается на определенные ожидания и запросы общества.

Л. Гудков перечисляет основные механизмы создания образа врага: «Для того, чтобы актер стал «врагом», он должен получить ряд генерализованных характеристик: неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциональных ограничений. При

появлении «врага» не работают... признание общих ценностей, индивидуальных удач и групповых достижений, подчеркивание общих благ и символов» [Там же, с. 11-12]. Создается тревожная и неясная ситуация общих страхов, заставляющая людей сильнее, чем обычно, чувствовать свою близость, солидарность перед лицом реальных или мнимых коллективных опасностей, сплотиться вокруг лидера, «который гарантирует условия безопасности и избавления от угрозы уничтожения» [Там же, с. 14-15]. Предполагается, что с врагом невозможно строить партнерских отношений, врага можно только победить.

Различают врага внешнего и внутреннего. Внешний враг – представитель иного государства, организация, созданная в ином для «своих» государстве, или само это государство (через метонимическую замену, например, «Америка», «Запад», «ИГИЛ»), чьи действия можно трактовать как враждебные или опасные для «своих» (вплоть до объявления войны «своим» или угрозы их физического уничтожения).

Внутренний враг отличается тем, что служит условием актуализации позитивных значений «своих»: «Его функция – указать изнутри, т.е. в ценностной перспективе общепринятых значений группы, на культурные границы «мы-группы», зоны «своих», пределы “наших”» [Там же, с. 14-15]. При этом помощники врага внутри сообщества «своих» выступают как «кликуши», «близорукие», извращенцы, носители «упаднических» настроений, абстрактные гуманисты, оторванные от жизни и т.п. – по отношению к ним необходимы бдительность и принципиальная нетерпимость [Там же, с. 66-67].

Круг действий помощника охватывает пространственное перемещение героя, ликвидацию беды или недостачи, спасение от преследования, разрешение трудных задач. В отличие от врага, помощник показывается как непосредственный партнер – с ним можно взаимодействовать, вступать в практические отношения и извлекать из них пользу. По В. Проппу, помощник облегчает персонажам коммуникацию или препятствует ей, если она может нанести вред герою или жертве, он может способствовать облегчению участи жертвы [Пропп, 1998 а].

Характеристики **сюжетной функции жертвы** у Проппа мы не находим (хотя персонаж-жертва им регулярно упоминается в части анализа сюжетных ходов), однако в журналистских текстах персонаж, нуждающийся в защите героя или страдающий от вредителя-антагониста, есть [Автохутдинова, 2011]. В целом, роль и психология жертвы исследованы на разном социологическом и культурном материале. Существенно, что «закрепление ролевого статуса жертвы меняет идентичность до такой степени, что индивид начинает непроизвольно фиксироваться на социальных ролях, отвергаемых или осуждаемых обществом. В зарубежной психологии данный феномен получил название «испорченная идентичность» [См. Goffman]. К носителям статуса жертвы относят, к примеру, «андеркласс» (англ. under – «под»), «отчужденный класс», тот слой общества, который находится ниже всех классов в социальной иерархии. «Андеркласс – это ущемленный в своих интересах класс, состоящий из безработных, нетрудоспособных лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества в целом, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов. Это группа с негативной коллективной идентичностью, являющаяся результатом социального исключения» [Социология: Энциклопедия... с. 58]. Жертве могут приписывать инфантилизм, паразитизм, демонстративность, пассивность, стихийность, заклеяменность т.п. [Римашевская, с. 33-34].

На основе анализа научной литературы, связанной с интересующими нас закономерностями конструирования «Другого» как персонажа текстов СМИ, мы разработали методику анализа соответствующих дискурсивных практик.

Методика анализа в данной работе нацелена на выделение практик конструирования «Другого» в журналистском дискурсе, спецификой которого, напомним, является то, что его объекты (события и персонажи) не сочиняются, а тщательно отбираются из происходящего в действительности и конструируются, прежде всего, в соответствии с заданной идеологической доминантой.

Термин «Другой» применительно к дискурсу СМИ, напомним, мы определяем как: медиаперсонаж, практики конструирования которого как объекта

дискурса СМИ маркируют его инаковость, отличие, значимое в социальном контексте.

Методика, разработанная нами для анализа дискурсивных практик конструирования «Другого» в текстах СМИ, опирается на ранее предложенные методики выявления персонажей медиадискурса [См. Чепкина 2000, 2009; Чепкина, Енина и др.].

Единицей анализа является целостный текст.

Специфика текстов о «Другом» предполагает, что выбор персонажа сделан на основе его инаковости в том или другом отношении, это условие задается изначально, на уровне информационного повода публикации. Дальнейший анализ «Другого» как персонажа включает следующие шаги:

1) Выделяем базовую номинацию персонажа и его вторичные номинации. Базовая номинация – чаще всего имя собственное персонажа или его ведущая социальная характеристика. В случае, когда персонажем текста СМИ выступает не отдельный человек, а организация или социальная группа, наименование этой группы выступает как базовая номинация.

Вторичные номинации – все другие номинации, данные персонажу. Имя собственное – это «своего рода поле, в котором происходит намагничивание сем; виртуально такое имя соотнесено с определенным телом, тем самым вовлекая данную конфигурацию сем в эволюционное (биографическое) движение времени» [Барт, 2009, с. 126-127]. Вторичные номинации – это слова-субституты, обозначающие персонажа в тексте и обычно как-то характеризующие его.

Выбор базовой номинации – существенный шаг в конструировании персонажа.

2) Анализируем характеристику поведения, черты характера индивидуализированного персонажа (в том числе и его речь); действия, заявления – в случае коллективного персонажа. Выявляем повторяющиеся смыслы, которые и лежат в основе конструирования персонажа.

3) Рассматриваем сюжетную роль индивидуализированного персонажа, опираясь на работы В. Я. Проппа, а также интерпретацию сюжетных ролей

персонажей СМИ в исследованиях Э. В. Чепкиной и Л. В. Ениной. В дискурсе СМИ один персонаж может играть несколько сюжетных ролей. Напомним, что воля персонажей, их намерения, не могут считаться существенными факторами для их определения: «Важно не то, что они хотят делать, не чувства, их наполняющие, а их поступки как таковые, оцененные и определенные с точки зрения их значения для героя и для хода действия» [Пропп, 1998 а, с. 90]. Приписывание персонажу определенной сюжетной роли составляет важную часть конструирования его позиции в дискурсе.

4) Рассматриваем, дана ли оценка персонажу, если да, то с чьей позиции. Например, оценка может даваться авторами журналистских текстов, присутствовать в речи персонажа о себе или в речи других персонажей.

5) Выявляем лингвистические маркеры конкретных дискурсивных практик: повторяющиеся смыслы инаковости; типичные слова, маркирующие такие смыслы; типичные нарративные и логические схемы, описывающие персонажа как «Другого».

Данная методика анализа дискурсивных практик выявляет, каким образом персонаж-«Другой» конструируется в современном российском медиадискурсе.

В приведенном далее изложении результатов проведенного исследования и описании дискурсивных практик конструирования «Другого» мы не эксплицируем каждый раз приложение описанной методики, а показываем лишь наиболее существенные шаги конструирования персонажа.

В целом, анализ эмпирического материала осуществлялся в два этапа. Задачей первого этапа было – рассмотреть два случая конструирования «Другого» в ситуации, когда его статус на момент появления персонажа в СМИ не был изначально определен (его поступки были настолько неожиданны для сообщества, что для их описания не было готовых схем): мы обратились к случаю с майором МВД Алексеем Дымовским, записавшим видеобращение к В. В. Путину с целью разоблачить коррупцию и злоупотребления в милиции Новороссийска, а также к истории Пензенских Затворников – религиозной группы, поселившейся в подземной пещере. В ходе исследования публикаций об

этих персонажах был выявлен набор типичных практик конструирования «Другого».

На втором этапе мы посчитали необходимым расширение круга изучаемых текстов для более тщательного анализа практик, которые были мало или совсем не представлены в публикациях об А. Дымовском и Пензенских Затворниках. После этого мы осуществили детальное описание практик конструирования разных типов «Других» в российском медиадискурсе.

В ходе исследования выявлено, что применение практик конструирования персонажа как «Другого» не зависит от формата издания и жанра публикации, поэтому далее, при демонстрации результатов анализа, эти характеристики изучаемых текстов не отмечаются.

В задачи исследования также не входило определение частотности использования практик конструирования того или иного типа «Другого» как медиаперсонажа.

Подведем итоги. Проблема конструирования реальности в СМИ активно изучается в современной теории журналистики и смежных дисциплинах. Дискурсивный подход к выявлению механизмов социального конструирования на уровне персонажей СМИ – актуальная часть методов исследования массовой коммуникации.

Проблема репрезентации Другого в дискурсе массмедиа обладает повышенной актуальностью в связи с ростом проявлений ксенофобии во современной России, ее разработка призвана способствовать поиску средств снижения социальной агрессии, распространения принципов толерантности в коммуникации.

Категория Другого подробно изучена как категория философии и других социальных наук, выявлены типы Других в зависимости от исторического периода их появления, роль Другого в развитии общества и в процессе коммуникации. Исторически сложившиеся разновидности Других присутствуют в дискурсе современных российских СМИ, но не получили пока подробного изучения и описания.

Изучение Другого в медиадискурсе возможно на основе методов исследования категории персонажа в художественных и публицистических текстах. Важной составляющей характеристики персонажей являются их сюжетные роли. Они подробно описаны на материале мифов, фольклора, однако недостаточно изучены применительно к медиатекстам, требуется изучение ролей «Другого», связанных с функциями этой фигуры в медиатекстах.

Методика анализа в данной работе опирается на концепции критического дискурс-анализа как части комплекса дискурсивных подходов к исследованию текстов, в том числе медийных. Центральный анализируемый предмет – дискурсивные практики конструирования «Другого» как персонажа СМИ.

В следующей главе мы обращаемся к рассмотрению практик конструирования «Другого» в контексте двух конкретных ситуаций появления персонажей с неопределенным статусом, т.е. персонажей, чье появление стало неожиданным и для медиасообщества, и для массовой аудитории.

Глава 2. «Другой» с неопределенным статусом: дискурсивные практики конструирования в СМИ

Дискурс СМИ имеет собственные практики отбора и конструирования персонажей, всегда имеется готовая классификация участников актуальных для медиадискурса событий, поэтому часто говорят, что в одном и том же издании содержание примерно повторяется каждый год, меняются лишь фамилии и число пострадавших [См. Кромптон].

Тем не менее исследование дискурса СМИ показало, что периодически возникают ситуации, в которых появляется персонаж, для которого нет готового места в классификации статусов и сюжетных ролей героев журналистских публикаций. В этом случае журналисты вынуждены оперативно конструировать объяснения поведению персонажей, формировать оценки их поступков. Практики описания таких персонажей, по нашему мнению, позволяют увидеть важные закономерности конструирования персонажей медиадискурса.

Нами был использован подход, разработанный в рамках метода Case study: детальное исследование частного случая, относящегося к определенному классу феноменов. Кейс-стади часто бывает полезным на первоначальном этапе исследования какой-либо проблемы, так как позволяет сформулировать гипотезы для дальнейшей работы. В нашем случае метод предоставляет возможность анализа видов дискурсивных практик, а также способов социального взаимодействия в типичных ситуациях. Мы рассмотрели комплекс публикаций СМИ о двух ситуациях с персонажами, чей статус был неопределенным на момент появления сенсационного информационного повода, о котором написали множество СМИ. В обоих случаях мы ставили задачу зафиксировать смыслы, обнаруженные нами в журналистских текстах, для выявления дискурсивных практик конструирования персонажей как Других. Ниже мы даем общую характеристику этих двух ситуаций и показываем практики конструирования

персонажей, выявленные в рамках каждой из них. Подробному анализу каждой практики конструирования Другого посвящены третья, четвертая и пятая главы.

2.1. Пензенские Затворники

Первая ситуация, в которой оказались востребованы практики конструирования «Другого» в СМИ, связана с так называемыми Пензенскими Затворниками. Уникальность ситуации в том, что готовых стереотипов описания обнаруженной СМИ группы не было, так как с фактами добровольного затворничества на религиозной почве российское общество не сталкивалось довольно давно.

Для начала напомним общую канву событий. 24 октября 2007 года 35 человек (четверо из них – дети), входящих в религиозную группу Петра Кузнецова, ушли в заранее подготовленную пещеру в овраге у села Никольское Пензенской области. В ноябре лидер затворников Петр Кузнецов, оставшийся на поверхности, был задержан и направлен на лечение в психиатрическую больницу, а одна из затворниц умерла от голодного поста. В середине марта 2008 года в пещере начинаются обрушения сводов и от рака умирает еще одна затворница. В конце марта 7 затворников выходят наружу и селятся в молельном доме села Никольское. В апреле пещеру покидает еще часть затворников. Некоторые из них добровольно разъезжаются по домам, других депортируют. В мае последние затворники покинули свое подземное убежище. Практически в течение всего времени нахождения затворников под землей за ситуацией следили журналисты.

Первичной номинацией по отношению к рассматриваемому персонажу должно было бы являться словосочетание «религиозная группа». Однако в СМИ наиболее частотной была другая, вторичная по отношению к этой номинация: «Пензенские Затворники», которую мы в своей работе взяли в качестве общей номинации коллективного персонажа именно из-за частотности ее употребления,

несмотря на окрашенность лексемы «затворник»: «1. В старину: монах, давший обет не выходить из своей кельи, жить в затворе. 2. *перен.* То же, что отшельник (во 2 знач.)» [СОШ, с. 221] «ОТШЕЛЬНИК – 2. *перен.* человек, чуждающийся других, живущий уединенно» [СОШ, с 484].

Отметим еще, что в ходе развития ситуации словосочетание «пензенские затворники» стало нарицательным в текстах СМИ. К примеру, в «Новой газете» вышел текст с заголовком «Пензенские затворники» (Новая газета, №91, 08.12.08), однако посвящен он был Третьему конгрессу международных неправительственных организаций (НПО) России, Украины, Белоруссии и Польши. К Затворникам никакого отношения это мероприятие не имело, но так как оно проходило в Пензе и было закрытым (журналистов туда не пустили), это дало журналисту основание, чтобы использовать прецедентное имя для большей выразительности заголовка.

Привлекавшие журналистами вторичные номинации для обозначения персонажа можно разделить на две группы. Первая – нейтральные номинации: *люди, члены общины, группа последователей Петра Кузнецова, община, женщины, мужчины, дети*. К нейтральным номинациям могут подключаться слова, указывающие на место события: *подземная община, пензенская община верующих, жильцы пещеры*. Вторая группа – оценочные номинации: *пензенские сидельцы, религиозные фанатики, добровольные узники пещер, шарлатаны, убогие, маргиналы*. В круг оценочных номинаций мы также включали те, в которых стилистически или оценочно был окрашен хотя бы один из элементов: *затворники, ушедшие от мира в селе Никольское; община, ушедшая в глухую оборону; люди, которые заживо замуровали себя под землей; люди, которые зарылись в пещере; люди, сидящие в подземном заточении; обитатели бункера; закопавшиеся в селе Никольское*. Также оценочность номинаций передавалась через взятие отдельных слов или словосочетаний в кавычки: «*схимники*», «*пензенские отшельники*», *жительницы дома «отца Петра»*, *представители «настоящей Русской Православной церкви»*, «*истинно верующие*». Таким образом авторы материалов подчеркивают, что используют слова в переносном значении с

негативным оттенком. Кроме того, в качестве оценочных номинаций нам встретились окказионализмы: *закопаныцы* и *«концесветовцы»*; каламбуры: *пещерные люди*; а также номинации с интертекстуальным компонентом: *пещерные жители, подземные жители*, отсылающие к романам В. Г. Короленко «Дети подземелья» и А. М. Волкова «Семь подземных королей».

Отдельно следует отметить оценочную номинацию, которая занимает второе место по частотности употребления в публикациях о затворниках, – *секта* и ее варианты, сопровождающиеся в некоторых случаях эпитетами или графическим выделением, усиливающими негативную оценку: *сектанты, погановские сектанты, ушедшие под землю сектанты, зловредные сектанты, «псевдоправославная секта»*.

В результате в СМИ, несмотря на довольно обширное количество источников информации (представители власти, независимые эксперты, священники, жители Никольского, родственники затворников, члены общины, оставшиеся на поверхности), был создан негативный образ Пензенских Затворников с ярлыком «сектанты». К слову, «секта» – это понятие-симулякр, не имеющее ни научного, ни правового статуса [См. Казаков, 2009], в случае обозначения этим словом религиозных групп им приписываются однозначно негативные оценочные характеристики. Примечательно, что довольно быстро журналисты заменили наименование села Никольское, вблизи которого располагалась пещера Затворников, на *деревня Погановка*. Например: *Депутат Государственной думы РФ Алексей Митрофанов за неделю до выборов побывал в Пензенском селе Никольском («Погановке»), чтобы на месте познакомиться с обстановкой вокруг группы последователей Петра Кузнецова* (Неделя с Марианной Максимовской, ТК «REN-TV», 24.11.07). Якобы так прозвали это селение местные жители. На наш взгляд, этим переименованием решалась задача исключить высокие религиозные коннотации, связанные с наименованием села в честь Святого Николая, и сформировать отрицательное отношение к членам религиозной группы у массовой аудитории.

Теперь, следуя выделенной нами методике анализа, рассмотрим характеристики, которые получили Пензенские Затворники в СМИ.

Во-первых, журналисты постарались как-то описать тех, кто скрылся в пещере, рассказать об их профессиях, внешности, возрасте, семейном положении, образе мыслей, питании. Например:

*Поскольку в пещере, как ведомо, **сидят и люди ученые, есть даже микробиолог, доктор наук**, то журналисты отнеслись к сказанному очень даже серьезно* (Комсомольская правда, №184, 21.12.07).

Так как сами Затворники довольно долгое время на контакт с прессой не шли и увидеть их было невозможно (переговоры шли через вентиляционное отверстие в пещере), то журналисты могли общаться только с теми из последователей Петра Кузнецова, кто остался на поверхности:

*(1) Лязгнул затвор, и на пороге появилась **худощавая женщина лет сорока**. При свете свечи **ее лицо выглядело симпатичным и улыбчивым**. Она назвалась Ольгой. Ольга, как мне говорили, считается предводительницей оставшихся на поверхности и **отличается крайней непримиримостью к окружающему миру**.*

*Как это ни странно, **мы с Ольгой сразу понравились друг другу**. Я даже подумал: «Вот если ее переодеть...»* (Комсомольская правда, №175, 27.11.07).

*(2) На днях в домике у затворниц объявилась новенькая паломница. При знакомстве со мной она назвалась странницей матушкой Ксенией, **монахиней одного из женских монастырей Краснодарского края**. Матушке Ксении **на вид не более тридцати лет**. Она хороша собой, умна и красноречива.*

*Путь от Кубани до Пензы Ксения почти что прошла пешком, так как **паспорт свой давно уж сожгла**, а без паспорта кто же ее в поезд пустит? Ноги Ксения понатерла до кровавых мозолей и теперь их **лечит припарками на целебных травах*** (Комсомольская правда, №178, 03.12.07).

*(3) Когда я вошел в маленькую каморку, перекрестив лоб на образа, все здешние обитатели **встали почтительно**. Лица всех ее обитателей светились радостью. Их было немного. Помимо Ольги, Николай и его семейство – **жена Валентина, дочь Людмила 15 лет, сын лет 12 и еще дочка 3 лет**. Самая*

маленькая, расплываясь в улыбке, протянула мне конфетку, лопоча с белорусским акцентом: «Возьмите, дядьку!» – отчего мне стало очень неловко. Сам я, дубина, не догадался принести этим людям хоть какой-то гостинец... <...>

*Отказавшись насилу от прочей трапезы – **картошки с грибами солеными**, – я спросил Ольгу, был ли ей веший сон на тему выхода из пещеры затворников (Комсомольская правда, №176, 28.11.07).*

*(4) Сектанты запаслись продуктами питания, **керосином**, у них есть **газовые баллоны** – вот так и живут. Их руководитель, как они его называют отец Петр, в переговорах с сотрудниками правоохранительных органов рассказал, что **припасено полтонны меда и много варенья** (Вечерняя Казань, № 181 (3539), 13.11.07).*

Итак, в приведенных фрагментах Затворники характеризуются как «Другие», близкие к «своим»: они имеют семьи, среди них есть образованные и умные люди, их внешность может вызывать симпатию, они пользуются «благами цивилизации»: готовят не на дровах, а на газу и керосине; питаются они тем же, что и большинство россиян: картошка, соленья, варенье, мед. Однако их поведение имеет ряд отличий, не позволяющих включать их в круг «своих»: они ушли в пещеру, жгут паспорта, не обращаются к врачам (лечатся травами).

Кроме журналистов, характеристику затворникам давали свидетели происходящего, люди, побывавшие на месте события и общавшиеся с затворниками:

*Как отмечается в телерепортаже, до оврага, где в пещерах укрылись последователи Кузнецова, Митрофанов (Депутат Государственной думы РФ Алексей Митрофанов – прим. О. А.) не добрался. Гость ограничился общением с жителями села. Селяне рассказывали ему, что **не испытывали никакой неприязни** к новым соседям. (Неделя с Марианной Максимовской, ТК «REN-TV», 24.11.07).*

Развернутый комментарий СМИ давал и экс-олигарх, а в настоящее время общественный деятель Герман Стерлигов (он пытался вести переговоры с затворниками):

*Судя по общению со второй группой сектантов, которые заперлись в домике, эти люди **живут при телевизоре**. Они меня узнали в лицо и согласились поговорить. Кстати, **вранье, что их дети не ходят в школу. Большинство ходят**. Много вранья. Сектантов-затворников никак не тридцать человек, дай Бог, если наберется десяток. И белорусов среди них два человека, а Белоруссию почему-то поминают все время. У них есть связь с внешним миром (Комсомольская правда, № 177, 29.11.07).*

Таким образом, в речи свидетелей события затворники опять показаны как Другие, слабо отличающиеся от «своих»: их дети ходят в школу, у затворников есть телевизоры и средства связи, к самим затворникам местные жители не испытывают неприязни. Однако в характеристиках появляется деталь, не позволяющая включить Другого в круг «своих», – среди затворников есть граждане иного государства (Республики Беларусь). Добавим, что свидетели событий для комментирования ситуации привлекались журналистами крайне редко.

Также характеристики давали родственники затворников. В публикациях, где они звучали, мы встретили смыслы, связанные с отклонениями от нормы, заданной общественными отношениями или традициями в конкретный период. К таким отклонениям можно отнести, например, социальную неустроенность:

*(1) - Виталий этот (Виталий Недогон, родственник Петра Недогона. Виталий взял на себя управление общиной после ареста Петра – прим. О.А.) вообще **странный был**, – рассказала подруга Веры (жены Виталия Недогона – прим. О. А.) Марина Дударева, супруга старосты местной православной церкви. – Едва только обосновались у нас, он сжег свой паспорт – говорил, мол, не нужен он мне. Я еле-еле уговорила Веру и старшего их сына Сергея оформить себе новые документы. Виталик **домочадцев своих избивал, дети его страшно боялись**. Семья у них **неблагополучная, жили очень бедно**. Я им деньгами*

помогала – **долгов у Недогонов накопилось много:** и за свет, и за воду, и за газ (Комсомольская правда, №171, 21.11.07).

(2) Родственников одной из затворниц, 33-летней Татьяны ... мы отыскивали в Сергиево-Посадском районе.

- Сначала жили хорошо, – рассказывает бывшая свекровь Татьяны Нина Васильевна. – **Вот только детей не было у них.**

Татьяна **держала эту боль в себе.** И вдруг ушла в религию. В церкви вымаливала ребенка. Дома писала иконы.

- **А потом – запила!** Набожная, а **пить стала по-черному,** даже молилась пьяная. Из дома уходила, – вздыхает свекровь.

Игорь (муж Татьяны – прим. О.А.) не выдержал, **подал на развод** (Комсомольская правда, №175, 27.11.07).

(3) Похоже, именно вера дала Ирине (Ирина Третьякова – одна из Затворниц – прим. О.А.) силы пережить **смерть младшей дочери.** В 2002-м девушку зверски убил один сумасшедший. Но на суде Ирина заявила, что простила его.

- Я пытался вытащить ее из этой истории, – вздыхает Василий Петрович, отец Ирины. – Сейчас бы сам поехал. Но мне уже 80... Эх, **жизнь как-то у нее не заладилась сразу. С мужем развелась, с ухажерами все как-то не складывалось.** А потом Ирина решила «свои грехи замаливать»... (Комсомольская правда, №177, 29.11.07).

(4) Ольга Моргунова самая старшая в компании подземных сидельцев, ей 82 года.

«Ольга Васильевна, – рассказала «Газете.Ru» соседка Моргуновой Наталья, – человек хороший. Беда только – **сын у нее попивал.** Из-за него сильно расстраивалась». (ИНН аукнулся в Пензе [Электронный ресурс] // Газета.Ru : информ. агентство. 2007. 19 нояб. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2007/11/19/2323845.shtml> (дата обращения: 06.05. 2008)).

Следовательно, затворники характеризуются родственниками как люди *хорошие*, которые в прошлом либо пережили какую-то трагедию (смерть близких,

невозможность иметь детей), либо имели «изъян», отклонение от того, что общество считает нормой (злоупотребляли спиртным, не смогли сохранить семью или семья была неблагополучной, семья была в долгах).

В единичных случаях (не более 0,3% от общего объема изученных нами текстов) можно было найти мнение родственников о нормальности поведения пензенских затворников:

Свою позицию Платонова (одна из затворниц – прим. О.А.) не изменила и после того, как РПЦ заявила, что ИНН не содержит «дьявольского числа».

«Непонятно, почему поступок Татьяны вызвал такой резонанс, — удивлен зять Платоновой Владимир. — Она взрослый человек и ничего противозаконного не делает, а в Конституции у нас говорится о свободе вероисповедания» (Там же).

Проанализированные выше смыслы объединяет характеристика Затворников как «Других», тем не менее не исключенных из числа «своих», имеющих со «своими» больше сходного, чем отличного.

Теперь рассмотрим, какие дискурсивные практики привлекались для конструирования негативно оцениваемого «Другого» в текстах о Пензенских Затворниках. Прежде всего, «Другой» конструировался как внешний и внутренний враг.

В частности, в публикациях, посвященных Пензенским Затворникам, дискурсивная практика конструирования «Другого» как «марионетки» в руках внешнего врага привлекалась в речи экспертов:

А чуть позже Герман Стерлигов заявил, что «ноги этой секты растут из-за рубежа». По его словам, никакого отношения к православию эти люди не имеют.

- Это не православная секта. Главная их задача – пропаганда идей своего гуру. Секта эта оказалась довольно массовой и разветвленной по структуре. Ее филиалы есть и в России, и на Западе. Оттуда, кстати, и идут валом деньги на освещение этого события (Комсомольская правда, № 177, 29.11.07).

В некоторых контекстах дискурсивные практики могут переплетаться. К примеру, дискурсивная практика, конструирующая внешнего «Другого», может дополняться смыслом «Другой как нарушитель закона».

Приехали уговаривать затворников и представители Белоруссии. Депутат белорусского парламента Николай Дубовик начал стыдить пещерников:

— *Вы же нарушаете режим другой страны, вы позорите нашего Лукашенко! Мало того что вы незаконно жили на территории чужого государства, так вы еще и зарылись в землю этого государства!* (Московский комсомолец, №24631, 27.11.2007).

Так как граждане другого государства не включаются в круг «своих», указание на то, что некоторые затворники являются гражданами республики Беларусь, направлено на конструирование внешнего «Другого». Подчеркивание факта, что белорусы находились на территории России незаконно, подключает дискурсивную практику конструирования «Другого» как преступника.

Практику конструирования «Другого» как внутреннего врага за счет накопления смыслов, связанных с войной и потенциальной опасностью, исходящей от «Другого», мы находим в речи анонимных источников, на которых ссылались журналисты:

*Наш источник разговаривал через трубу с главным по подземелью – Виталием Недогоном и пришел к выводу, что у пещерных жителей имеется связь с кем-то на поверхности. Недогон много знает из того, что делается наверху, и чего он не мог бы знать в закрытом пространстве. Сотовые телефоны за время долгого заточения должны бы давно уж сесть. Стало быть, у сидельцев связь более серьезная. И это вроде как говорит о том, что **акция была хорошо продумана, подготовлена и управляется некими командирами**. Если на предыдущих переговорах Недогон дал некую слабинку и соглашался с иными доводами, то уже на другой день, похоже, получив нагоняй сверху, повел себя очень непримиримо* (Комсомольская правда, № 177, 29.11.07).

Мы относим данный контекст к примерам конструирования «Другого» как внутреннего врага, т.к. в нем отсутствуют прямые отсылки в внешнему врагу,

который в публикациях именовался *Запад, США, зарубежье*. Однако отсылки к неким абстрактным «командирам», которые манипулируют Затворниками, указывают на присутствие внутреннего врага, представляющего опасность для круга «своих».

Те же смыслы, связанные с войной и военными действиями, встречаются и в речи самих журналистов:

(1) *На пензенском фронте борьбы с мракобесием у села Никольского, где окопались в пещере затворники, пока что без перемен. Но основные и, может быть, переломные события развернутся здесь на этой неделе* (Комсомольская правда, № 174, 26.11.07).

Лесные дорожки, по которым журналисты еще недавно могли подъехать почти к месту событий, теперь перегорожены грунтовыми завалами. А периметр вокруг оврага, где находится землянка, обрастает деревянным частоколом и системой блок-постов (Вести, ТК «Россия», 28.11.07).

(2) *В этой связи эксперты предлагают законодательно защитить граждан России от нашествия сектантов, создать специальную комиссию по изучению этого вопроса в представительных органах власти и активизировать работу правоохранительных органов в этом направлении* (Парламентарии не намерены больше терпеть религиозные секты [Электронный ресурс] // Regions.Ru. : информ. агентство. 2007. 21 нояб. URL: <http://regions.ru/news/2110420/> (дата обращения: 30.11.09)).

(3) *Получается, что с боевиками, укрывшимися в доме, есть методы борьбы. Вплоть до расстрела и сноса этого дома. А когда секта в течение полугода терроризировала целую область, если не сказать страну, эффективного решения так и не нашли. И кто теперь ответит за смерть людей?* (Аргументы и факты, №16, 16.04.08).

В последнем примере к практике конструирования «Другого» как внутреннего врага мы видим подключение смысла «терроризм»: «терроризм – политика и практика террора» [СОШ, с. 796]; «террор – 1. устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до

уничтожения» (там же). Подчеркнем, что пензенские затворники ушли в пещеры добровольно, они никого в заложники не брали, кроме того, они не угрожали убийством или насилием никому: ни входящим в религиозную группу, ни остальным. Однако журналисты и их цитируемые в текстах собеседники находили допустимым подключать смыслы, связанные с терроризмом, для конструирования этого «Другого». К примеру, мы можем увидеть это в речи официальных лиц, которые привлекались в качестве экспертов:

Происходящее в Пензенской области В.Устинов (на тот момент глава Минюста России – прим. О. А.) назвал «нонсенсом». «Мы сегодня пытаемся вести переговоры с целью освобождения этих людей, а особенно детей, чтобы их выпустили из подземелья», – сообщил министр (Глава Минюста России считает ситуацию с пензенскими отшельниками следствием многолетнего господства идеологии атеизма в России [Электронный ресурс] // Интерфакс. Религия. : информ. агентство. 2007. 23 нояб. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=21599> (дата обращения: 19.06.09)).

Кроме привлечения смысла «терроризм» мы фиксировали в текстах СМИ накопление других смыслов, участвующих в конструировании «Другого» как внутреннего врага. Во-первых, это смыслы, связанные с провокациями и провокаторами:

*В целом я считаю случившееся **профессионально подготовленной провокацией**. Чем закончится? Надеюсь, что искренне заблудшие люди выйдут из пещеры. Если нет – второе зло будет горше первого. Гуру тогда выведет этих несчастных из пещеры за руку, завершив тем самым масштабную рекламную кампанию своей секты (Комсомольская правда, №177, 29.11.07).*

Во-вторых, это смыслы, связанные с преступлениями:

*Между тем о **расследовании уголовного дела, возбужденного в связи с событиями в Никольском**, известно до сих пор очень мало. Помощник руководителя управления Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Пензенской области Мария Орлова сообщила «НГ», что **«обвинение пока никому не предъявлено»**. По ее словам, Петр Кузнецов (духовный лидер отшельников) в*

настоящее время «находится в психиатрическом стационаре для производства психолого-психиатрической экспертизы». Как долго она продлится, Орлова не знает: «Каждый случай индивидуален, поэтому даже предположительно никаких сроков назвать не могу. Все зависит от экспертов» (Независимая газета, 27.11.07).

В-третьих, активно поддерживается журналистами в текстах о затворниках и смыслы, связанные с различными отклонениями от нормы, например, смыслы, связанные с психическими болезнями. При подключении этих смыслов журналисты ссылались на врачей, в том числе и на специалистов клиники, куда был помещен лидер Затворников Петр Кузнецов:

*За день пребывания в Пензенской психбольнице я досыта побеседовал с разными докторами, от которых узнал, что число психических заболеваний на душу населения с каждым годом растет как по Пензенской области, так и по стране в целом. В данном случае, по мнению докторов, **налицо признаки бредового расстройства** – очень серьезного и часто опасного заболевания (Комсомольская правда, №171, 21.11.07).*

*Петр Кузнецов, **проходящий лечение от паранойи** в психиатрическом стационаре Пензы, отказался помогать властям выволить детей из подземного заточения (Твой день, 26.11.07).*

Поддержка смысла «больной, сумасшедший» осуществляется и в прямой речи врачей, которых приглашали для консультаций и которые затем давали комментарии для прессы. Несмотря на то, что врачи не ставили однозначных диагнозов, они и не отрицали прямо, что Затворники могут быть психически нездоровы:

*— Я как врач не стал бы односложно утверждать, бредовое у них состояние или нет. На данный момент у нас **нет никаких оснований говорить о состоянии психического здоровья затворников**, потому что с этими людьми мы пока контакта не установили, а **отсутствие контакта не есть наличие заболевания**. <...> Не могу сказать, так как не знаю ничего об их психическом состоянии. А те люди, что живут сейчас в доме, приняли меня абсолютно*

нормально, по-человечески. Если бы было время, наверное, мы бы пообедали, но времени нет, – заявил профессор Кекелидзе (Московский комсомолец, №24631, 27.11.07).

Отметим, что в текстах СМИ смыслы, конструирующие «Другого» как внутреннего врага, могут взаимно дополнять друг друга. Выше мы уже видели пример, когда смысл «враг» поддерживается смыслом «преступник». Также встречаются случаи, когда «переплетаются» смыслы «сумасшедший» и «преступник». Например, в комментарии Германа Стерлигова:

*Когда бесы проникают в человеческую плоть, они не только толкают на разные преступления, но и вгоняют в прелесть, то есть в заблуждение и отступничество от истинной веры. Вот эти люди в пещере, казалось бы, с одной стороны, правы – детей не пускают в школу. Надо быть полным кретином, чтобы родного ребенка отправить в любое нынешнее учебное заведение. Но, с другой стороны, держать детей в подземелье, в антисанитарии – не меньший **идиотизм и преступление!** Я хочу пробить брешь в их **помутненном сознании**, посеять сомнения... (Комсомольская правда, № 174, 26.11.07).*

Смыслы «больной, сумасшедший» могут поддерживаться в тексте иными смыслами, связанными с отклонениями от нормы. Например, в публикации противопоставляется традиционное православие (как норма) и нарушение традиций этой конфессии (как нарушение нормы). И «Другой» в этом случае конструируется как персонаж, нарушающий традиции:

*Главная опасность пензенской драмы в том, что за ней – личина православия. Вернее, трактовка его некоторыми священнослужителями. **В нашей нормальной традиционной церкви** все мы сталкивались, прошу прощения за грубое слово, с **придурью** отдельных батюшек, талдычивших о конце света, о вреде информации, новых технических приспособлений. Да что там технические новшества, они видят угрозу в номерах паспортов, не говоря уж о пресловутых ИНН. Обычные, нейтральные бытовые реалии превращаются их устами чуть ли не в источники мирового зла. **И как тут провести границу между глуповатым,***

тщеславным или не совсем психически здоровым батюшкой и сектантским гуру? (Люди подземелья [Электронный ресурс] // Интерфакс. Религия. : информ. агентство. 2007. 26 нояб. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=21605> (дата обращения: 19.06.09)).

Однако отметим, что в текстах СМИ смыслы, связанные с отклонениями от нормы, могут поддерживать и практику конструирования «Другого» как жертвы (более подробно об этой практике мы расскажем ниже). Например:

Подруга матери больше всего переживает за Юленьку, младшую дочь Недогонов:

- Девочку мне по-настоящему жаль. Ведь она болеет, у нее неврологическое расстройство, обмороки часто бывают. Ей постоянный присмотр врача нужен, и как она там выживет, я не знаю... (Комсомольская правда, №171, 21.11.07).

В данном контексте говорящий, который является близким другом одного из персонажей, использует смыслы, связанные с болезнью «Другого» не для того, чтобы подчеркнуть враждебность «Другого» или его потенциальную опасность, а для того, чтобы вызвать к персонажу жалость, обратить внимание на его притесненное положение. Не «Другой» в данном случае угрожает «своим», а ему, его здоровью грозит опасность.

Схожие смыслы неполноценности «Другого» встречались в речи журналистов (в том числе и в заголовках). Например, в заголовке заметки о реакции правоохранительных органов на ситуацию с Пензенскими Затворниками читаем «*Прокурор научит верить: Глумиться над убогими – грех. Даже тираны не дерзали*» (Газета, 27.11.07). «УБОГИЙ – 2. немощный, увечный, жалкий на вид (разг.)» [СОШ, с. 821].

Итак, при реализации дискурсивной практики конструирования «Другого» как внутреннего врага в публикациях СМИ активно привлекаются смыслы, связанные с военными действиями, провокациями, преступлениями, а также с поведением, отклоняющимся от нормы: «ненормальный», «психически больной» («сумасшедший»). Эти смыслы могут поддерживать друг друга в рамках одного

текста. В публикации они привлекаются, во-первых, для того, чтобы сфокусировать внимание адресата на потенциальной опасности, исходящей от «Другого»; во-вторых, для того, чтобы представить «Другого» как жертву.

Использование дискурсивной практики, конструирующей «Другого» как внешнего и внутреннего врага, не зависит от статуса говорящего: она используется как журналистами, так и экспертами и иными персонажами. В единичных случаях говорящие предпринимают попытки опровергнуть связь «Другого» с внешним врагом (под которым в текстах понимаются западные страны, их спецслужбы), однако подобных примеров настолько мало, что они не могут сколько-нибудь серьезно противостоять рассматриваемой дискурсивной практике.

Нами выявлены также практики, дающие амбивалентную оценку «Другому»: в зависимости от того, какую идеологическую позицию занимает адресат, воспринимающий текст, «Другой» будет представляться ему в положительном или негативном свете. К практикам, формирующим амбивалентное отношение, мы отнесли практику самопрезентации, а также практики конструирования «Другого» как жертвы и как диссидента.

При реализации дискурсивной практики самопрезентации «Другой» получает возможность лично представить себя адресату. В речи «Другого» могут переплетаться различные практики описания самого себя, однако адресат сам решает, как ему относиться к этому персонажу. Отметим, что журналисты довольно редко дают «Другому» высказаться, гораздо охотнее они берут комментарии у госслужащих, экспертов, священников, реже у свидетелей события, родственников или знакомых Затворников. Нам удалось найти тексты, где были процитированы высказывания Пензенских Затворников, которые не успели уйти в пещеры и остались на поверхности, только у Николая Варсегова, корреспондента «Комсомольской правды», который написал серию репортажей и статей из села Никольское. Рассмотрим отрывок репортажа «Про любовь, про выборы, про Бога», в котором Н. Варсегов интервьюирует двух затворниц —

Ксению, называющую себя монахиней, и Ольгу, которую считают одной из старших в общине.

- *Расскажите мне, Ксения, вот почему вы – такая красивая и здоровьем, похоже, крепкая – собрались и ушли в монастырь?*

- *Вообще-то я собиралась замуж, когда мне двадцать исполнилось, и я тогда на заводе работала. Планы строила на семью, но стала внимательно к молодым людям присматриваться и поняла, что замуж-то выходить не за кого. Я с детства много читала, пыталась постичь окружающий мир, и все время хотелось с кем-то поговорить на тему мироустройства. А в нашем сибирском городке N... – вы только не пишите его название, там у меня родные живут, – подобные темы никого не волнуют. Неинтересны.*

- *Да уж, был я в том городке и прекрасно вас понимаю...*

В монастырь она уж не вернется

- *Так вот, в юные годы мне, конечно ж, хотелось любви, – продолжала Ксения. – Только любовь в моем понимании должна бы быть совсем не такая, которую я наблюдала у окружающих. Я видела, что люди притягиваются друг к другу только по зову плоти, по страсти, по искушению. А мне хотелось полюбить какого-то человека за его прекрасную душу. Но не встретился мне такой человек, потому всю свою чистую любовь я перенесла на Бога. Пошла странствовать по святым местам, после осела в монастыре.*

- *А если вдруг, Ксения, встретится вам в ваших странствиях мужчина того склада души, который вам нужен, и прорвется нерастраченная любовь? ...Да не смотрите вы так, не себя имею в виду.*

- *Теперь уже поздно что-то менять, – сказала она, – ведь я дала клятву. И если вы о замужестве, то это бы было с моей стороны предательством перед Господом. Я слыхала: когда монахи нарушают обет и женятся, то у них рождаются болезненные дети. <...>*

Вы знаете, – вдруг потупилась Ольга и заговорила так откровенно, – я, вправду сказать, уж очень устала и, наверное, даже бы домой уехала. Да только ехать мне некуда. Муж и родственники совсем меня не понимают, они живут

неправедной, смрадной жизнью, и со всех сторон их окружили бесы. Я уже не смогу вернуться в тот дом, где все так нечестиво, а где мне жить? Поверьте, нам правда стыдно. Но ведь на все воля Божия... (Комсомольская правда, №178, 03.12.07).

Если мы посмотрим на характеристики, которые персонажи дают себе, то мы увидим, что они, по большей части, совпадают с характеристиками, которые давали Затворникам их родственники: это люди с неустроенной личной жизнью (не вышли замуж или развелись, родственники их не понимают), разочаровавшиеся во всем мирском (перенесли чистую любовь на Бога). При этом добавляются дополнительные характеристики: когда-то для Ксении семья была на первом месте (она думал о замужестве и хотела создать семью), но она не нашла достойного человека. Кроме того, женщина характеризует себя как человека думающего и образованного (с детства много читала, пыталась постичь окружающий мир). Однако в представленных контекстах мы не находим в чистом виде ни одной из показанных нами выше практик.

Рассмотрим дискурсивную практику, конструирующую «Другого» как жертву. Согласно словарю, слово «жертва» имеет значение «О ком-н. страдающем от насилия, несчастья, неудачи. *Пасть жертвой в борьбе*» [СОШ, с. 192]. При этом в текстах СМИ жертва может и не вызывать сочувствия, но контексты передают семантику преследования персонажа со стороны третьих лиц, актуализируются смыслы причинения персонажу страданий (несчастий) в результате злого умысла. Кроме этого, «Другой» как жертва может характеризоваться словами, несущими смыслы паразитизма, инфантилизма, пассивности, стихийности и т.п. «Другой»-жертва в текстах СМИ может быть показан как персонаж, вызывающий жалость, пострадавший от антагониста, нуждающийся в защите или как жалкий, не вызывающий сочувствия персонаж, маргинал, не желающий менять свою жизнь. В последней главе диссертации мы рассмотрим эту практику подробнее, а сейчас остановимся на самых типичных примерах.

На позицию говорящих, конструирующих «Другого» как жертву, в текстах о Пензенских Затворниках встают журналисты:

(1) *Ведь добровольные узники – не преступники и не заложники. Все они – жертвы. Что же их газом из-под земли выкуривать?* (Люди подземелья [Электронный ресурс] // Интерфакс. Религия. : информ. агентство. 2007. 26 нояб. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=21605> (дата обращения: 19.06.09)).

(2) *Архиепископ Пензенский и Кузнецкий Филарет направил в Бековский район авторитетных священников. «Те, кто ушел под землю, смущены неправильными представлениями об эсхатологии, втором пришествии». Действительно, пензенские затворники стали жертвами ложной идеи о том, что ИНН (индивидуальный номер налогоплательщика) – это печать антихриста, и принявший его не имеет надежды на спасение (Церковный вестник, № 22(371), ноябрь 2007).*

(3) *Возможно, что это злая игра некого постановщика, который вот так захотел потешить себя, используя простодушных и легко управляемых людей в качестве жертв. А может, и некая страшная задумка в канун выборов? (Комсомольская правда, № 177, 29.11.07).*

В последнем контексте мы видим смысл, что «Другой» сам по себе не опасен, но им манипулирует опасный (злой) «враг».

Кроме того, в публикациях СМИ конструируют «Другого» как жертву и священники:

«Уход людей в пещеру является протестом против общества, порожденным духовным голодом. Не дойдя до порога храма, люди попадают в сети «волков в овечьей шкуре», – считает архиепископ Нижегородский и Арзамасский (Архиепископ Нижегородский Георгий: Уход людей в пещеру – это протест, порожденный духовным голодом [Электронный ресурс] // Благовест Инфо : информ. агентство. 2007. 28 дек. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=18022> (дата обращения: 30.06.09)).

По отношению к Пензенским Затворникам использовалась и дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как диссидента. В публикациях по отношению к персонажам встречается использование этого слова в первом, книжном значении: «Тот, кто откололся от господствующего вероисповедания, вероотступник» [БАС, т. 5, с. 122]. Пример мы можем увидеть в речи священника, рассуждающего о Пензенских Затворниках как об антиглобалистах:

В действительности, проблема в том, что о некоторых вещах, которые волнуют очень широкие слои населения, публично вопрошают люди, стяжавшие себе славу диссидентов и сектантов. Надо понимать, что сама собой эта проблема не рассосется. Не надо ждать, что все забудут о Пензе, как только последний сиделец покинет пещеру (Репортаж о конце света [Электронный ресурс] // Богослов. Ру. : науч. богословский портал. 2008 29 апр. URL: <http://bogoslov.stack.net/text/297691.html> (дата обращения 18.06.2009)).

Негативный смысл, вкладываемый говорящим в понятие диссидент, поддерживается негативно-оценочным словом *сектанты*.

Таким образом, мы можем сказать, что в публикациях широко используются практики, дающие амбивалентную оценку «Другому». При реализации практики самопрезентации у адресата может возникнуть положительное отношение к Затворникам, т.к. ориентированные на духовные ценности люди, которым не повезло найти «родственную душу» и создать семью, могут вызвать сочувствие. Однако некоторая наивность речей затворников, их отношение к религии и нежелание возвращаться к обычной жизни могут вызвать у далекого от религиозной веры адресата недоумение и насмешку. Относительно «Другого»-жертвы у адресата также может сложиться двоякое отношение: с одной стороны, жертву, притесняемую абстрактным злодеем, жалко, но с другой стороны, они стали жертвами ложных идей, т.е. сами позволили ввести себя в заблуждение, а значит, они не заслуживают сочувствия. Что касается дискурсивной практики, конструирующей «Другого» как диссидента, то отношение к «Другому» здесь будет зависеть от идеологических установок адресата: если адресат – воцерковленный православный, он отнесется к

диссидентам негативно, если же адресат – человек не верующий, то, скорее всего, он будет воспринимать религиозного диссидента нейтрально или положительно.

Дискурсивные практики, формирующие у адресата положительное отношение к «Другому» (конструирование его как героя и помощника), в проанализированных нами публикациях по отношению к Пензенским Затворникам не встречаются.

В целом же мы можем сказать, что, используя в текстах о Пензенских Затворниках дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как врага, психически больного, ненормального, жертву, диссидента журналисты создают образ «Другого» как жалкого, но потенциально опасного. Хотя в самих текстах как правило не формулируется, в чем конкретно состоит эта исходящая от «Другого» опасность.

Рассмотрим также, как использование дискурсивных практик, конструирующих «Другого», соотносится с субъектной позицией говорящего. Мы выявили несколько групп говорящих: журналисты-авторы текстов, персонажи-эксперты, персонажи-представители органов власти, местные жители как свидетели события, родственники Затворников и сами «Другие» (затворники). К персонажам-экспертам мы отнесли врачей и представителей Русской православной церкви. К персонажам-представителям органов власти – милиционеров, работников прокуратуры, чиновников администраций разного уровня, сотрудников ФСБ.

Для СМИ Пензенские Затворники стали, безусловно, значимым персонажем, которому уделялось большое внимание. Характеристики, данные многими журналистами и свидетелями событий, конструируют «Другого», близкого к своему, в принципе, вызывающего симпатию: это имеющие семьи люди, некоторые из них получили хорошее образование, женщины приветливы и внешне привлекательны. Кроме симпатии, адресат может испытывать сочувствие к «Другому», т.к. это люди, пережившие личную трагедию, с неустроенной личной жизнью. В целом, характеристики даются все-таки положительные, негативных характеристик давалось меньше (поведение затворников нарушает

нормы, заданные общественными отношениями, некоторые из них злоупотребляли спиртным, не смогли сохранить семью).

При этом в текстах о Пензенских Затворниках не привлекались дискурсивные практики, формирующие у адресата однозначно положительное отношение (герой, помощник). По представленному в СМИ мнению большинства журналистов, чиновников и экспертов, действия персонажа могут нести угрозу стабильному существованию общества: за Затворниками могут стоять внешние враги (Запад), они сами являются внутренними врагами (психически нездоровых нужно изолировать, а не подчиняющихся закону – наказывать). Поэтому с ними нужно бороться (депортировать, скрыть пещеры, не допускать появления данного явления вновь).

Важно подчеркнуть, что при конструировании Пензенских Затворников как «Других» едва ли не основным основанием выделения Затворников в группу «Других» был сам факт веры в Бога. Журналистские тексты выстраивались таким образом, что появлялся смысл ненормальности веры как таковой и ущербности всех верующих. То есть и журналисты, и некоторые их респонденты фактически не признают право свободы выбора веры нормальным и не считают признание этого права неотъемлемым качеством цивилизованного, демократически мыслящего человека. Судя по публикациям СМИ того периода, российское общество не было готово к тому, чтобы с уважением принять чувства верующих, их убеждения.

Дискурсивные практики, формирующие у адресата амбивалентное отношение, конструируют «Другого» как персонажа, близкого «своим», вызывающего сочувствие или жалость, но таящего в себе опасность (им манипулируют, он может дестабилизировать обстановку как диссидент).

Одновременно хотелось бы отметить, что, к чести российских средств массовой информации, в вопросе освещения добровольного затворничества группы верующих в Никольском журналисты постарались сохранить объективность и показать проблему с разных точек зрения. Слово было предоставлено большому количеству людей, по-разному причастных к ситуации.

Ни одна из представленных точек зрения не получила статуса «истины в последней инстанции». Мы считаем, что это совокупный эффект существования медиадискурса, который никто не планировал. Само существование различных по идеологической ориентации изданий – залог возможности опубликовать разные мнения на актуальную тему.

В итоге анализа мы делаем вывод, что практики конструирования персонажа «Пензенские Затворники» не имеют объединяющего все смыслы центра, характеристики персонажей часто противоречат друг другу, ситуация отразила сам процесс формирования нового для СМИ персонажа, когда поиск его идентификации идет в разных направлениях.

2.2. Майор Дымовский

Вторая ситуация, в которой конструируется «Другой», как персонаж с неясным статусом, то есть персонаж, ранее в текстах СМИ не фиксированный и потому не имеющий готовых дискурсивных формул для его конструирования, возникла вокруг майора УВД города Новороссийска Алексея Дымовского.

Майор Алексей Дымовский 5 ноября 2009 года выступил с открытым видеообращением к председателю правительства России Владимиру Путину и офицерам России. Обращение было размещено в интернете и вскоре стало доступно к просмотру на сервисе YouTube. В видеообращении майор обвиняет своих коллег и руководство в коррупции и других противоправных действиях, призывает В. В. Путина обратить внимание на проблемы в правоохранительных органах, а «всех честных офицеров» сплотиться. В январе 2010 г. А. Дымовский был заключен под стражу по подозрению в мошенничестве, а в марте 2010 выпущен под подписку о невыезде. Связанные с А. Дымовским события получили широкий общественный резонанс и до сих пор не утратили своей актуальности. В частности, в статье 17 закона «О государственной гражданской

службе Российской Федерации» именно после выступления А. Дымовского 29 января 2010 года появился пункт, в котором госслужащим (а к ним относят и полицейских) «запрещается допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в СМИ, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа либо государственного органа, в котором гражданский служащий замещает должность гражданской службы, если это не входит в его должностные обязанности» (Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // base.consultant.ru [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=122039;fld=134;dst=4294967295;from=97557-0> (дата обращения: 14.06.11)). Те или иные упоминания о Дымовском в СМИ встречаются вплоть до 2015 года, так, в настоящее время он занимается правозащитной деятельностью.

Журналистские тексты об Алексее Дымовском представляют события, с ним связанные, так, что их развитие можно условно разделить на четыре периода (мы взяли для анализа только период конца 2009 – начала 2010 гг., когда был актуален главный информационный повод – обращение А. Дымовского к В. В. Путину). Нам кажется важным это разделение, так как в каждом из периодов на первый план выходили разные дискурсивные практики конструирования этого персонажа.

Первый период – с пятого по восьмое ноября 2009 года. Пятое ноября – это день, когда появилось видеообращение А. Дымовского на YouTube, в последующие два дня появлялись журналистские тексты, содержащие информацию о самом факте обращения. Если информация и сопровождалась комментариями, то весьма скудными.

Второй период – с 10 ноября 2009 года (когда состоялась первая пресс-конференция А. Дымовского) до 22 января 2010 года (заключение А. Дымовского под стражу). На этот период приходится основной объем текстов, посвященных новороссийскому майору, это не только короткие информационные, но и развернутые аналитические публикации. Журналисты предоставили слово как

самому А. Дымовскому, так и другим персонажам, вовлеченным в ситуацию или занимающим экспертную позицию.

Третий период – с 22 января по 8 марта 2010 года – охватывает время содержания А. Дымовского в СИЗО. Количество текстов о персонаже падает. В основном это информационные заметки (иногда расширенные за счет комментариев), которые освещали ход расследования уголовного дела и информировали, как А. Дымовский чувствует себя в заключении.

К четвертому периоду – с 8 марта 2010 года по апрель 2015 года – относятся тексты, описывающие освобождение майора из тюрьмы и его деятельность как правозащитника. В основном это расширенные информационные заметки. Медийный интерес к персоне Дымовского к этому периоду почти иссякает, журналисты переключаются на иные темы.

В качестве первичных номинаций в журналистских текстах использовались номинации *Алексей Дымовский* или просто *Дымовский*. Вторичные номинации можно разделить на две группы: номинации, не окрашенные оценочно, и оценочные номинации. К первым мы отнесли: *(новороссийский) майор, милицкий майор, милиционер, блогер, экс- (бывший) майор, сотрудник милиции, оперуполномоченный, муж*. Оценочные номинации представлены в нескольких видах. Во-первых, собственно оценочные слова, ставшие вторичной номинацией: *подонки; карбонарий, мент*. Во-вторых, в номинации могут использоваться окрашенные суффиксы: *майоришка*. В-третьих, нейтральная номинация «майор» может сопровождаться определениями: *разоблачитель; скандалист; опальный; гонимый путинским режимом; беглый*. В-четвертых, оценочное слово может выделяться кавычками, чаще всего для выражения иронии: *милицкий «правдолюб», «мент-гапон»*. В-пятых, в текстах СМИ использовались номинации, конструирующие амбивалентное отношение к персонажу: *оппозиционер, диссидент-милиционер*.

Что касается характеристик, данных «Другому» иными персонажами публикаций и журналистами, то они прежде всего касались профессиональных качеств А. Дымовского. Его внешность, возраст, манера речи и отношение к

жизни не характеризовались, скорее всего, потому, что СМИ имели возможность выставить фото Дымовского, а электронные СМИ так или иначе транслировать его видеообращение, поэтому адресат мог самостоятельно составить впечатление о «Другом». Рассмотрим типичные характеристики А. Дымовского, представленные в СМИ.

Во-первых, свое мнение о майоре высказывал его непосредственный руководитель:

«Человек, имеющий такие средние показатели в работе. В число лучших не входил, но особых замечаний не было. Объективности ради это тоже нужно заметить», – говорит и.о. начальника УВД г. Новороссийск Владимир Гребенюк (Вести. ТК «Россия», 09.11.09).

Далее Дымовского характеризовали «коллеги по цеху» – сами милиционеры, а также ветераны милицейской службы:

Тем временем за Дымовского вступился бывший коллега – экс-глава уголовного розыска ОВД Восточного района Новороссийска Андрей Нарваткин, который в 2007 году ушел из органов, отказавшись, по его словам, терпеть произвол начальства. «Все, что говорил Дымовский – правда, от которой теперь УВД отрекается всеми способами», – рассказал офицер изданию «Газета.Ру» – «Все так, как Дымовский говорит. Я полностью с ним согласен. Несправедливость полная в нашем новороссийском УВД». <...>

В местных СМИ появилось заявление ветеранов новороссийской милиции, которые заявили, что «один недовольный чем-то опорочил труд порядочных и честных офицеров» и «в один момент он «облил грязью» все то, что наработывалось годами». Они выразили мнение, что обращение Дымовского могло быть сделано «в угоду личных амбиций». (Дымовский опаснее Евсюкова [Электронный ресурс] // Полит. Ру. : информ. агентство. 2009. 10 нояб. URL: <http://polit.ru/article/2009/11/10/dsb/> (дата обращения: 11.03.10)).

В-третьих, характеристику давали родственники, например, бывшая жена Дымовского:

Московская комиссия ещё не успела переварить видеопризнания второй жены Дымовского Ирины, которая в интервью Life News заявила о связи бывшего мужа с наркодельцами. «Прикрываясь погонами, он регулярно ходил выбивать деньги, – уверяет женщина. – Будучи сотрудником службы по борьбе с оборотом наркотиков, Дымовский прекрасно знал адреса тех, кто готовит наркотики или торгует ими. Но вместо того чтобы остановить этих людей, он регулярно наведывался к ним за данью». «Алексей – очень азартный игрок, и, пока в Краснодарском крае не запретили казино, он всё своё свободное время проводил в казино, – рассказывает 35-летняя мать-одиночка. – Именно там он оставлял всю свою зарплату и не только её» (Скелет из шкафа Дымовского [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. : информ.-аналит. портал. 2009. 17 нояб. URL: http://www.chas_kor.ru/article/skelet_iz_shkafa_dymovskogo_12461 (дата обращения: 11.03. 10)).

Таким образом, мы видим накопление отрицательных характеристик по отношению к «Другому»: он не является хорошим специалистом (имеет средние показатели в работе), он не блюдет корпоративную честь (опорочил труд честных офицеров), он нечистоплотен в работе (выбивал деньги из подследственных, готов ради личных амбиций «облить грязью» всю милицию), он ставит свои интересы выше интересов семьи (оставлял в казино всю зарплату и «не только ее»). Отметим, что характеристика «азартный игрок» может вызвать у адресата амбивалентное отношение: противники азартных игр сочтут ее негативной характеристикой, те, кто не видит в игре ничего ужасного, – нейтральной. Однако конкретизация смысла, что Дымовский оставлял в казино всю зарплату (ставил семью в уязвимое финансовое положение), негативно окрашивает нейтральную характеристику «азартный игрок». Кроме того, замена первичной номинации «Ирина» по отношению к жене Дымовского на вторичную «35-летняя мать-одиночка» косвенно дает персонажу еще одну негативную характеристику: он плохой семьянин (оставил жену и ребенка).

Среди приведенных характеристик была только одна положительная – от бывшего коллеги, который уволился из МВД по тем же причинам, которые

заставили Дымовского выступить с обращением к президенту. Только этот персонаж характеризует «Другого» как человека, говорящего правду.

Теперь рассмотрим типичные дискурсивные практики, которые применялись в СМИ для конструирования А. Дымовского как «Другого». Чаще всего в публикациях привлекались практики, формирующие негативное отношение к «Другому».

Во-первых, в текстах об Алексее Дымовском активно использовалась (особенно на первом этапе) дискурсивная практика конструирования «Другого» как связанного с внешним врагом. Приведем типичные фрагменты из речи журналистов:

*(1) Однако, по версии МВД, виной происходящему – **происки внешнего врага**: оказывается, что за действиями Дымовского могут стоять **общественные организации, финансируемые из-за рубежа** (Дымовский опаснее Евсюкова [Электронный ресурс] // Полит. Ру. : информ. агентство. 2009. 10 нояб. URL: <http://polit.ru/article/2009/11/10/dsb/> (дата обращения: 11.03.10)).*

*(2) Стоит ли кто-то за Дымовским (кроме **ЦРУ и мировой закулисы**), гадать бессмысленно. Во всяком случае, у меня такой информации нет (Дымовский огонь [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. : интернет СМИ. 2009. 23 нояб. URL: <http://vz.ru/columns/2009/11/23/351096.html> (дата обращения: 11.03.10)).*

Таким образом, в текстах СМИ подчеркивалась связь Дымовского с внешним врагом, под которым СМИ понимали *страны Запада* (или просто *Запад*), *США*, *ЦРУ* и абстрактное *мировое закулисье* (*мировая закулиса*).

Практику конструирования «Другого» как связанного с внешним врагом применительно к Дымовскому пытались разрушить правозащитники:

*В то же время, правозащитники удивлены подобными заявлениями. «**Было заявлено, что будет проведено специальное расследование по тем фактам, которые изложил майор, а нам уже сегодня говорят, что во всем опять виновато мировое закулисье. Значит, никакое расследование не ведется**», – заявил лидер движения «За права человека» Лев Пономарев (Труд, 09.11.09).*

Также связь Дымовского с внешним врагом отрицали некоторые из его коллег:

Михаил Пашкин, председатель координационного совета профсоюза сотрудников милиции г. Москвы: «Я не вижу в деле Дымовского никакого влияния «третьих сил». Сотрудник милиции сказал правду – такую, какой он ее видит...» (Майор Дымовский – правдоруб, или подстава к Дню милиции [Электронный ресурс] // Свободная пресса. : сетевое СМИ. 2009. 10 нояб. URL: <http://svpressa.ru/issue/news.php?id=16716> (дата обращения: 11.03.10)).

После того, как Дымовского обвинили в том, что он действовал по указаниям враждебных России внешних сил, сам майор пытался, напротив, подчеркнуть принадлежность к группе «своих» и дистанцированность от внешнего врага:

Все обвинения в том, что его слова – клевета, за которую американцы платят деньги, Алексей Дымовский отмечает. Ему помогают только его близкие, и никакой другой помощи он не получал. Дымовский говорит, что с иностранцами он встречался всего два раза в жизни – в Амурской области, где он работал, с китайцами, торговавшими на рынке, а до того в 5 лет, когда бабушка возила его в Днепрпетровск и Алма-Ату. «Я не думаю о том, чтобы переехать из России, например, в США. С американцами я не работаю и не буду!» (Дымовский отрицает, что работает на американцев [Электронный ресурс] // Newsru.com. : информ. Агентство. 2009. 10 нояб. URL: http://m.newsru.com/russia/10nov2009/press_dymovsk.html (дата обращения: 11.03.10)).

Однако в общем потоке публикаций СМИ текстов, в которых Дымовского связывали с внешним врагом, было несоизмеримо больше, чем публикаций, в которых эта связь опровергалась – более 92% от общего объема текстов составляют те, где использовалась дискурсивная практика конструирования «Другого», связанного с внешним врагом.

Во-вторых, в СМИ широко привлекалась дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как внутреннего врага. От внешнего врага внутренний отличается тем, что персонаж может оцениваться как «свой», но

выходящий за рамки установленной данным обществом «нормы» (правовой, моральной и др.). В частности, эта практика реализуется через соответственно окрашенную лексику тематической группы «война».

Одна из публикаций, в которой речь идет и об А. Дымовском, имеет такой заголовок: ***Враг общества, раб государства*** (Форбс, ноябрь 2009). В другой публикации, где журналист предлагает читателю несколько версий оценки поступка Дымовского, читаем:

Что это: случайность, «заговор» против местного или федерального милицейского начальства, влияние «третьих сил», стремящихся раскачать лодку и убрать министра МВД Нургалиева, поступок отчаявшегося человека, который устал бороться с системой, или самопиар? (Майор Дымовский – правдоруб, или подстава к Дню милиции [Электронный ресурс] // Свободная пресса. : сетевое СМИ. 2009. 10 нояб. URL: <http://svpressa.ru/issue/news.php?id=16716> (дата обращения: 11.03.10)).

В последнем примере мы видим, что практики конструирования «Другого» как внутреннего врага и «Другого», связанного с внешним врагом, переплетаются, т.к. сам автор еще не определился, к какому виду врагов отнести А. Дымовского, но все его версии связаны с негативной оценкой поступка майора.

Также к конструированию образа «Другого» как внутреннего врага подключаются сопутствующие негативно-оценочные смыслы «предатель», «провокатор» или «преступник». Причем в журналистских текстах, посвященных А. Дымовскому, фиксируются все названные смыслы.

Например, сопутствующий смысл «предатель» мы видим в речи персонажа-представителя милиции, переданной косвенно:

В начале ноября Дымовский опубликовал в интернете серию обращений о нарушениях в УВД Новороссийска и призвал к реформе российской милиции. Вскоре после этого он был уволен из органов, а начальник ГУВД Краснодарского края Сергей Кучерук назвал действия Дымовского «предательством» (Ведомости, 22.01.10).

Сопутствующий смысл «провокактор» был реализован журналистами через отсылку к прецедентному персонажу, например, к Георгию Аполлоновичу Гапону (он же поп Гапон), которого считают провокактором, работавшим под началом Особого отдела Департамента полиции Российской империи:

Нет, не будет он вторым Ходорковским, как многие ему пророчат. И калибр не тот, и легенда. Ему народная молва уже присвоила номинацию «мент-гапон», и никуда от нее не деться, тем более что действительно похож (Мясорубка для Дымовского [Электронный ресурс] // Liberty. Ru. : информац.-аналитический портал. 2009. 12 дек. URL: <http://www.liberty.ru/Themes/Myasorubka-dlya-Dymovskogo> (дата обращения: 11.03.10)).

Негативный смысл «провокактор» усиливается в контексте оценочным разговорным словом «мент».

Сопутствующий смысл «преступник» проявляется в приписывании Другому действий, связанных с различными правонарушениями. Рассмотрим отрывок из корреспонденции С. Таранова «Скелет из шкафа Дымовского», где о майоре рассказывают его бывшая жена Ирина и мать одного из подследственных, дело которого вел А. Дымовский:

*Стоило Дымовскому заявить о «потерянных» понапрасну жёнах, как одна из его бывших – Ирина – отколола сенсационное признание: если, дескать, её прошлый муж так беспокоится о чистоте милицейских рядов, то должен был явиться с повинной в прокуратуру, поскольку сам... **коррупционер**. <...>*

Убитая горем мать настроена бороться против майора-скандалиста до победного конца:

*— Бесстыжий! Как у него наглости хватило выступить. Я сама слышала, стоя под дверью его кабинета, как кричал от боли мой сын, которого **зверски избивал этот поддонок** (Скелет из шкафа Дымовского [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. : информ.-аналит. портал. 2009. 17 нояб. URL: http://www.chaskor.ru/article/skelet_iz_shkafa_dymovskogo _12461 (дата обращения: 11.03.10)).*

Кроме того, сам персонаж не отрицал, что в прошлом совершал действия, которые могли привести к нарушению закона:

В частности, Дымовский признается, что получил звание майора за обещание посадить невиновного (Дымовский опаснее Евсюкова [Электронный ресурс] // Полит. Ру. : информ. агентство. 2009. 10 нояб. URL: <http://polit.ru/article/2009/11/10/dsb/> (дата обращения: 11.03.10))

Практику, конструирующую «Другого» как внутреннего врага, некоторые журналисты пытались опровергнуть. И так же, как в случае с внешним врагом, публикаций с опровержением, отрицанием статуса внутреннего врага, было ничтожно мало. Например, в своем эссе на сайте Эха Москвы Владимир Варфоломеев иронизирует:

Ну, слава богу, наши доблестные органы вывели на чистую воду этого провокатора из Новороссийска! А то, вишь, взялся бездоказательно очернять нашу правоохранительную систему. (Дымовский – агент ЦРУ? [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. : сайт радиостанции. 2009. 09 нояб. URL: <http://echo.msk.ru/varfolomeev/633113-echo> (дата обращения: 11.03.10)).

Итак, для конструирования «Другого» как внутреннего врага журналистами, персонажами, связанными с правоохранительными органами, персонажами-родственниками и персонажами-свидетелями (мать одного из подследственных А. Дымовского) привлекались смыслы, связанные с войной и военными действиями (враг), сопутствующие смыслы «предатель», «преступник» и «провокатор».

Третьей практикой, формирующей негативное отношение к «Другому», является практика, конструирующая «Другого» как имеющего психическое заболевание или иные отклонения от нормы. Более подробно мы рассмотрим реализацию этой практики в третьей главе, сейчас приведем типичные примеры. Лексические маркеры этой практики мы можем увидеть в заголовке: *Врачи считают майора Дымовского психопатом* (Врачи считают майора Дымовского психопатом [Электронный ресурс] // Newsland. : информац.-дискуссионный

портал. 2009. 10 нояб. URL: <http://newsland.com/news/detail /id/432421/> (дата обращения: 11.03.10)).

Кроме того, журналисты, приписывая А. Дымовскому те или иные психические расстройства, проводили параллели между ним и другим «прославившимся» тогда же милиционером – майором Денисом Евсюковым, который в ночь на 27 апреля 2009 года расстрелял посетителей московского супермаркета «Остров». В результате его действий погибли два человека и еще семеро были ранены. Отсылки к Д. Евсюкову не только поддерживают смыслы, связанные с психическим нездоровьем А. Дымовского, но и подключают негативный смысл «преступник»:

*Дымовского с Евсюковым роднит не только возраст и звание. По-моему, оба милицейских офицера пребывали на момент совершения поступка в явно неуравновешенном состоянии. У Евсюкова был острый алкогольный психоз, у Дымовского – **явные признаки хронической депрессии*** (Скелет из шкафа Дымовского [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. : информац.-аналит. портал. 2009. 17 нояб. URL: http://www.chaskor.ru/article/skelet_iz_shkafa_dyumovskogo_12461 (дата обращения: 11.03. 10)).

Дискурсивную практику конструирования «Другого» как психически ненормального поддерживали в своих комментариях и врачи, которых журналисты привлекали в качестве экспертов:

*- Дымовский пришел к нашему неврологу весь **взвинченный** – размахивал руками, требовал справку, здоровенный такой мужчина, – рассказывает главный врач поликлиники № 1 Новороссийска Зоя Васильевна. – Кричал: «Я не могу бегать по крышам, у меня табельное оружие!» Видимо, имел в виду, что не может заниматься оперативной работой. Я не стала писать справку, и тогда он побежал жаловаться начальнику управления здравоохранения Татьяне Гараниной. Вскоре Гаранина мне позвонила и говорит: «Выдайте ему справку!» Я отказалась – уж очень странное впечатление производил этот майор – **налицо были все признаки психопатической личности** (Там же).*

Таким образом, мы можем сказать, что практика конструирования «Другого» как психически ненормального («сумасшедшего») использовалась как журналистами, так и персонажами-экспертами. Эта практика переплеталась в текстах СМИ с дискурсивной практикой конструирования «Другого» как внутреннего врага через привлечение сопутствующих смыслов «преступник».

Теперь рассмотрим дискурсивные практики, формирующие у адресата положительное отношение к «Другому», – герой, помощник. Отметим, что публикации, авторы которых пользовались этими практиками, были размещены в СМИ, занимающих либеральную позицию.

Итак, практика, конструирующая «Другого» в лице А. Дымовского как героя, реализовывалась в журналистских текстах через привлечение следующих смыслов: персонаж совершил героический поступок, на который могут решиться немногие, он встал на защиту интересов «своих», он способен вызывать к себе симпатию и любовь народа [См. Пропп, 1998б].

*Дымовский совершенно справедливо **вызвал симпатии множества людей**. Не из-за грамотно подобранной композиции и концепции "простого русского человека", созданной для него в последующих роликах и статьях, о чем говорилось ранее – нет, они здесь не определяющие. Ему поверили как раз потому, что **идея его и цель изначально, в сути своей – были понятны и правильны**, а главное – исходили от него самого, были им прочувствованы. **Это был Поступок. Поступок, на который решились бы немногие** даже из тех, кому, как и Дымовскому, «нечего терять, кроме собственных оков» (Политика оказалась мясорубкой для Дымовского [Электронный ресурс] // Newsland. : информац.-дискуссионный портал. 2010. 26 янв. URL: <http://newsland.com/news/detail /id/432421/> (дата обращения: 11.03.10)).*

Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как помощника, связана с подключением смыслов необходимости действий «Другого» для развития и дальнейшего существования общества, облегчения участи жертвы или помощи герою. При этом «Другому» могут даваться отрицательные

характеристики (помощник, в отличие от героя, может и не вызывать симпатию у адресата или других персонажей текста), но важны его функции, названные выше.

Эта практика реализовывалась и в речи журналистов, и в речи персонажей-представителей власти:

(1) Юрий Скуратов, бывший генпрокурор РФ:

– Сюжет с Дымовским очень удачно вписался – или его вписали – в ситуацию, которая назрела в обществе. Она связана с серьезным обсуждением реального положения дел с преступностью в органах милиции, их роли в обществе и государстве. На днях мы получили беспрецедентное выступление министра Рашида Нургалиева, с объективной и человечески-острой постановкой вопроса, типа, ребята, до чего мы доехали!

На этом фоне у ситуации с Дымовским два варианта. Либо она специально под это выступление делалась. Либо случаем с майором удачно воспользовались, чтобы возбудить общественный интерес вокруг состояния дел с нашей милицией (Майор Дымовский – правдоруб, или подстава к Дню милиции [Электронный ресурс] // Свободная пресса. сетевое СМИ. 2009. 10 нояб. URL: <http://svpressa.ru/issue/news.php?id=16716> (дата обращения: 11.03.10)).

(2) Никакой Дымовский не станет тараном, рушащим МВД, дымовой шашкой, подброшенной в окно Нургалиеву. Другое дело, что вся эта дурацкая история обнажила «точку перелома» Вертикали: в созданной Системе чиновники (не один же Дымовский!) не верят ни депутатам, ни СМИ, ни судам, в качестве первой и последней инстанции остается только сам Глава Вертикали. Чуть не написалось – сам Господь... (Дымовский огонь [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. : интернет-СМИ. 2009. 23 нояб. URL: <http://vz.ru/columns/2009/11/23/351096.html> (дата обращения: 11.03.10)).

Мы видим, что А. Дымовский, идентифицируемый как «Другой»-помощник, оценивается как человек, которому удалось привлечь внимание к острым проблемам: преступности в милиции и слабости «вертикали власти». А. Дымовскому при этом не приписывают положительных характеристик (его обращение журналист называет «дурацкой историей»), говорящие не исключают,

что майора кто-то использует. Но тем не менее он «помогает», привлекая внимание к проблемам, которые необходимо решать ради дальнейшего развития государства.

Таким образом, в СМИ, занимающих либеральную позицию, использовались дискурсивные практики, конструирующие «Другого», формирующего положительное отношение у адресата.

И наконец, мы хотели бы рассмотреть дискурсивные практики, формирующие у адресата амбивалентное отношение к «Другому». Напомним, что в зависимости от идеологических установок адресата, он, сталкиваясь с этими практиками, может испытывать к «Другому» положительные или негативные чувства. К этим практикам мы относим дискурсивную практику самопрезентации, а также дискурсивные практики конструирования «Другого» как жертвы или диссидента.

Выше мы уже приводили примеры прямой речи Алексея Дымовского. Он подчеркивает, что он русский, не имевший дел с иностранцами, но не скрывает, что способен на осуждаемые поступки (согласился посадить невиновного в обмен на очередное звание, но на самом деле не посадил).

Рассмотрим отрывок из публикации «Скелет из шкафа Дымовского», в которой приводится выдержка из передачи «Дым отечества» на радиостанции «Эхо Москвы»:

А. Дымовский: Понял. Я бы предложил амнистию для сотрудников милиции, у которых есть бумаги, за счёт которых они могут шантажировать начальство (Скелет из шкафа Дымовского [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. : информ.-аналит. портал. 2009. 17 нояб. URL: http://www.chaskor.ru/article/skelet_iz_shkafa_dymovskogo_12461 (дата обращения: 11.03. 10)).

Приведем еще один пример: *«Мне просто надоело быть тряпкой, о которую все вытирают ноги, – сказал Дымовский. – Перед журналистами коллеги могут отрекаться от моих слов сколько угодно, но один на один они говорят совсем другое: у меня накопилось 150 часов диктофонных записей. Чтобы исправить ситуацию в МВД, нужно, в первую очередь, отправить в*

отставку его руководство. Нужно увеличить зарплату сотрудникам, дать денег хотя бы на бензин для служебных машин». Дымовский также утверждает, что в настоящее время передвигается с телохранителями. «Слишком хорошо я знаю методы работы нашего ведомства и не хочу, чтобы у меня в кармане «случайно» нашли, например, наркотики», – сказал он (Вести, ТК «Россия», 09.11.09).

С одной стороны, персонаж обладает чертами, предположительно располагающими к нему аудиторию: он этнически и социально «свой» (он русский, россиянин, обычный милиционер)³, его позиция близка большинству адресатов (хочет провести реформу МВД, чтобы искоренить коррупцию и поднять зарплату сотрудникам), он говорит правду о случаях нарушения закона в милиции, и у него есть чувство собственного достоинства («мне надоело быть тряпкой»). И в то же время он характеризует себя как жертву – преследуемого человека, которому угрожает опасность (передвигается с телохранителем, опасается, что подкинут наркотики). Честность персонажа, готовность нести ответственность за возможные правонарушения также должны импонировать читателям. Но, с другой стороны, признание того, что им совершались неблагоприятные поступки, странное понятие о чести (шпионил за коллегами, чуть не посадил невиновного ради очередного звания) оставляют негативное впечатление, сближающее практику конструирования «Другого» как героя с практикой, конструирующей лже-героя.

Второй дискурсивной практикой, формирующей у адресата амбивалентное отношение, является практика конструирования «Другого» как жертвы. Напомним, что жертва может и не вызывать сочувствия, но в текстах будет содержаться семантика преследования персонажа со стороны антагониста, актуализируются смыслы причинения жертве несчастий или страданий в результате злого умысла. Переходя к анализу журналистских текстов, отметим, что конструирование образа А. Дымовского как жертвы фиксируется с 10 ноября

³ Примеры мы приводили выше, когда говорили о характеристиках, данных персонажу.

2009 года, то есть в тот период, когда информация о новороссийском майоре начинает подаваться не только в информационных, но и в аналитических жанрах.

(1) Можно ли сказать, что Алексей Дымовский – жертва системы? Типичная, только не надо под системой понимать Кремль и его окрестности, в данном случае это понятие гораздо шире. Мораль сей басни в том, что политика – это большая шахматная доска. А для некоторых, вроде Дымовского, и вовсе – гигантская мясорубка, которая перемалывает их в своем чреве, чтобы они стали частью общего узорчатого фарша (Дымовский – Ходорковский милиционеров, радио «Свобода», 27.01.10).

(2) МВД наносит ответный удар по Дымовскому и его команде Правоохранительная система оправилась от критических роликов в Интернете – на авторов начали заводить уголовные дела (МВД наносит ответный удар по Дымовскому и его команде // [Электронный ресурс] // Свободная пресса. : сетевое СМИ. 2009. 17 дек. URL: <http://svpressa.ru/society/article/18574/> (дата обращения: 11.03.10)).

А. Дымовскому как жертве угрожают анонимные (журналисты не называют конкретных имен) антагонисты – политические деятели и представители МВД. И если исходящая от первых угроза описывается через метафору «мясорубка», то угроза, исходящая от МВД, предельно конкретна: на А. Дымовского и тех, кто последовал его примеру (после видеообращения А. Дымовского еще некоторые работники МВД разместили в интернете аналогичные заявления), начали заводить уголовные дела.

Таким образом, мы видим, что в контекстах не используются смыслы, связанные с жалким положением персонажа и вызывающие сочувствие к жертве, как это было, к примеру, в текстах о Пензенских Затворниках. Однако высказывания журналистов об А. Дымовском передают семантику преследования со стороны третьих лиц (политики, МВД), актуализируются смыслы причинения персонажу страданий (уголовное дело, заключение под стражу) в результате злого умысла, к примеру, из-за мести.

Рассмотрим третью дискурсивную практику, формирующую амбивалентное отношение к «Другому», – конструирование «Другого» как диссидента. Отметим, что в случае с А. Дымовским слово «диссидент» использовалось во втором значении: «человек, не согласный с господствующей идеологией, инакомыслящий» [СОШ, с. 167]. Смыслы, которые подключаются при реализации этой практики, связаны с идеологическим противостоянием «Другого» не только действующей власти в целом, но и (на более низком уровне) собственному руководству:

(1) Вторым хитом Интернета стало возвращение в публичное пространство майора милиции Алексея Дымовского. Напомним, в конце 2009 года на сайте YouTube он разместил видеообращение к премьеру Владимиру Путину. В нем Дымовский сообщил о злоупотреблениях в УВД Новороссийска, где проработал много лет. Тогда многие связывали с милиционером-диссидентом надежду на реформирование МВД (Независимая газета, 10.11.11).

(2) Например, о необходимости пересмотреть отношение к опальному майору пишет в своем блоге журналист и общественный деятель Олег Козырев:

*Дымовский такой, какой он есть. И сегодня, когда он арестован, я надеюсь, демократические политические силы однозначно выскажутся против ареста майора и, что тоже важно, поддержат его и политически. А вообще, конечно, **Дымовский – это Ходорковский милиционеров** (Дымовский – Ходорковский милиционеров, РС «Свобода», 27.01.10).*

*(3) Впрочем, до последнего момента либералы относились к милиционеру Дымовскому неоднозначно. Его арест – который сам Дымовский назвал **политическим** – вероятно, расставит акценты по-новому (Там же).*

Одна из важнейших характеристик диссидента – ведение правозащитной деятельности, и она также была отражена в публикациях:

Бывший сотрудник УВД Новороссийска, а теперь лидер движения «Белая лента» Алексей Дымовский согласен – преступные группировки, похожие на «банду Цапка», существуют по всему региону (Экс-майор Дымовский: «Бандиты на Кубани находятся под «контролем милиции» // Свободная пресса. 2010. 25

нояб. [Электронный ресурс] // Свободная пресса. : сетевое СМИ. 2010. 25 нояб. URL: <http://svpressa.ru/society/article/34503/> (дата обращения: 07.10.12)).

В конце 2009 года Алексей Дымовский создает общественное движение за реформу правоохранительных органов «Белая лента», которое также занималось защитой прав работников милиции. В 2011 году название организации заимствует Алексей Навальный. «Белая лента» стала символом оппозиционного движения, пытавшегося оспорить результаты выборов в Государственную Думу в 2011 году. Однако в 2009 году это движение больше связывали с А. Дымовским и его правозащитной деятельностью.

Негативное или позитивное восприятие персонажа в данном случае будет зависеть от идеологической позиции адресата. Если адресат разделяет идеологию действующей власти, он отнесется к диссиденту негативно. Если адресат разделяет идеологию политической оппозиции, он отнесется к «Другому» положительно: либо как к герою, либо как к помощнику.

Итак, дискурсивные практики, формирующие амбивалентное отношение к «Другому», фиксируются в текстах о Дымовском: самопрезентация «Другого», «Другой»-жертва и «Другой»-диссидент.

В самопрезентации «Другой» может давать самому себе характеристики, рождающее противоречивое отношение к нему. В частности, в самопрезентации А. Дымовский как «Другой» формирует неоднозначное отношение к себе: с одной стороны, он герой, помощник и жертва, с другой, – лже-герой, т.к. способен на подлость.

Применяя практику конструирования «Другого» как жертвы, журналисты актуализируют смыслы, связанные с преследованием его со стороны третьих лиц, например, бывшего руководства или более высоких чинов в МВД, а также смыслы, связанные с причинением персонажу страданий в результате злого умысла.

Кроме того, мы зафиксировали дискурсивную практику, конструирующую «Другого» как диссидента, при реализации которой актуализируются смыслы идеологической оппозиционности «Другого» по отношению к власти.

Проанализированные нами тексты показывают, что в современных СМИ по отношению к одному и тому же персонажу смысл «диссидент» заменяется близким смыслом «правозащитник».

Анализ показал, что набор субъектных позиций дискурса СМИ о «Другом» аналогичен с тем, что мы видели в публикациях о Пензенских Затворниках: во-первых, на позицию говорящих, конструирующих образ Другого, встает журналист – автор текста. Во-вторых, привлекаются для комментариев представители власти – исполнительных, в том числе правоохранительных органов. В-третьих, в обсуждении ситуации участвуют эксперты. В-четвертых, используются свидетельства очевидцев (сослуживцы и жена Дымовского). В-пятых, слово предоставляется «Другому» – майору А. Дымовскому. Это наиболее редкий случай.

Обобщим данные проведенного анализа. Чтобы поддержать дискурсивные практики конструирования «Другого», используемые самими публицистами, привлекаются различные персонажи. Такое обилие персонажей, дающих характеристики «Другому», дает адресату, с одной стороны, возможность взглянуть на предмет с разных точек зрения. С другой стороны, ведущей дискурсивной практикой (она есть у подавляющего числа говорящих) является негативно-оценочная практика, конструирующая «Другого» как внутреннего врага.

По материалам получается, что, как и в случае с Пензенскими Затворниками, ключевой накапливаемый смысл в текстах о «Другом» – *опасность*. Это очень интересно и вообще для понимания восприятия «Других» в обществе, и для оценки ведущего отношения к А. Дымовскому: человек, нарушающий правила игры, опасен.

Подведем некоторые итоги. Дымовский является Другим с неясным статусом, так как совершил неожиданный поступок. Средства массовой информации не были готовы к появлению подобного персонажа, поэтому в текстах наблюдалось столкновение разных дискурсивных практик через актуализацию соответствующих смыслов: больной, преступник, пособник

иностранных спецслужб. В публикациях А. Дымовский предстает и как плохой, опасный персонаж, и как смелый человек, совершивший граждански значимый поступок.

То, что выявленные нами дискурсивные практики конструирования «Другого» как персонажа журналистского текста, универсальны и могут осознаваться субъектами дискурса, иллюстрирует пример речь журналиста В. Костикова:

*Очередной приступ глупости случился с милицейским начальством в Новороссийске после того, как майор Алексей Дымовский обратился с интернет-посланием к Владимиру Путину. Вместо того чтобы спокойно разобраться в ситуации, начальство заняло круговую оборону. А майора стали обвинять во всех смертных грехах: в порочащих связях с **правозащитниками**, в том, что он **манипулирует заграница**, что он **бездельник, психопат и врунишка**. В ближайшие дни, если не вмешается гарант конституции или премьер, его, возможно, **обвинят в каннибализме, педофилии, в наркомании, в надругательстве над школьной учительницей и в покупке диплома об окончании детского сада** (Аргументы и факты, № 47, 08.11.09).*

Журналист, безусловно, иронизирует. Однако он довольно точно воспроизвел ведущие для конструирования персонажа дискурсивные практики. Соединение дискурсивных практик, связанных с образом врага (больной, ненормальный, враг, предатель, преступник), конструирует образ отрицательного персонажа. Нагнетание негативных смыслов строится на противопоставлении своего и чужого. Например, на оппозиции нормы и патологии: А. Дымовский – ненормальный, лжец, преступник, по отношению к которому необходимы бдительность и принципиальная нетерпимость. Кроме того, столкновение в конструировании персонажа семантики честности и лицемерия усиливает смыслы коварства врага, оправдывает необходимость изоляции «Другого» и допускает проявление собственной агрессии как блага.

При этом практики конструирования героя, помощника или жертвы и их сочетания несут положительные смыслы. Однако в случае с Дымовским этих

практик меньше, чем негативных, их актуализация беднее. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в рассматриваемых публикациях ключевой накапливаемый смысл при описании «Другого» как персонажа – опасность

Сделаем выводы относительно освещения в СМИ рассмотренных ситуаций в аспекте конструирования «Другого».

Мы установили высокую частотность использования практик, конструирующих «Другого» как врага, внешнего или внутреннего. Они приписывают «Другому» отрицательно-оценочные смыслы разной степени опасности.

Кроме того, выделена группа практик, конструирующих «Другого» как отклоняющегося от нормы в том или ином смысле: больного физически или психически, социально дезадаптированного, нарушающего нормы профессиональной или корпоративной этики и т.д.

В анализируемом эмпирическом материале эти две группы практик конструирования «Другого» преобладают.

Представлены, хотя и незначительно, практики конструирования «Другого» в положительно-оценочном ключе: «Другой» как герой и помощник.

Наконец, достаточно часто встречаются характеристики «Другого», амбивалентные в оценочном отношении. Мы считаем, что дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как персонажа, вызывающего амбивалентное отношение – это особые дискурсивные практики, так как персонаж в результате выполняет не одну сюжетную функцию, он одновременно является, к примеру, и героем, и жертвой, и врагом.

Мы рассмотрели случаи, когда, с одной стороны, персонаж обладает чертами, располагающими к нему: он может быть этнически и социально «своим», его позиция может быть близка большинству адресатов и т.д., и таким образом реализуется дискурсивная практика, конструирующая образ персонажа как героя из числа «своих». Но с другой стороны, например, не учтенные говорящим смыслы, присутствующие в его речи, могут конструировать образ

лже-героя: признание в совершении неблагоприятных поступков, странное понятие о чести, т.е. перечисление фактов, оставляющих негативное впечатление.

Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как жертву также отнесена нами к практикам, формирующим амбивалентное отношение к «Другому». Во-первых, на позиции жертвы оказываются бывшие или настоящие «свои»: обычный милиционер, православные верующие. Во-вторых, отношение к жертве может быть разным. Жертва может вызывать сочувствие у адресата или не вызывать его. В-третьих, жертва может принять эту роль добровольно (как в случае с Пензенскими Затворниками) или вынужденно (как в случае с А. Дымовским). В-четвертых, анализ текстов СМИ показал, что антагонист, который «мучает» жертву (а, следовательно, такой персонаж обязательно должен присутствовать в тексте) это, как правило, анонимная группа лиц (милицейское начальство, прокремлевские силы, заграница и т.д.). Антагонист явно или неявно угрожает жертве смертью, причинением физического или морального вреда.

И последней практикой, которая формирует вокруг «Другого» смыслы, вызывающие амбивалентное отношение, стала дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как диссидента. Мы отметили, что в журналистских текстах сохраняются оба значения слова «диссидент». Первое значение фиксировалось в публикациях о Пензенских Затворниках, второе в материалах об А. Дымовском.

Амбивалентность отношения к диссиденту проявляется в зависимости от того, кто стоит на позициях говорящего и адресата текста. Если говорящим и адресатом в текстах о Пензенских Затворниках будет православный человек или человек, нейтрально относящийся к православию, то персонаж характеризуется негативно, если на позиции говорящего и адресата — антиглобалисты, то персонажи характеризуются положительно, хотя общая семантика первого значения слова «диссидент» и в первом и втором случае остается неизменной: отколовшийся от господствующего вероисповедания, вероотступник. Ту же картину мы наблюдали и в публикациях об А. Дымовском. Если говорящий и адресат имеют какое-то отношение к власти, то создается негативный конструкт

«Другого» как диссидента, если говорящий и адресат – граждане, разделяющие позицию А. Дымовского, или правозащитники, то конструкт «Другого» как диссидента будет положительным. Забегая вперед, отметим, что материал показал, что в качестве сопутствующих к дискурсивной практике, конструирующей Другого как диссидента, могут подключаться дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как врага, сумасшедшего и жертву, однако соответствующие примеры мы подробно рассмотрим в третьей главе.

В целом же мы можем сказать, что переплетая в тексте дискурсивные практики, преимущественно конструирующие внутреннего «Другого» как врага, психически больного, жертву, журналисты создают образ «Другого» как жалкого, но потенциально опасного персонажа. Однако внезапность и неоднозначность ситуаций, возникших вокруг Пензенских Затворников и майора Дымовского, препятствует однозначным оценкам персонажей, и параллельно конструированию их негативных образов функционируют дискурсивные практики, конструирующие тех же персонажей как героев, помощников или положительно оцениваемых диссидентов.

Наличие в текстах сетевых СМИ диаметрально противоположных мнений оставляет адресату свободу выбора в оценке ситуации и формировании отношения к персонажу.

Итак, в ходе анализа мы эмпирическим путем выделили три группы дискурсивных практик, конструирующих Другого как персонажа текстов СМИ: практики отрицательно-оценочной направленности; практики, несущие положительную оценку персонажей; практики, амбивалентные в оценочном отношении.

Важный вывод из выявленной картины конструирования персонажей как Других с помощью разнородных, в том числе взаимоисключающих практик состоит в том, что персонаж сам по себе, во внедискурсивной реальности, не обладает изначально заданными изначально дискурсивными признаками. Он вписывается в социальную стратификацию, окрашивается оценочным отношением только в ходе конструирования в медиадискурсе. Это и есть

механизм социального конструирования реальности, понимание которого подрывает наивный взгляд, что роль СМИ – всего лишь служить зеркалом реальности социума.

В последующих главах развернут детальный анализ каждой из трех групп дискурсивных практик конструирования персонажа, выявленных в ходе исследования двух конкретных ситуаций, описанных выше. В ряде случаев это потребовало привлечения дополнительного эмпирического материала.

Глава 3. Практики конструирования «Другого» как отрицательного персонажа

В этой главе мы рассмотрим практики, которые в журналистском дискурсе конструируют «Другого» как отрицательного персонажа. Мы выделили практики конструирования «Другого» как персонажа журналистского текста и установили, что персонаж конструируется по степени удаленности от «своих» как «Другой», «чужой» или враг.

3.1. Дискурсивные практики конструирования персонажа как врага

Для того чтобы кого-то считать врагом, он должен восприниматься как опасный, противостоящий существенным интересам «своих» и «он должен получить ряд генерализованных характеристик: неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциональных ограничений» [Гудков, 2005, с. 14].

Отметим, что образ врага и лингвистические средства его создания в текстах массовой коммуникации на сегодняшний день в достаточной степени изучены, и мы подробно говорили об этом в первой главе диссертации. Резюмируя содержание этих исследований, мы можем сказать, что, как бы семантически ни различались те или иные виды «врагов», их главная функция – выступать угрозой самому существованию группы (обществу, организации, с которой идентифицируют себя субъект и адресат сообщений – автор, читатель или зритель), ее базовым ценностям. Поэтому с врагом исключен диалог и партнерские отношения, его можно только победить.

Внешний враг. Рассмотрим применение дискурсивной практики конструирования «Другого» как внешнего врага (то есть врага действующего

извне, находящегося за пределами государства или территории, которая считается своей) в текстах об Алексее Дымовском.

(1) *За публичными выступлениями майора милиции Алексея Дымовского могут стоять неправительственные **организации, финансируемые из-за рубежа**, в частности «Агентство США по международному развитию» (USAID), заявил «Интерфаксу» в понедельник источник в департаменте собственной безопасности МВД России. «Выбранный способ, форма и время публикации видеообращения свидетельствуют о том, что Дымовский пользуется **поддержкой со стороны третьих сил**», – заявил собеседник агентства. По его словам, «активное участие в данном деле принимают руководители нескольких так называемых региональных «правозащитных» организаций, спонсируемых, в том числе, **из-за рубежа**» (В МВД России полагают, что за майором Дымовским могут стоять заграничные деньги [Электронный ресурс] // Интерфакс. : информац. агентство. 2009. 09 нояб. URL: <http://interfax.ru/society/news.asp?id=109154> (дата обращения: 11.03.10)).*

(2) *В Департаменте собственной безопасности (ДСБ) МВД России вскоре объявили, что сам майор покрывал наркоторговцев. Его заявления некий представитель ДСБ назвал «пиар-акцией, которую финансируют **неправительственные организации из-за рубежа**» (Майор-разоблачитель Дымовский тайком добрался до Москвы к Дню милиции [Электронный ресурс] // NEWSru.com. : информац. агентство. 2009. 10 нояб. URL: http://www.newsru.com/russia/10nov2009/moscow_dymov.html (дата обращения: 11.03.10)).*

Мы видим, что образ врага нужен для консолидации «своих». Появление в журналистских текстах образа таких враждебных сил из-за границы, в частности, из США, которые якобы заранее спланировали выступление Дымовского, подчеркивает потенциальную опасность персонажа для «своих». Основным аргументом, обосновывающим недоверие к заявлению Дымовского, доказывающим его связь с враждебными силами, выступает якобы финансирование из-за рубежа. Аргумент не разворачивается и не иллюстрируется, и здесь мы видим проявление логики дискурса СМИ в целом: зарубежное

финансирование некоторых некоммерческих организаций в России как опасная для государства деятельность в это же время обсуждалось в публикациях на другие темы.

Отметим, что в приведенных цитатах отсылки к внешнему врагу принадлежат оппонентам Дымовского – сотрудникам МВД России. Причем источник мнения – это безымянный персонаж. Анонимность источника, возможно, призвана усиливать у адресата ощущение опасности, исходящей от Дымовского, однако подобная практика одновременно обесценивает мнение источника информации, снижает уровень доверия к нему [См. Майданова, Чепкина].

Сам А. Дымовский, которому некоторые СМИ также предоставили слово, пытался, напротив, подчеркнуть принадлежность к группе «своих» и дистанцированность от внешнего «Другого»:

С иностранцами, честное слово, я встречался в своей жизни два раза. В Амурской области, где у нас в каждом городе есть китайский рынок, когда приходишь туда за 300 рублей ботинки покупать, и в пять лет меня бабушка возила в Днепропетровск. И всё, больше с иностранцами я отношений не поддерживал...

Я россиянин и в Америку я не собираюсь жить переезжать, тем более, в отпуск ехать. Единственная мечта – съездить на Тибет (Эхо Москвы, 10.11.09).

Таким образом, майор косвенным образом принимает «контакты с иностранцами» как нечто компрометирующее.

Мы видим, что персонажу приписывается связь с внешними враждебными силами, и тем самым он символически приравнивается к ним. Его поступок представлен как несамостоятельный, инспирированный извне.

В публикациях, посвященных Пензенским Затворникам, также привлекалась дискурсивная практика конструирования «Другого» как внешнего врага:

Между тем, как рассказал «Ъ» источник в правоохранительных органах, по одной из версий, истинные руководители и спонсоры «православных

*антиглобалистов» находятся за пределами России. «Создание подобного рода секты – это не только **расшиатывание государства**, но и раздувание **шумихи** вокруг определенных политических тезисов, что очень выгодно некоторым **силам за пределами России**», – сообщил источник. Однако в УФСБ эту версию не подтверждают. «Для того, чтобы официально заявлять о связи руководства секты с западными спецслужбами, нужны очень веские основания. Пока мы к этому не готовы», – заявили «Ъ» в пресс-службе регионального УФСБ (Коммерсантъ, 02.04.08).*

Здесь религиозная группа также представлена несамостоятельной, выполняющей указания иностранных, враждебных России организаций.

Конструирование образа врага частично разрушается комментариями пресс-службы УФСБ, но не снимается полностью, так как слово «пока» не означает однозначного отрицания. Как и в случае с Дымовским, о связи персонажа с внешним врагом сообщает анонимный источник. Агрессивность намерений врага передается через характеристику его возможных действий, признаваемых опасными: *расшиатывание государства*.

Однако в некоторых текстах присутствует более явно выраженное отношение «официальных» источников к затворникам (мы взяли слово «официальных» в кавычки потому, что так их представляют в текстах СМИ, но из-за анонимности источника невозможно с уверенностью говорить о достоверности представленной информации). Например, в обзоре «Лидер секты Петр Кузнецов прикарманивал деньги верующих?» (Комсомольская правда, № 44, 27.03.08), эксперт указывает на связь затворников с западными спецслужбами и потенциальную опасность «сидельцев» для государства:

Мы попросили сотрудника ФСБ прокомментировать ситуацию с пензенскими затворниками.

*– Я абсолютно убежден, что секта Погановки – это не местечковое явление, а **часть цепочки**, – сообщил наш источник, попросивший не публиковать в газете его имя. – Я в свое время занимался крупными сектами, действующими на территории России. Любая мелкая секта, такая, как община Погановки,*

обычно финансируется крупными сектами, которыми руководят **западные спецслужбы**. Цель – внести **раскол** в наше общество, **разобидеть, породить тревогу**. ... Чаще всего лидеры сект выполняют свою «миссию» за вознаграждение. Им в помощь нанимаются специально обученные люди, которые вербуют людей со слабой психикой в ряды сектантов. Это **зомбирование**. Любое религиозное объединение чаще всего **запугивает (и парализует волю)** приближающимся концом света, апокалипсисом, обещая своим «единоверцам» спасение. **Община Погановки – религиозно-политическое объединение, выдвигающее задачи изменения политической ситуации в стране, а значит, это дело государственной важности**. На первый взгляд может показаться удивительным, что ради какой-то кучки чудиков туда приезжают иностранные журналисты, не исключая, кто-то из них сотрудничает с ЦРУ...

В данном отрывке используется ряд практик конструирования образа врага. Во-первых, дается соответствующее определение «Другого»: это организация, желающая изменить политическую ситуацию в стране, и потому она опасна для государства и общества. Во-вторых, используются смыслы, нагнетающие ощущение опасности, исходящей от «Другого»: «раскол», «тревога», «запугивание», «зомбирование», «паралич воли». В-третьих, используются средства, указывающие на то, что «Другой» консолидирован с внешним врагом: *это часть одной цепочки, во главе которой западные спецслужбы*.

Кроме того, в комментариях анонимных источников из УФСБ подчеркивается мысль, что обезопасить «своих» от «Другого» можно, только уничтожив группу: депортировать граждан Белоруссии, отправить по домам приезжих из других областей. Подобную практику мы видим в материале «После семи месяцев затвора «сидельцы» вышли» (Комсомольская правда, № 71, 16.05.08):

– **Все «сидельцы» – приезжие: из разных областей России и Белоруссии**. Как заявили в УФМС по Пензенской области, с ними поступят в соответствии с действующим российским законодательством. Затворников отправят по домам, как только с ними пообщаются правоохранительные органы, психологи и врачи.

Кто-то уедет по собственной воле, как, например, игуменья Антония и Святослав Апарин. Кого-то заберут родственники. Граждан Белоруссии депортируют из страны за нарушение режима пребывания на территории РФ. Ранее власти уже поступили так с пятью вышедшими затворницами.

Еще раз отметим, что мнения идентифицируемых персонажей, обладающих авторитетом, делают суждения более весомыми. И в русле разговора о затворниках нам кажется необходимым привести мнения священников, которые высказывались по поводу персонажа-«Другого», так как мнение людей, знакомых с богословием, более значимо в вопросах религии.

«По докладам духовенства, я бы не стал их называть сектантами <...> Это запутавшиеся люди, а главная причина их поведения – изначальная постсоветская религиозная безграмотность. Я чувствую, считаю, что это спланированная акция не только против Русской православной церкви, но и против страны», – заключил Архиепископ Пензенский и Кузнецкий Филарет (Пензенскими затворниками могли руководить из-за рубежа, подозревают в РПЦ [Электронный ресурс] // NEWSru.com. : информац. агентство. 2008. 10 апр. URL: <http://www.newsru.com/russia/10apr2008/zagranitza.html> (дата обращения: 11.03.10)).

Архиепископ Филарет не включает пензенских затворников в круг православных верующих (а сами затворники позиционировали себя именно так). Однако признает, что эти Другие стали жертвами абстрактного, гипотетического врага, опять же заранее спланировавшего «акцию» против «своих» – Русской православной церкви и страны в целом. Причем «ошибочность» убеждений затворников (они запутавшиеся люди) проистекает из религиозной безграмотности населения, живущего на территории бывшего СССР и воспитывавшегося в условиях тотального атеизма. В начале из речи архиепископа не вполне понятно, является ли гипотетический враг внешним или внутренним, однако дальнейшие комментарии снимают неясность:

«Это могут быть какие-то зарубежные организации. Ведь они сейчас принимают вид общественных организаций, некоммерческих организаций,

филантропических обществ, они могут руководить этим. Я не верю, что Кузнецов мог написать сам эти книги», – заявил архиепископ в четверг (Там же).

Эмпирический материал показывает, что в текстах, посвященных А. Дымовскому и Пензенским Затворникам, дискурсивные практики конструирования «Другого» как действующего по указаниям внешнего врага привлекались активно. Эти практики актуализируют смыслы потенциальной и реальной опасности, исходящей от «Другого» как «вражеского агента». «Другой» представляет потенциальную угрозу стране, существующему политическому строю и т.п. Сюжетная роль этих персонажей – вредитель-антагонист, действующий средствами обмана.

Данные смыслы содержатся, прежде всего, в речи анонимных говорящих (это некие источники в органах госбезопасности). В ряде текстов о Пензенских Затворниках их характеризует как внешнего врага представитель православной церкви – архиепископ Филарет. Характерен конспирологический характер поиска внешнего враждебного влияния – публикуются подозрения и догадки при отсутствии фактов очевидных враждебных действий. Сам внешний враг указан с предельной неопределенностью (западные спецслужбы), он нужен лишь для указания на внутренних врагов, обозначенных как пособников врага внешнего, якобы послушно выполняющих чужие распоряжения. Фигура внутреннего врага оказывается гораздо более важной. К ее описанию мы и переходим.

Внутренний враг. Дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как внутреннего врага, опираются на принцип, противоположный пониманию врага как приходящего извне.

От внешнего врага внутренний отличается тем, что это может быть «свой», но выходящий за рамки установленной данным обществом «нормы» (правовой, моральной и др.). Функция такого персонажа – указать на культурные границы «мы-группы» [Гудков, 2005, с. 14-15]. Конструированию образа внутреннего «Другого» служат антитезы «своего-чужого», в том числе метафорические [Там же, с. 66-67]:

- 1) героически-возвышенному миру правильных, идеологически выдержанных персонажей противостоит мир чудовищ, для описания которых используются архаические семантические элементы (змеи, насекомые, пауки, обитатели подземного мира);
- 2) в рамках оппозиции нормы и патологии помощники врага из состава «близких врагов» выступают как «близорукие», неполноценные (малOVERы), извращенцы, мистики, абстрактные гуманисты и т.п. — по отношению к ним необходимы бдительность и принципиальная нетерпимость;
- 3) столкновение семантики расцвета, здоровья для «своих» — и гниения, разложения, болезнетворной инфекции среди врагов;
- 4) столкновение честности и лицемерия: враги — «двурушники», позитивные герои срывают с них маски двуличия.

Чаще всего в текстах СМИ мы можем встретить актуализацию практики конструирования «Другого» как внутреннего врага через характеристики его как предателя, провокатора или преступника. Сюжетная функция этих персонажей манифестирует функцию вредителя-антагониста, действующего средствами обмана или насилия.

Рассмотрим, каким образом в текстах СМИ конструируется «Другой» как внутренний враг. Для начала приведем один из контекстов, где дается комментарий по поводу видеозаписи А. Дымовского, обличающей злоупотребления в милиции:

Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин поражен недогадливостью органов: «Неужели есть люди, которые искренне готовы поверить, что милицейские «революционные» майоры (речь идет о А. Дымовском. — прим. О.А.) и судебные «революционные» маршалы руководимы в своей «революционности» чем-нибудь иным, нежели то, чем были руководимы их предшественники, актеры драмы под названием «обрушение СССР». Ведь цель войны, политической и любой, — разрушить объект. Парализовать его. Дезорганизовать?» (Независимая газета, 14.12.09).

Образ врага конструируется за счет привлечения слов семантической группы «вооруженное противодействие»: *война, революция, разрушение, дезорганизовать*. Кроме того, для усиления негативной окрашенности контекста привлекаются смыслы, связанные с семантикой игры, то есть неискренности, фальши (*актеры, драма*), семантикой болезни (*паралич*), а также использована аналогия с негативно оцениваемым событием прошлого (*обрушение СССР*). Все привлеченные средства призваны создать у адресата ощущение потенциальной опасности, исходящей от «Другого», и убедить в необходимости с ним бороться.

Практика конструирования «Другого» как внутреннего врага (сюжетная роль вредителя из числа «своих») зафиксирована нами и в текстах о Пензенских Затворниках – в речи журналистов:

*Тем временем в Погановке появились **первые жертвы** подземного сидения. Местный житель увидел сатану у себя в сарае. Он собирался звонить в милицию, когда ударом швабры его остановила жена. Шальные деньги, свалившиеся на погановцев от прессы (наш брат снимает дома у местных), обернулись белой горячкой. За минувший месяц 8 человек лишились водительских прав за пьянку* (Известия, 08.04.08).

Здесь описаны негативные последствия поступка Пензенских Затворников. Правда, вина их косвенна: повышенное внимание к селу со стороны средств массовой информации и властей, вызванное акцией затворников, привело к ухудшению жизни «коренного» населения – жителей села Никольское (Погановки).

Смысл «внутренний враг» может актуализироваться через семантику необходимости сопротивления врагу и тем, кто пытается к нему примкнуть. Кстати, то, что к «врагу» могут примкнуть «свои» (в нашем случае, у Затворников могут найтись последователи или продолжатели их дела) – дополнительная опасность, которую фиксируют тексты СМИ:

*Затворничество **входит в моду***

*В селе Никольское Пензенской области новые **последователи** затворников попытались вырыть вторую пещеру рядом с первой. Они успели сделать*

*вертикальный тоннель и коридор длиной 5-6 метров в человеческий рост. Однако местные власти **уничтожили** новое подземелье (Труд, 12.05.08).*

Мы видим, что реакция местных властей – вполне в духе борьбы с врагами.

В конструировании персонажей как «Других», являющихся внутренними врагами, в дискурсе СМИ используется несколько практик, на которых нам хотелось бы остановиться подробнее. Речь об актуализации практики конструирования «Другого» как предателя, провокатора или преступника (очередность перечисления этих практик не значима, они приводятся в том порядке, в котором фиксировались во время исследования).

«Другой» как «предатель» – конструируется опасный чужой, притворяющийся своим, это внутренний враг, которого нужно изгнать или изолировать.

Смысл «предатель» имеет коннотацию презрительного отношения к обозначаемому объекту, семантически подчеркивается его связь с врагом, низкая, лживая природа, а также подчеркивается неизбежность наказания: «ПРЕДАТЕЛЬ: Презрит. Тот, кто предал, предаёт кого-, что-л.; **изменник. Наказать предателя. Низкий п.**» [СОШ, с. 579]. Ср. также: «ПРЕДАТЬ: 2. Изменнически выдать кого-л. П. кого-н. **врагу** 3. Изменить, **нарушить верность. П. Родину, П. друга**». [Там же]. Понятие «предать» включается в семантическое поле слова «враг».

Рассмотрим иллюстрации из текстов, посвященных Алексею Дымовскому:

(1) *Майора Алексея Дымовского обвиняют в **разглашении государственной тайны** и хищении денежных средств. По крайней мере такое заявление сегодня сделал глава Департамента собственной безопасности МВД РФ генерал-лейтенант милиции Юрий Драгунцов (Новые известия, 09.11.09).*

(2) *В среду Ирина Дымовская заявила высокопоставленным офицерам МВД из Москвы, прибывшим на проверку в Новороссийск по поручению министра Рашида Нургалиева, что женщина всерьез опасается преследований и мести со стороны бывшего мужа и его каких-либо **покровителей** (Начни с себя, Дымовский [Электронный ресурс] // Politonline. : информац. портал. 2009. 12*

нояб. URL: <http://www.politonline.ru/ventilyator/1710.html> (дата обращения: 11.03.10)).

Мы видим, что в данных примерах реализации дискурсивной практики актуализирована большая часть значимой для определения «предателя» семантики. Персонаж разгласил государственную тайну (нарушил верность государству, которому присягал), он имеет покровителей, способных за него отомстить (отметим, что потенциальная жертва – первая жена А. Дымовского – ищет спасения у высокопоставленных офицеров МВД, которые входят в круг «своих» и, соответственно, покровители Дымовского мыслятся либо как «чужие», либо как враги). Семантика «неизбежности наказания» реализуется в том, что действия персонажа уже осудили (пусть и устно).

Сообщения о том, что А. Дымовский обвиняется в разглашении государственной тайны, появились в ноябре 2009 года, практически сразу после обращения майора к В. В. Путину. (Примечательно, что уже к концу ноября эти обвинения заменили на «мошенничество» и «клевету», т.е. произошла активация дискурсивной практики конструирования «Другого» как преступника, а не врага-изменника).

Подчеркивание смыслов потенциальной опасности «Другого», признаваемого внутренним врагом, и необходимости ведения с ним борьбы также фиксируется в публикациях:

*Необходимость реформы в системе МВД назрела давно. Чтобы у нас не было **отморозков** евсюковых и **лже-правдолюб**ов **дымовских**, нужно строго отбирать кадры. Никаких компромиссов быть не может – сотрудник милиции либо годится к службе целиком и полностью, либо должен заниматься гражданской карьерой, – заявил генерал-лейтенант (Комсомольская правда, №26, 26.02.10).*

Дискурсивная практика, конструирующая А. Дымовского как «Другого»-предателя, реализуется также через смысл исключения его из круга «своих», указание на то, что он предал общие идеалы. Например, если мы проанализируем слово «лже-правдолюб», то увидим, что положительная семантика слова

«правдолюб» (ПРАВДОЛЮБ: Человек, любящий правду, истину, справедливость. *Неустранимый правдолюб* [СОШ, с. 576], снимается первой частью сложного слова: ЛЖЕ: «1. Вносит зн.: ложный, мнимый или намеренно выдаваемый за истинное, *Лжеприсяга, лжепророк и т.п.*» [СОШ, с. 325]. В результате слово становится негативно-оценочным. Кроме того, в данном контексте А. Дымовского сближают с группой «чужих»-«отморозков». «ОТМОРОЗОК: *Жарг.* Тот, кто способен на самый безрассудный, отчаянный, жестокий поступок. // О том, кто не признаёт нравственные и моральные нормы; о негодяе, мерзавце» [СОШ, с. 475]. Характеристика «правильного» сотрудника милиции («своего») как человека, *годного к службе целиком и полностью*, сближает данную практику с практикой конструирования «Другого» как ненормального.

Другой как провокатор. Очень близка практике конструирования «предателя» дискурсивная практика характеристики «Другого» как «провокатора».

«ПРОВОКАТОР: 2. *перен.* Тот, кто подстрекает кого-н.к чему-н. нежелательному, неприятному по своим последствиям. *П. скандала, ссоры*» [СОШ, с. 606].

Прямых номинаций «провокатор» по отношению к А. Дымовскому мы не нашли. Однако были тексты, в которых актуализировался смысл трусости, сема «выдающий себя за “своего”», а также говорилось о том, что А. Дымовский подстрекал милиционеров к действиям, нежелательным для правоохранительной системы (а именно ее представители выступают в текстах как группа «своих»), действиям, угрожающим, по мнению говорящих, ее стабильному развитию и улучшению, т.е. провоцировал других:

(1) – *В свою очередь агентство РИА Новости со ссылкой на еще один источник в МВД сообщило, что в отношении Дымовского еще до публикации резонансных записей проводилась проверка.*

«Сообщая в своем обращении о незаконных действиях сотрудников милиции, Дымовский **создает себе образ** «жертвы системы» и «борца за

правду». Однако, будучи сотрудником милиции, в обязанность которого входит выявление преступлений и предотвращение условий, способствующих их совершению, Дымовским не предпринималось никаких мер правового характера по отстаиванию своей позиции», – добавил источник. Кстати, он также полагает, что заявление «милиционера-блогера» **стоит расценивать как попытку привлечь внимание к собственной персоне**: «Именно поэтому он приурочил свои высказывания ко Дню милиции, который празднуют 10 ноября» (Майор Дымовский обнародовал запись разговора с бывшим начальником [Электронный ресурс] // Bigmir.net. : информац. агентство. 2011. 25 сент. URL: <http://news.bigmir.net/world/207148/> (дата обращения: 11.03.10)).

(2) У начальника УВД поинтересовались, не опасается ли он мести со стороны уволенных сотрудников, некоторые из которых могут, **последовав примеру** Алексея Дымовского, попытаться обнародовать компромат на бывших теперь уже начальников. «Я не исключаю, что такие сотрудники будут...», – не стал зарекаться г-н Говорун. Однако добавил, что для того, «чтобы нам упредить дымовских», уже предприняты меры. А именно: планируется «самым решительным образом реагировать и привлекать за **заведомо ложную** информацию, **дискредитирующую** органы внутренних дел!» (Псковская губерния, №8 (479), 03-09.03.10).

В процитированных нами примерах создается образ человека, желающего создать скандал, стяжать дешевую славу за чужой счет (обнародовал резонансные записи, попытка привлечь внимание к своей персоне), причем делает он это продуманно и намеренно (приурочил выступление ко Дню милиции), а подготовку ведет тайно (до обращения к Путину А. Дымовский не предпринимал мер по отстаиванию своей позиции). Ю. М. Лотман писал: «Ложная слава «с шумом» погибает» [Лотман, 1992, с. 88]. Поэтому, как утверждает Ю. М. Лотман, излишняя слава, привлеченная к «ненужному» (неподходящему) персонажу, считается опасной, нежелательной для остальной части сообщества. В текстах о А. Дымовском неоднократно встречаются характеристики его как лже-героя. Так, ироничные номинации «милиционер-блоггер», «жертва системы» и «борец за

правду» также подчеркивают негативное отношение к объекту с позиции говорящего, словосочетания даны в кавычках – знак иронического употребления.

Кроме того, перевод фамилии персонажа в разряд имен нарицательных (причем употребляющихся в контексте обсуждения *«заведомо ложной информации, дискредитирующей органы внутренних дел»*) указывает на то, что конкретный факт выводится на уровень символа. В нашем случае символа борьбы человека как части системы (а сотрудника правоохранительных органов можно назвать частью системы) с системой внутренних дел в целом. Этот тезис подтверждается тем, что респонденты не исключают, что у А. Дымовского могут найтись последователи (то есть те, кто, с точки зрения говорящих, поддастся на провокацию и начнет открыто критиковать руководство). И по отношению к этим потенциальным последователям уже принимаются меры: *для того, «чтобы нам упредить дымовских», ... планируется «самым решительным образом реагировать и привлекать за заведомо ложную информацию, дискредитирующую органы внутренних дел»*. А приписывание Дымовскому и его сторонникам распространения заведомо ложной информации усиливает общий негативно-оценочный смысл контекста.

В приведенных выше примерах легко увидеть аналогии с дискурсом партийных чисток, проработок и борьбы с политической оппозицией советского времени. С. Ю. Данилов пишет: «Проработки, чистки, доносы и анонимки были символами русской коммуникативной действительности эпохи тоталитаризма... Критерии *чистки* задаются Учением. Действительность поляризована, все ее явления разведены на полюса... Из процедур чистки выделилась более приспособленная к повседневному употреблению процедура *проработки* некоторых членов группы. Эта процедура стала ключевой коммуникативной практикой тоталитарной культуры. Под *проработкой* мы понимаем особый советский тип осуждения – коллективное осуждение (на собрании, на заседании), который являет собой последовательные выступления разных субъектов, объединенные общей темой и объектом оценки. <...> *проработка* достигает своей канонической реализации в условиях обязательной политической оценки

проступка объекта проработки» [Данилов, с. 347]. И как раз появление в текстах СМИ, посвященных обсуждению поступка А. Дымовского, множества персонажей-коллег (сотрудников милиции разного уровня), присоединяющихся друг к другу в коллективном осуждении отдельно взятого члена коллектива, по нашему мнению, являются вариантом воспроизведения этой советской практики «проработки».

Таким образом, обращение А. Дымовского воспринимается рядом персонажей как действие, несущее угрозу стабильному существованию одного из важнейших социальных институтов – правоохранительной системы, основная задача которой состоит в предотвращении противоправных действий. Прежде всего, опасение вызывает то, что пример одного (даже если бы он желал просто создать скандал) может быть заразителен для многих, что собственным примером он подтолкнет других недовольных публично жаловаться на руководство, вскрывать факты нарушения закона самими же правоохранителями, одним словом, выносить сор из избы⁴.

«Другой» как «преступник». Также актуальная практика, создающая образ «Другого» как внутреннего врага.

Персонажу, которого характеризуют как преступника, приписывается совершение противоправных и общественно осуждаемых действий: убийство, мошенничество, наркоторговля и проч.: «ПРЕСТУПНИК: 1. Человек, который совершает или совершил преступление (1 зн.). *Военный п. II. осужден*» [СОШ, с. 585]; «ПРЕСТУПЛЕНИЕ: 2. Общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности. *Совершить п. Государственное п. Уголовное, должностное, военное, государственное, политическое п. Раскрыть, скрыть п. Совершить п. перед человечеством. Обвиняется в преступлении кто-л. Застать на месте преступления*» [Там же].

⁴К слову, эти опасения оправдались, так как вслед за А. Дымовским видеообращения в интернет выложили бывший заместитель прокурора г. Ухта Григорий Чекалин, участковый инспектор из Тольятти, майор милиции Алексей Мумолин, подполковник внутренней службы ГУВД Свердловской области Татьяна Домрачева и другие. С А. Дымовским (и «дымовскими») поспешили поступить так, как традиционно поступают с потенциально опасными Другими – попытались изолировать: кого-то уволили с занимаемых должностей, а Алексея Дымовского и Григория Чекалина арестовали.

Таким образом, в понятие «преступник» включается семантика опасности, возмездия и неизбежности наказания за преступление (как минимум – изоляция от общества).

В ситуации с А. Дымовским СМИ разместили серию публикаций, в которых сообщалось, что он совершил то или иное противоправное действие. Причем спектр преступлений был достаточно широк: от разглашения государственной тайны (о которой мы уже говорили выше) и подозрения в убийстве до вымогательства. Именно большой набор приписываемых преступлений подрывал доверие к обвинениям – они казались скорее способом дискредитации персонажа.

(1) Майора Алексея Дымовского обвиняют в разглашении государственной тайны и хищении денежных средств. По крайней мере, такое заявление сегодня сделал глава Департамента собственной безопасности МВД РФ генерал-лейтенант милиции Юрий Драгунов (Мой район, 16.12.09).

(2) Прикрываясь погонами, он регулярно ходил выбивать деньги, – уверяет женщина (Ирина Дымовская, бывшая жена А. Дымовского. – прим. О.А.) – Будучи сотрудником службы по борьбе с оборотом наркотиков, Дымовский прекрасно знал адреса тех, кто готовит наркотики или торгует ими. Но вместо того чтобы остановить этих людей, он регулярно наведывался к ним за данью....

...- Он страшный человек! – дрожащим от волнения голосом говорила Ирина. – Майор-правдоискатель, которого люди видят на видео, и настоящий Алексей Дымовский – совершенно разные люди. Мой бывший муж как раз один из тех коррупционеров, от которых Владимир Путин должен защитить жителей Новороссийска. Находиться рядом с таким человеком страшно.

По словам бывшей жены, Дымовский не просто брал взятки, будучи сотрудником службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а активно их «выбивал». Большую часть денег, как заработанные на службе, так и незаконно добытые при злоупотреблении служебным положением, заядлый игрок Дымовский оставлял в казино (Начни с себя, Дымовский [Электронный ресурс] //

Politonline. : информац. портал. 2009. 12 нояб. URL: <http://www.politonline.ru/ventilyator/1710.html> (дата обращения: 11.03.10)).

*(3) Майора милиции из Новороссийска Алексея Дымовского, который прославился после ряда видеороликов с разоблачением коррупции в правоохранительных органах, мать задержанного им мужчины обвиняет его в **убийстве** сына. «58-летняя Анастасия Панайотова заявила изданию Lifenews.ru, что Дымовский причастен к смерти ее сына. Именно после пыток на допросе сын скончался в СИЗО от отека мозга, утверждает мать.*

*Как говорит женщина, она, стоя под дверью, якобы слышала, как от боли кричал ее сын, которого на допросе **жестoko избивал** Дымовский. Когда матери разрешили встретиться с сыном, тот, по ее словам, попросил заплатить следователям 500 тыс. рублей, которые они якобы **вымогали** за освобождение (Майора Дымовского обвинили в убийстве [Электронный ресурс] // URA. RU. : информац. агентство. 2009. 16 нояб. URL: <http://ura.ru/content/world/16-11-2009/news/1052106132.html> (дата обращения: 11.03.10)).*

Хотя официальным поводом для заключения А. Дымовского под стражу стало уголовное дело, возбужденное по статье «мошенничество», приписывание персонажу других возможных преступлений способствует накоплению отрицательных характеристик (убийца, вор, вымогатель, коррупционер, наркоторговец, мошенник, взяточник). Кроме того, подчеркивается систематичность совершения некоторых преступлений: *он регулярно навещался к ним за данью.* «ДАНЬ: 1. В старину: подать с населения или налог, взимаемый победителем с побежденных *Платить, собирать д. Обложить данью.* 4. Жарг. Сбор деньгами или натурой (в пользу **вымогателей**)» [СОШ, с. 151-152]. Причем негативно окрашенное понятие «вымогатель» прямо звучит в одном из контекстов через однокоренное слово «вымогали». «ВЫМОГАТЬ: 1. **Шантажом, угрозами** добиваться чего-н. *В. деньги.*» [СОШ, с. 115].

Потенциальная опасность, исходящая от персонажа, подчеркивается описанием реакции близких ему людей: бывшая жена запугана (*находиться рядом с таким человеком страшно*), ее голос дрожит от волнения, когда ей

приходится рассказывать об экс-супруге. Положительный смысл оценочной номинации «майор-правдоискатель» (образ, который А. Дымовский пытается себе создать) разрушается противопоставлением с «реальным» персонажем (человек, которого хорошо знает бывшая жена): «это разные люди». Таким образом, вновь актуализируется дискурсивная практика конструирования персонажа как «лже-героя» (вредителя-антагониста, «замаскировавшегося» под героя).

Кроме того, в рамках практики конструирования персонажа как «преступника» в более поздних публикациях поступок А. Дымовского интерпретируется представителями МВД как аналогичный действиям майора Евсюкова, расстрелявшего в торговом центре более 20 человек. Например, в тексте «Майор Дымовский как майор Евсюков» проводятся прямые аналогии между поступками двух милиционеров:

5 ноября 32-летний Алексей Дымовский, майор милиции из Новороссийска, опубликовал в интернете видеообращение к премьер-министру Владимиру Путину. Уже несколько дней оно держится в числе самых обсуждаемых событий. По степени общественного резонанса демарш Дымовского сравним лишь с бойней в московском супермаркете «Остров», устроенной 32-летним майором Евсюковым. На поверку выясняется, что у этих историй есть много общего.

Дымовского с Евсюковым роднит не только возраст и звание. По-моему, оба милицейских офицера пребывали на момент совершения поступка в явно неуравновешенном состоянии. У Евсюкова был острый алкогольный психоз, у Дымовского – явные признаки хронической депрессии. В действиях обоих милиционеров читается протест против устоявшихся порядков и неприятие начальства. Во время стрельбы по живым мишеням Евсюков грозил вышестоящим товарищам «наделать всяков». В своём видеообращении Дымовский разоблачает руководство новороссийского ГУВД (Майор Дымовский как майор Евсюков [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. : информ.-аналит. портал. 2009. 09 нояб. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=12174> (дата обращения: 11.03.10)).

По логике автора текста, критика начальства и указание на злоупотребления в милицейской среде могут быть приравнены к убийству и захвату заложников: и то и другое в равной мере преступления. Усиление негативных смыслов происходит за счет лексики, употребляемой в одном контексте: ироничного «демарш» («ДЕМАРШ: (спец.) Дипломатическое выступление (протест, просьба или предупреждение), адресованное правительству какого-н. государства» [СОШ, с. 159]) и негативно-оценочного «бойня» («БОЙНЯ: 2. *перен.* Массовое избиение, резня, убийство. *Кровавая б.*» [СОШ, с. 54]). Кроме того, в данном примере привлекается практика конструирования персонажа как психически нездорового человека (неуравновешенное состояние, явные признаки хронической депрессии).

Актуализация смысла «преступник», поддерживающая дискурсивную практику конструирования «Другого» как внутреннего врага, есть и в публикациях, посвященных Пензенским затворникам: лидера затворников П. Кузнецова обвинили в разжигании религиозной и национальной ненависти, а затворников, взявших с собой в пещеры детей, – в жестоком обращении с детьми.

(1) Вчера следственный комитет при прокуратуре возбудил уголовное дело против идеолога затворников Петра Кузнецова за «скрытую пропаганду религиозной и национальной ненависти».

Как сообщили в следственном комитете при прокуратуре, уголовное дело возбуждено по результатам психолого-лингвистической экспертизы изъятых у господина Кузнецова книг. «Специалисты провели экспертизу более тысячи книг религиозного толка и пришли к выводу, что в них содержится явная или скрытая пропаганда религиозной и национальной ненависти», – заявили в следственном комитете (Коммерсантъ, 25.03.08).

(2) Для переговоров пришлось освободить из психбольницы признанного невменяемым лидера секты Петра Кузнецова. Между тем на днях прокуратура Пензенской области обратилась в Бековский районный суд с требованием признать экстремистскими книги, написанные Петром Кузнецовым. Месяц назад судебная психолого-лингвистическая экспертиза нашла в книгах Кузнецова

*призывы к отказу от исполнения конституционных прав и обязанностей, а также **пропаганду религиозной и национальной ненависти**.*

*Наказание грозит и другим членам секты. «Если будет собрано достаточно доказательств, то родителей (четверых детей, которые заключены вместе со взрослыми в землянку – «Ъ») можно будет привлечь как к уголовной, так и к административной ответственности за **жестокое обращение с детьми**», – заявил «Ъ» заместитель прокурора Пензенской области Алексей Цуканов (Коммерсантъ, 01.04.08).*

Обратим внимание на то, что обвинение в разжигании религиозной и национальной розни было выдвинуто Петру Кузнецову после экспертизы неких религиозных текстов, изъятых у него. Однако в публикациях СМИ нет данных о том, что это за тексты (еще более удивительно, что обе цитированные публикации вышли в одном издании – «Коммерсантъ» – и их писал один автор). В одном материале говорится, что специалисты проанализировали более тысячи изъятых у Кузнецова книг религиозного содержания и сделали вывод, что «*в них содержится явная или скрытая пропаганда религиозной и национальной ненависти*». Что это за книги, аудитории не поясняют (например, Библия и Коран тоже книги религиозного содержания). В следующей публикации говорится, что прокуратура требует признать экстремистскими книги, написанные Петром Кузнецовым. В результате возникает противоречие с предыдущим текстом: Кузнецов успел написать более тысячи книг, которые проверили эксперты? Насколько можно доверять автору в таком случае, каждый из адресатов решает сам [См. Майданова, Чепкина]. Отметим также оксюморон «скрытая пропаганда». Возможно, необходимость оперативно комментировать неясную ситуацию и персонажей с неопределенным статусом порождает противоречивые тексты.

Подводя итоги, скажем, что для создания образа «Другого» в текстах СМИ широко привлекается дискурсивная практика конструирования «внутреннего врага». Актуализация смыслов, связанных с внутренним врагом, реализуется, прежде всего, через соответственно окрашенную лексику тематической группы «война», которая в условиях мирного времени используется метафорически. В

конструировании «Другого» как внутреннего врага используются сопутствующие практики конструирования «Другого» как предателя, провокатора или преступника – они несут сходные смыслы опасности, причинения вреда. Причем в журналистских текстах, посвященных А. Дымовскому, фиксируются все из сопутствующих практик, тогда как в текстах о Пензенских Затворниках мы находим только одну – дискурсивную практику конструирования «Другого» как преступника.

3.2. Дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как персонажа, нарушающего норму («ненормального»)

Кроме практик конструирования персонажа как внешнего или внутреннего врага к практикам, создающим негативный образ «Другого», можно отнести дискурсивные практики, конструирующие персонажа как психически больного либо имеющего в поведении иные отклонения от нормы. Достаточно часто такие смыслы включаются в описание персонажа не на основании каких-либо установленных диагнозов, а в метафорическом смысле, для подчеркивания характеристики «не такой как все», то есть «Другой».

Дискурсивная практика конструирования «Другого» как психически больного

В дискурсе СМИ психически больным человека называют не только при установленном диагнозе, но и тогда, когда его состояние или поведение не вписывается в представление окружающих о норме, отклоняется от него.

В отношении психического состояния человека Ю. М. Лотман писал: «Норма не имеет признаков. Это лишенная пространства точка между сумасшедшим и дураком» [Лотман, 1992, с. 76]. М. Фуко утверждал, что не столько безумие само по себе породило изоляцию психически нездоровых людей,

сколько априорно заданное обществу разделение на «нормальное» и «ненормальное» породило само представление о безумии. В цикле «Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Колледже в 1974-1975 учебном году» Мишель Фуко говорит, что с тех пор как безумие предстало как технология ненормальности, ненормальных состояний, «психиатрия получила реальную возможность облечь себя функцией, которая сводится к охране и поддержанию порядка. Фактически психиатрии была назначена роль генерализованной социальной защиты» [Фуко, 2004, с. 62].

Соответственно, заключение (или просто высказывание) врача о психической ненормальности персонажа способно исключить его из круга «своих», что, собственно, можно наблюдать в текстах об А. Дымовском. Например, в заметке «Майор-разоблачитель Дымовский тайком добрался до Москвы к Дню милиции» автор приводит несколько мнений о видеообращении А. Дымовского, и среди них такое:

Багрова (Главный врач поликлиники, к которой приписан Алексей Дымовский, – прим. О. А.) *утверждает, что Дымовский вел себя в поликлинике неадекватно и она попросила начальника УВД отправить милиционера в краевую больницу для установления диагноза, передает Life News. «Налицо были все признаки психопатической личности», – уверяет врач. В краевом ГУВД заявили, что не были слишком удивлены обращением майора, так как и ранее он совершал «неадекватные поступки»* (Майор-разоблачитель Дымовский тайком добрался до Москвы к Дню милиции [Электронный ресурс] // NEWSru.com. : информац. агентство. 2009. 10 нояб. URL: http://www.newsru.com/russia/10nov2009/moscow_dymov.html (дата обращения: 11.03.10)).

Кроме оценки поведения персонажа (признаки психопатической личности), автор высказывания несколько раз употребляет слова «неадекватный»/«неадекватно», которые имеют негативно-оценочные семы, подчеркивающие ненормальность объекта. Ср.: «НЕАДЕКВАТНЫЙ: 1. Не совпадающий с чем-л.,

лишённый адекватности. 2. Не соответствующий норме, требованиям. *Н-ое поведение*» [СОШ, с. 400].

Ту же практику мы можем наблюдать в речи персонажа, не являющегося врачом, но обладающего определенным социальным статусом, как, например, в тексте «Не соответствует масштабу проблем»:

Между тем ряд экспертов, с которыми пообщалась газета ВЗГЛЯД, сошлись во мнении, что Дымовский явно неадекватен. Так, начальник пресс-центра МВД России Олег Ельников рассказал, что у него возникают сомнения в адекватности поведения Дымовского, «исходя из личного анализа его поведения, выступлений и публичных заявлений». Ельников отметил, что акция опального майора не обязательно связана с различного рода расстройствами здоровья, но «вполне может быть результатом сложившихся обстоятельств и обстановки».

Представитель МВД добавил, что, вполне вероятно, Дымовский просто «сорвался». «Но особенно мне «понравился» его третий ролик, где он задает своему руководителю сложные вопросы и сам же на них отвечает. Это уже о многом свидетельствует», – заверил Ельников корреспондента газеты ВЗГЛЯД (Не соответствует масштабу проблем [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. : интернет-СМИ. 2009. 11 нояб. URL: <http://vz.ru/society/2009/11/11/347067.html> (дата обращения: 11.03.10).

Уже в заголовке адресату сообщают, что персонаж, оценке которого посвящен текст, не соответствует некоему масштабу (а значит, не дотягивает до кем-то заданной нормы). Вслед за Э. А. Лазаревой отметим, что заголовок – важнейшая часть композиционной структуры текста: «Это первое, на что обращает внимание, просматривая газету, читатель, что ориентирует его в содержании целостного текста... Заголовок является первым сигналом, побуждающим нас прочитать публикацию или отложить газету в сторону <...> Информация, содержащаяся в заголовке, воспринимается в первую очередь и лучше всего запоминается» [Лазарева, с. 4-5]. Поэтому негативные смыслы, содержащиеся в заголовке, могут воздействовать сильнее, чем смыслы, содержащиеся в самом тексте.

Затем начальник пресс-центра МВД, выступающий в публикации в роли эксперта, вновь намекает на психическое нездоровье Дымовского (привычка разговаривать с самим собой). Однако в той же публикации приводится мнение, формально опровергающее вышеприведенное:

*Как рассказала газете ВЗГЛЯД пресс-секретарь УВД Новороссийска Полина Гнутова, которая была лично знакома с Алексеем Дымовским, ранее никто из сотрудников управления не мог сказать о нем, что он психически ненормален или неадекватен. «Он **нормальный обычный среднестатистический** сотрудник милиции, – сказала она. – Но из 310 рабочих дней он провел на службе всего 62, поскольку сначала был в отпуске, потом на учебной сессии, а после – в долгосрочном отпуске...Отпуск был официальным, и он **жаловался на боли** в спине, руках и шее, но я не знаю, жаловался ли он на психическое здоровье, – рассказала она. – Во всяком случае, в 2004 году аттестационную комиссию он прошел и был допущен к работе, что говорит о его адекватности, ведь психически больные в милиции не работают» (Там же).*

С одной стороны, в публикации смысл «психически больной» формально снимается (психически больные исключаются из группы «свои», которая в данном тексте обозначает милиционеров), разделяясь при этом на смыслы «не соответствующий норме» (в отличие от других, среднестатистических, сотрудников провел на работе всего 62 дня из 310) и «больной, нездоровый» (жаловался на боли в спине, руках и шее). С другой стороны, общая негативная оценка персонажа сохраняется.

К слову, принадлежность к группе «они-милиционеры» некоторыми персонажами журналистского дискурса также может оцениваться как признак психического нездоровья личности. К примеру, в материале «Что это с ними?» журнала «Власть» от 16 ноября размещен опрос по поводу выступления Дымовского и ситуации в МВД, и вот как его участники (а это люди, обладающие признанным социальным статусом, но не имеющие отношения к медицине) характеризуют милицию:

*Дмитрий Волков, десятикратный рекордсмен мира по плаванию. «Во-первых, дело в сезонности обострения **шизофрении**, во-вторых, ослаб контроль над СМИ. У нас тоталитарный режим, но степень его открытости почему-то становится больше. Кому-то стало выгодно выпустить пар».*

*Юрий Кобаладзе, управляющий директор X5 Retail Group. «**Идиотов** везде хватает. Но наша милиция стала притчей во языцех. Дошло до того, что они даже заявления по квартирным кражам не принимают — все равно не раскроют. А все лозунги и кампанейщина типа борьбы с «оборотнями в погонах» Грызлова лишь дискредитируют милицию. Кадровыми чистками ситуацию не исправить. Необходимо вложить в милицию большие средства, дать достойное техническое оснащение. Но Дымовский не прав: ему следовало бы уволиться, а потом публично критиковать».*

*Дмитрий Фонарев, президент Национальной ассоциации телохранителей. «Кризис. Раньше проблемы решались деньгами, теперь их не стало. Это породило стресс, вылившийся в агрессию. Надо понимать, что **нормальный человек за эти деньги и при таких условиях в милицию не пойдет!** Они надеются на «дополнительный заработок», это система, и **бороться с ней** должен министр через прямые контакты с сотрудниками» (Власть, 16.11.09).*

Негативные смыслы, приписываемые «они-группе» в целом (*обострение шизофрении, идиоты, нормальные люди в милицию работать не пойдут*), переносятся в данном контексте и на отдельного ее представителя – Алексея Дымовского. «**ШИЗОФРЕНИЯ:** Психическая болезнь, характеризующаяся изменением личности, разнообразными болезненными симптомами, с преимущественно хроническим течением» [СОШ, с. 896]; «**ИДИОТ:** 1. Человек, который страдает врожденным слабоумием. 2. Глупый человек, тупица, дурак (разг. бран.)» [СОШ, с. 236].

Смысл «психически или физически больной» активно поддерживается журналистами и в текстах о пензенских затворниках. Во-первых, в этих публикациях журналисты приписывают Другому характеристику «психически нездоровый», обходясь без отсылок к мнению специалистов:

(1) В глобальном же смысле проблем в России – как грязи. Да, значительно более важных, чем **чудаковатые**, а скорее всего, и вовсе **душевно нездоровые** сектанты. На которых действительно тратят силы, время и большие общественные деньги пензенские власти (Известия, 10.04.08).

(2) Основные закупки сектанты делали на Бековском рынке. Отец Петр ездил туда каждый день на своей разбитой машинке (водительские права ему выдали еще в 90-х годах, когда Кузнецов никаким «отцом» не был и диагноз «шизофрения» ему никто тогда не ставил) (Известия, 01.04.08).

Отметим, что когда журналисты конструировали образ духовного лидера затворников Петра Кузнецова, привлекались и положительные характеристики. Но использовались они только для того, чтобы показать как «свой» может стать «чужим» и опасным:

«Святой» Петр и другие

Раньше село Погановка (так называют местные жители село Никольское) гордилось Петькой Кузнецовым. Рослый чернявый парень сразу после армии поступил в строительный. Перебрался в областной центр. Женился на красавице с квартирой. 18 лет назад родился сын Леша. Хорошая работа. Дом – полная чаша. Мать Петра, Антонина, ходила по селу именинницей. Выбился Петька в люди! – Глянь, Антонина, как тебе повезло! – завидовали соседи. – Петька твой не пьет, не курит, в Бога верит! Семья Кузнецовых всегда отличалась набожностью. Сызмальства и Петр, и его сестренка Люда стояли на коленях всю службу. Мать строго следила за соблюдением постов. Можно сказать, образцовая православная семья.

Теперь в селе Погановка Петьку Кузнецова **проклинаяют**. На единственной улице не протолкнуться от милицейских машин и журналистов. Нет покоя мирным погановцам ни днем, ни ночью. И все потому, что Петр Кузнецов **сколотил** секту и отправил ее в рукотворную пещеру встречать конец света. Затворники пообещали поджечь себя, если их попытаются выкурить оттуда.

...Религиозность Петра несколько лет назад стала приобретать **болезненный** характер. Он все время говорил о приближающемся конце света.

Мог часами разглагольствовать о смысле бытия с прохожими на улице. А однажды притащил в пензенскую квартиру сосновый гроб. И вечером преспокойно устроился в нем почивать (Известия, 26.11.07).

В начале текста журналист создает положительный образ типичного «своего»: рослый парень, им гордились, женился на красавице, выбился в люди, имел хорошую работу и дом – полную чашу. Но как только он перестает быть «своим» (становится лидером секты, уводит своих адептов в затвор, где они угрожают себя сжечь), персонажу приписываются негативные характеристики: его проклинают, его поведение отличается от нормального: сколотил секту, пророчит близкий конец света и притащил в квартиру гроб, в котором спит. То, что «свои» отреагировали проклятиями (так как персонаж лишил их покоя), подчеркивает опасность «Другого».

Подведем итоги. Во-первых, мы видим, что в своей речи журналисты приписывают «Другому» характеристику «психически нездоровый», не опираясь на медицинские заключения, а основываясь только на собственных впечатлениях и выводах. Цитаты с такой характеристикой также публикуются независимо от статуса говорящего – диагнозы ставят работники правоохранительных органов, служители церкви, обычные граждане...

Во-вторых, дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как психически ненормального, встречается в речи различных экспертов, комментарии которых привлекали журналисты при работе над публикациями. В первую очередь в качестве экспертов, как и в публикациях об А. Дымовском, привлекались врачи. В материалах о пензенских затворниках упоминались доктора местной больницы, а также врачи, проживающие не в Пензе, но обладающие достаточным профессиональным авторитетом, чтобы давать оценку поведению «Другого», а также некие анонимные «психиатры»:

(1) Вчера ночью по Никольскому разнеслась леденящая душу новость: две последовательницы учения Петра Кузнецова скончались в подzemелье. Об этом рассказал новый лидер погановцев Виталий Недогон. Местные психиатры тут

же заявили: Недогон – такой же **сумасшедший**, как и его «предшественник» Петр Кузнецов, который находится в коме (Известия, 10.04.08).

(2) По мнению психиатров, у сидельцев от долгого нахождения в замкнутом пространстве могло произойти **реактивное стрессовое расстройство психики**. «Стрессовое расстройство может привести к **неадекватному поведению**, к **самоагрессии**, – заявил «Ъ» руководитель Движения социально-психологической помощи психотерапевт Марк Сандомирский. – Если в группе сидельцев находятся люди, страдающие серьезными **психотическими расстройствами**, то они склонны к **сезонным обострениям**, а также могут **негативно влиять** на состояние психического здоровья находящихся рядом с ними людей» (Коммерсантъ, 25.03.08).

Кроме основных смыслов, свойственных практике «Другой» как психически больной (сумасшедший, неадекватный, обладающий различными расстройствами психики) говорящие приписывают «Другому» еще одну характеристику, подчеркивающую его потенциальную опасность: может негативно влиять на психическое здоровье окружающих.

При этом следует отметить, что врачи в своих комментариях не только дают негативную оценку затворников как группы в целом, но и в некоторых публикациях более дифференцированно характеризуют отдельных ее членов, в том числе дают нейтральные или положительные характеристики:

(1) – К религии вся эта история не имеет никакого отношения, – считает руководитель психологической лаборатории Московского областного центра социальной и судебной психиатрии доктор психологических наук Виктор Викторович Гульдан. – С таким же успехом под землёй можно дожидаться НЛО или коммунизма. Судя по всему, речь идёт об **индуцированном бреде** с разной степенью выраженности. Психически здоровыми в этой пещере могут быть разве что малолетние дети, которых родители туда затащили. Что касается их духовного лидера, то тут вопрос сложнее. **Манипулятивное поведение** такого рода присуще не только людям с психическими отклонениями. То, что он не спустился под землю вслед за своей паствой, говорит о том, что у

него ярче выражен инстинкт самосохранения. Это может быть аргументом в пользу его **психического здоровья** (Литературная газета, №51 (6151), 19.12.07).

(2) – Я представлял пензенских сидельцев» как **группу изгоев общества** во главе с **больным** человеком, – рассказал «Известиям» психотерапевт Андрей Камин. – Но Апарин оказался очень **общительным, открытым** человеком. Больные люди такими не бывают. Он хотел объяснить и поделиться с окружающими своими переживаниями. Он вовсе не был изгоем, просто он решил что-то изменить в своей жизни. И, как я понял, многие из тех, кто оказался в подземелье, были такими же, а Петр Кузнецов их просто «подобрал» (Известия, 04.06.08).

Затворники в целом оцениваются негативно (их состояние описывается как индуцированный бред, а сами они обозначаются как изгои во главе с больным человеком). Однако по отношению к отдельным представителям затворников подбираются другие характеристики. В первом примере лидер «сидельцев» Петр Кузнецов получает характеристику человека, у которого допускается отсутствие отклонений в психическом здоровье, так как он не стал совершать «ненормальный» поступок вместе с остальными участниками группы. (Но тогда Кузнецов – опасный манипулятор.) Во втором примере персонажу Андрею Камину говорящий приписывает положительные характеристики: общительный, открытый человек. «ОБЩИТЕЛЬНЫЙ: Легко вступающий в общение с другими, не замкнутый» [СОШ, с. 441]. «ОТКРЫТЫЙ: 4. Искренний; откровенный, прямой». [СОШ, с. 472].

Дискурсивную практику конструирования образа Пензенских Затворников как психически нездоровых активно используют и представители органов охраны правопорядка, чьи комментарии также широко размещались в СМИ. Рассмотрим наиболее показательный пример:

«До начала 90-х годов в психике Кузнецова пошли процессы, связанные с его зрительными и слуховыми галлюцинациями, – видениями, которые он воспринимал как наставление Господа Бога на совершение определенных поступков. Потом он стал ездить по России, распространять сначала листовки,

потом печатные издания, проповедовать. Все закончилось той ситуацией, которая была на территории области», – заявил «Ъ» заместитель руководителя следственного управления следственного комитета при прокуратуре РФ по Пензенской области Григорий Житинев (Коммерсантъ, 17.05.08).

Семантика сумасшествия передается через лексемы «галлюцинация» и «видение»: «ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ: 1. Обман чувств, ложное восприятие вследствие психического расстройства» [СОШ, с. 125]; «ВИДЕНИЕ: что-н. возникшее в воображении *Больного преследуют видения*». [СОШ, с. 82]. Пример оценки «Другого» в речи священников как экспертов в религиозных вопросах мы нашли в речи митрополита Кирилла (нынешнего патриарха):

Вопрос о новых пензенских «затворниках» и диомидовцах был задан и митрополиту Кириллу в Москве. Он считает, что это явление несопоставимо по масштабу с украинским расколом.

*– «Пещерники» – это люди с **помраченным религиозным сознанием**, такие всегда есть и были еще и в древней Церкви. Надо о них молиться. Надеюсь, пещера их не обвалится, – добавил он (Известия, 30.07.08).*

Говорящий для характеристики «Другого» актуализирует смысл «ненормальный, имеющий отклонения от нормы» – *люди с помраченным религиозным сознанием* («ПОМРАЧИТЬ: Книжн. Омрачить, сделать мутным, неясным» [СОШ, с. 560]).

Подводя итоги, мы можем сказать, что при реализации дискурсивной практики конструирования персонажа как «психически больного» предпринимаются попытки сфокусировать внимание адресата на потенциальной опасности, исходящей от персонажа. По М. Фуко, люди с психическими отклонениями издавна воспринимаются обществом как источник опасности для большинства, для «нормальных»: «...это индивиды потенциально опасные... То есть это **потенциальные** преступники (хотя они могут и не совершать преступлений), что и вменяется им в вину» [Фуко, 2004, с. 62], именно поэтому общество через системы внутреннего регулирования стремится изолировать таких людей: «...власть нормализации...стремится постепенно за счет собственной

силы, за счет производимых ею стыковок медицинского и судебного, модифицировать как судебную власть, так и медицинское знание, и сложиться в качестве инстанции контроля над ненормальными» [Там же].

Таким образом, можно сделать вывод, что в текстах СМИ конструирование образа «Другого» как психически нездорового, ненормального, используется активно. Напомним сделанный ранее вывод о том, что при конструировании Пензенских Затворников как медиаперсонажей журналистские тексты выстраивались таким образом, что появлялся смысл ненормальности веры как таковой и ущербности всех верующих. Факт веры в Бога являлся чуть ли не основным признаком выделения затворников в группу Других в проанализированных нами текстах.

Дискурсивная практика конструирования «Другого» как дурака

Дискурсивная практика конструирования персонажа как психически ненормального, отпадающего от нормы часто реализуется через описание персонажа как дурака. Используется понятие «безумие» не в его медицинском смысле, а в качестве характеристики некоего допустимого, хотя и странного поведения.

В журналистском дискурсе смысл «безумие» (через то же слово «идиот») включается в семантическое поле слова «дурак», которое используется для характеристики персонажа. В русской культурной традиции «дурак», по наблюдению исследователей, в частности Д. С. Лихачева, «это часто человек, делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, освобождающий себя и мир от всех церемониальных форм, показывающий свою наготу и наготу мира, – разоблачитель и разоблачающийся одновременно, нарушитель знаковой системы, человек, ошибочно ею пользующийся» [Лихачев, с. 9-10]. При этом дурака нельзя считать сумасшедшим в полном смысле этого слова. Ю.М. Лотман так разводит эти понятия: «Бинарное противопоставление дурака и сумасшедшего может рассматриваться как обобщение двух: дурак – умный и умный – сумасшедший.

Вместе они образуют одну тернарную структуру: дурак – умный – сумасшедший. Дурак и сумасшедший в таком построении не синонимы, а антонимы, предельные полюса. Дурак лишен гибкой реакции на окружающую его ситуацию. Его поведение полностью предсказуемо. Единственная доступная ему форма активности – это нарушение правильных соотношений между ситуацией и действием. Действия его стереотипны, но он применяет их не к месту. <...> «Дураку» противостоит «умный», его поведение определяется как нормальное. Он думает, что надлежит думать по обычаю, правилам разума или практическому опыту. Третий элемент системы – безумное поведение, поведение сумасшедшего. Оно отличается тем, что носитель его получает дополнительную свободу на нарушение запретов, он может совершать поступки, запрещенные для «нормального» человека. Это придает его действиям непредсказуемость. Последнее качество, разрушительное как постоянно действующая система поведения, неожиданно оказывается весьма эффективным в моменты остроконфликтных ситуаций» [Лотман, 1992, с. 64-65]. Таким образом, поведение дурака не несет потенциальной опасности, однако, с точки зрения «нормального» человека, оно оценивается как странное. Отметим, что в текстах о Пензенских Затворниках эта практика не была нами зафиксирована. Однако в публикациях об А. Дымовском она использовалась. Обратимся к журналистским текстам, в которых встречается слово или смысл «дурак»:

На интернет-форуме «Советской России» читатели размышляют, кто он, этот майор Дымовский? Может быть, просто авантюрист, решивший таким образом прославиться? Или «просто дурак»? (Советская Россия, 12.11.09).

«У людей в погонах есть определенная служебная этика, она должна соблюдаться, – заявил Infox.ru источник в МВД России. – Выступления против начальства – не от большого ума. Я сам, если у меня не складывались отношения с начальством, писал рапорт и уходил на другое место работы» (Медведев назвал 15 причин для увольнения милиционеров [Электронный ресурс] // Infox. Ru. : информац. агентство. 2010. 19 фев. URL:

http://infox.ru/accident/crime/2010/02/19/Myedvyedyev_nazval_1.phtml (дата обращения: 11.03.10)).

Как видим, смысл «дурак» как характеристика А. Дымовского, выстраивается за счет вторичной номинации, с помощью которой автор пытается определить персонажа в первом контексте. Вторичная номинация взята в кавычки, так как является частью цитаты-комментария одного из читателей интернет-версии газеты «Советская Россия». Сам комментарий, к сожалению, в публикации не приводится, так как обозреватель в тексте обобщает различные точки зрения читателей по поводу персонажа.

Второй контекст актуализирует смысл «дурак» с помощью эвфемизма «не от большого ума» – характеристика, приписываемая дураку в русской речевой традиции. Причем этот признак «отсутствие большого ума», по мнению говорящего, как раз и проявляется в действиях, дураку присущих: общий контекст указывает на то, что персонаж якобы не отдает себе полного отчета в своих поступках: нарушает профессиональную этику, когда выступает против начальства, или отказывается увольняться, если отношения с начальством не складываются. Эта характеристика переносится и на А. Дымовского, так как именно его действия анализируются говорящим.

Практики конструирования «Другого» как персонажа, имеющего в поведении различные отклонения от нормы

Смысл «ненормальность» персонажа может актуализироваться в журналистском тексте не только через отсылки к психическим отклонениям или странностям. Акцентирование внимания на нарушении гендерной стереотипной роли, к примеру, также может служить для негативной характеристики персонажа, для подчеркивания его «ненормальности». Представления о гендере и гендерных ролях, как и многое в современной культуре, уходят корнями в мифологию. Специалист по религии и мифологии М. Элиаде подчеркивает, что подражание мифу способно придать значимость человеческой жизни и что главная функция мифа – предоставить модели для подражания [Элиаде, с. 8, 14].

В мифологии, в частности, за мужчиной закрепляется роль защитника, героя и воина, а за женщиной – роль матери, хранительницы домашнего очага. И если вдруг мужчина или женщина явно отступают от гендерных ролей, их поведение характеризуется в лучшем случае как нетипичное, в худшем – как ненормальное. Такой пример мы можем найти в публикации «Милиционеры освоили видеообращения: коллеги Дымовского записали ролик с осуждением майора» от 10 ноября 2009, опубликованной в газете «Мой район». Одна из коллег майора дает следующую характеристику его действиям:

...В сети появился ролик, в котором к зрителям обращается Кулакова Татьяна Борисовна, начальник отдела делопроизводства и режима ОВД центрального и южного районов Новороссийска. Она от лица сотрудников милиции осуждает поступок майора Дымовского, который сделал видео-обращение к премьер-министру РФ Владимиру Путину и коллегам.

«Вроде и майор, вроде и мужик, но поступил совершенно не по-мужски», – заявляет женщина. «Последнее выступление Дымовского настолько ложит пятно на всю милицию Новороссийска!», – добавляет Кулакова, милиционер с 21-летней выслугой (Мой район, 10.11.09).

В заявлении Кулаковой Дымовский характеризуется как не соответствующий нормам поведения «настоящего мужчины», в том числе потому, что запятнал честь милиции Новороссийска.

Ирина Сандомирская отмечает, что в советском, российском обыденном сознании прочно закреплен идеал мужественности защитника: «...защитник...благороден и рыцарственен, спасает женщин, стариков и детей, охраняет мирный сон...граждан, защищает счастливое детство» [Сандомирская, с. 109]. Маскулинная составляющая в традиции этой мифологии отражается в реплике Татьяны Кулаковой. Однако подчеркивается, что А. Дымовский при кажущейся принадлежности к кругу «настоящих мужчин», не может в него входить, так как совершает поступки, не свойственные для «нормальных» мужиков. В реплике Кулаковой акцентируется внутренняя чуждость Дымовского,

его несоответствие норме и опасность для круга «своих», если его примеру решат последовать.

В публикациях, посвященных Пензенским Затворникам, мы зафиксировали смыслы, связанные с отклонениями от нормы, заданной общественными отношениями или традициями в конкретный период. К таким отклонениям можно отнести, например, социальную неустроенность:

Среди сидельцев тоже нет счастливых, неущербных людей. Есть бабка, которую выгнали из дома. Брошенные мамы с детьми. Якобы была онкобольная. Да и просто юродивые. Мало кому нужные и интересные люди. В какой-то момент этих бедолаг собрали, приласкали словом и позвали – да хоть бы в нору (Известия, 10.04.08).

В этом контексте «Другим» приписываются характеристики социальной неполноценности. Они – бедолаги, которые ущербны, несчастливы, их семьи неполные, они юродивые («ЮРОДИВЫЙ: 1. Чудаковатый, помешанный; ненормальный (разг.) 2. Безумец, обладающий даром прорицания» [СОШ, с. 915]). В последнем случае подключается и дискурсивная практика конструирования персонажа как психически нездорового.

Также в качестве негативных характеристик могут привлекаться смыслы, подчеркивающие интеллектуальную неразвитость персонажа или его «неверные» идеологические установки:

*После истории с «пензенскими затворниками», которые более полугода провели под землей в ожидании конца света, Кемеровская и Новокузнецкая епархия РПЦ создала центр по борьбе с сектантством, сообщил РИА Новости в понедельник представитель пресс-службы епархии Евгений Кобяков. «Центр создан по целому ряду причин, в первую очередь, из-за существующей в современном обществе проблемы **деградации личности** от действия тоталитарных сект. В том числе сыграла свою роль история с «пензенскими затворниками», показавшая, что порой религиозные убеждения у людей граничат с **непросвещенностью, косностью и ересью**», – сказал Евгений Кобяков (В Кузбассе появился центр по борьбе с сектантством [Электронный*

ресурс] // РИА Новости. : информац. агентство. 2008. 19 мая. URL: <http://ria.ru/society/20080519/107722728.html> (дата обращения: 11.03.10)).

Негативно окрашенные характеристики *деградация личности* («ДЕГРАДАЦИЯ: постепенно ухудшаясь, прийти к вырождению» [СОШ, с. 156]), *непросвещенность и косность* («НЕПРОСВЕЩЕННОСТЬ: отсутствие знаний, некультурность» [СОШ, с. 401]); «КОСНЫЙ: Тяготеющий к привычному, невосприимчивый к новому, консервативный» [СОШ, с. 299]) создают образ персонажа как интеллектуально неразвитого, недалекого, который, однако, может сыграть негативную роль, «заразив» еретическими идеями «своих». Слово *ересь* подчеркивает «неверные» идеологические установки персонажа («ЕРЕСЬ: 1. В христианстве: вероучение, отклонившееся от господствующих религиозных догматов» [СОШ, с. 187] и получает в религиозном контексте негативно-оценочную окраску.

Также в публикациях о Пензенских Затворниках нами найдена актуализация смысла отклонения от нормы в виде склонности к паразитизму («ПАРАЗИТИЗМ: 2. Жизнь на средства, получаемые от чужого труда, тунеядство» [СОШ, с. 492]):

*Это (люди в пещере, отказавшиеся из нее выходить, – прим. О. А.) еще больше пугает местную администрацию, так как пещеру заливают водой, рушится ее свод. А затворники и вышедшие на свет женщины **используют ситуацию на полную катушку**. Вчера в село путь держала корова, которую **затребовали** погановцы. А из молельного дома вдогонку **понеслась следующая просьба: доставить** дрова. Но этих нервов и бессонных ночей у чиновников могло бы и не быть. Ведь Пензу предупреждали...*

*Вчера они **передали миру просьбу: доставить** им картошки (корреспонденты «Известий» подсчитали: каждый день в доме исчезает по ведру), молока и растительного масла. Инвентаризация, проведенная в доме, показала: опасения насчет моченых яблок напрасны – все 250 кг сохранились. Напомним, вчера Петр проносился по деревне с криком, что яблоки померзли (Известия, 01.04.08).*

Несмотря на номинацию «погановцы», затворники исключаются из круга «своих» (жителей села Погановка, которых логично именовать «погановцами»). Персонаж, создавший для «своих» проблемную ситуацию, отличается неадекватным поведением: носится по деревне с криком, беспокоясь, не испорчены ли моченые яблоки, то есть занимается неважным, несущественным, с точки зрения говорящего, делом, в то время как части его паствы угрожает смертельная опасность – пещера вот-вот обрушится. При этом затворники, вышедшие из пещеры, не имея ни средств к существованию, ни денег, ждут, что продукты и дрова им дадут просто так, то есть пытаются жить за счет чужого труда. Категоричность их просьбы передается семантически через глагол «затребовали» и грамматически через инфинитив «доставить», который имеет значение побуждения. Итак, создается образ иждивенцев, использующих свое положение для получения незаслуженных материальных благ.

Подведем итоги. Проанализированный нами материал показывает, что при конструировании А. Дымовского и Пензенских Затворников как медиаперсонажей активно привлекались дискурсивные практики конструирования «Другого» как отрицательного персонажа. К числу этих практик мы отнесли, во-первых, дискурсивные практики, конструирующие внешнего и внутреннего врага. Данные практики актуализируются через:

А) констатацию связи персонажа с анонимной враждебно настроенной силой, находящейся за пределами страны, но руководящей действиями персонажа;

Б) лексические средства со смыслами враждебности, опасности (прямые номинации «враг» и слова семантической группы «война»);

В) привлечение дискурсивных практик, конструирующих «Другого» как преступника, провокатора или предателя.

Во-вторых, к дискурсивным практикам конструирования «Другого» как отрицательного персонажа мы отнесли дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как нарушающего норму. Среди них мы выделили:

А) конструирование «Другого» как психически больного (сумасшедшего);

Б) конструирование «Другого» как дурака;

В) конструирование «Другого» как персонажа, который имеет в поведении иные отклонения от общепринятой нормы.

Также мы установили, что в тексте перечисленные дискурсивные практики могут использоваться по отдельности или в совокупности. Сплетаясь, эти дискурсивные практики усиливают негативные смыслы друг друга, помогая создавать отрицательный образ персонажа. Кроме того, накапливаясь, они способствует закреплению негативных характеристик «Другого».

В результате для создания негативного образа А. Дымовского ведущей оказалась дискурсивная практика «преступник», усиливающая дискурсивную практику «внутренний враг» (хотя дискурсивная практика «психически больной» тоже активно привлекалась). Для создания негативного образа Пензенских Затворников ведущей оказалась дискурсивная практика «психически больной».

Глава 4. Практики конструирования «Другого» как положительного персонажа

Несмотря на преобладание в СМИ негативных характеристик «Других», в ряде медиатекстов присутствуют и Другие, охарактеризованные положительно. В этой главе мы рассмотрим использование в журналистских текстах дискурсивных практик, конструирующих «Другого» как положительного персонажа – помощника или героя. Для этого нам пришлось обратиться к дополнительному эмпирическому материалу.

4.1. Дискурсивная практика, конструирующая персонажа как помощника

Данная практика не содержит семантики потенциальной опасности, какая традиционно исходит от врага. Даже если «Другой» предстает территориально (реже этнически) чужим, но в тексте выполняет сюжетную функцию помощника, он не угрожает стабильности и безопасности «своих» («наших»), а, напротив, способствует их развитию и процветанию. «Другой»-помощник чаще изображается как непосредственный партнер – с ним можно взаимодействовать, вступать в отношения и извлекать из них пользу. При этом персонаж-помощник не обязательно будет обладать положительными характеристиками, необходимыми, например, для конструирования образа героя. Персонаж-помощник может не быть активным деятелем (как герой или лже-герой), часто он играет вспомогательную роль, в том числе в борьбе за победу над персонажем-врагом.

В предыдущей главе мы рассмотрели конструирование «Другого» как внутреннего врага или персонажа, связанного с внешним врагом. Помощник тоже

может быть «внешним» (если помощь оказывается извне) и «внутренним» (если помощь оказывается Другим, включенным в группу «своих»). Однако дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как «внешнего» помощника, в текстах об А. Дымовском и Пензенских Затворниках нам ни разу не встретилась. Структура ситуаций, в которых участвовали персонажи, не предполагала такой роли. В связи с этим мы решили показать механизм конструирования «Другого» как внешнего помощника на примере других персонажей.

Дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как «внешнего» помощника

В качестве внешнего «Другого» нами рассматривались персонажи, которые не могут быть отнесены к группе «своих», прежде всего, по территориальному признаку, т.е. это персонажи-иностранцы, не граждане Российской Федерации. Публикации, где нами зафиксирована дискурсивная практика конструирования внешнего «Другого» как персонажа-помощника, оказались посвящены самым разным темам: политика (в том числе в военной сфере), экономика, культура, образование, спорт, туризм, религия.

Согласно нашей методике анализа дискурсивных практик мы рассмотрели практики выбора первичной и вторичных номинаций персонажей. Первичные номинации представлены чаще всего именами собственными. В публикациях может быть назван конкретный человек: *«Шварценеггер поможет России развивать высокие технологии»* (Аргументы и факты, 09.08.10). Также первичная номинация может быть присвоена коллективному персонажу как политическому субъекту через метонимический перенос: *«Сирия поможет России ответить на планы США по ПРО»* (Аргументы и факты, 20.08.08); *«Франция, Италия, Турция, Казахстан прислали самолеты и вертолеты, Эстония, Литва – средства пожаротушения. Свою помощь предложили также Швейцария, Южная Корея, Финляндия, Македония, Латвия, Молдавия, Испания, Греция, Куба и другие страны»* (Аргументы и факты-Пермь, 18.08.13).

Вторичные номинации представлены рядом нарицательных существительных или словосочетаний. Приведем наиболее частотные:

А) Партнер (1. Участник какой-н. совместной деятельности (государства – участники какого-н. союза, блока, соглашения) [СОШ, с. 494]. Данная номинация, как правило, сопровождается определением, указывающим на страну, которой принадлежит персонаж: *«Значительную их часть предполагается привлечь от китайских партнеров вместе с передовыми технологиями и оборудованием, отработанными на серийных проектах в Китае и других странах»* (Вести, ТК «Россия-24», 22.02.15). В публикациях номинация «партнер» может сопровождаться нейтральными или оценочно окрашенными определениями-конкретизаторами роли помощника: стратегический, давний, надежный, главный, важный и др.: *«Франция – стратегический партнер России в проекте “Суперджет-100”»* (Франция – стратегический партнер России в проекте «Суперджет-100» [Электронный ресурс] // ТАСС. : информац. агентство. 2012. 14 авг. URL: <http://interfax.ru/society/news.asp?id=109154> (дата обращения: 01.12.12)); *«Франция – давний и надежный партнер нашей страны»* (Там же), *«Франция остается главным европейским партнером России в области разработки вооружений»* (Российская газета, №4301, 22.02.07); *«Он был одним из самых влиятельных лидеров в Африке и важным партнером России в регионе»* (Аргументы и факты, №27, 06.07.11).

Б) Союзник «1. Тот, кто находится в союзе, в тесном единении с кем-н. 2. Государство, заключившее военный союз с кем.-н.» [СОШ, с. 753]. В текстах масс-медиа реализуются оба значения слова: *«Ситуация изменится тогда, когда Россия, воспользовавшись помощью своего союзника (Китая – прим. О. А.), достигнет высокого уровня промышленной базы»* (Шойгу: укрепление связей между ВС РФ и КНР служит делу обеспечения мира и стабильности [Электронный ресурс] // ТАСС. : информац. агентство. 2015. 30 июня. URL: <http://tass.ru/politika/2081639> (дата обращения: 01.07.15)). Данная номинация также может сопровождаться определением «важный»: *«Важным союзником Русской православной церкви в сохранении традиционных христианских*

ценностей в современном мире являются Церкви нехалкидонской традиции» (Российская газета, 08.09.09).

В) Волонтер (Тот, кто добровольно взял на себя какую-н. работу [СОШ, с. 169]). Данная номинация встретила нам в публикациях, посвященных ликвидации стихийных бедствий, восстановлению православных храмов и помощи детям (сиротам или инвалидам): *«Немецкие волонтеры, чтобы помочь больным детям, решили кардинально изменить свою жизнь»* (Новости, ТК «1 Канал», 24.04.12). Отметим, что для характеристики действий персонажа в этой же новости привлекается положительно окрашенная лексика: *«В больницах, коррекционных школах и детских садах, где работают молодые немцы, волонтеров оценили: делают все **ответственно и добросовестно**»*.

Г) Коллега (Товарищ по учению или работе (о работниках умственного труда, о квалифицированных специалистах) [СОШ, с. 283]). Номинация может быть представлена в соответствии с прямым лексическим значением слова: *«Они были точно перечислены моим **коллегой** – Николя Саркози, – отметил Д. Медведев»* (Новости, ТК «1 Канал», 19.06.10). Кроме того, данная номинация может употребляться для обозначения любого политического партнера: *«Д. Медведев: Сейчас практически любые мои переговоры с европейскими и американскими коллегами так или иначе выходят на Иран»* (Там же).

Обратим внимание на то, что в текстах, где нами были выделены номинации «партнер» и «коллега», в качестве знака деловых или межличностных отношений фиксировались смыслы «друг» и «товарищ», указывающие на близость «Другого» к «своим», на его значимость для «своих» (ДРУГ – человек, который связан с кем-н. дружбой [СОШ, с. 180]; ТОВАРИЩ – человек, близкий кому-н. по взглядам, деятельности, по условиям жизни, а также человек, дружески расположенный к кому-н. [СОШ, с. 800]): *«Д. Медведев: Президент Саркози сказал о том, какими являются отношения между Россией и Францией, сказал емко и абсолютно откровенно, так, как обычно это делает мой **друг** – Президент Саркози. У нас действительно стратегические отношения, у нас партнерские, **товарищеские** отношения»* (Там же).

Д) Член команды (КОМАНДА – 7. Группа связанных чем-н. людей, чье-н. окружение (разг.) [СОШ, с. 286]: *«Калифорния должна использовать ее интеллектуальный потенциал для того, чтобы формировать деловое партнерство с высокотехнологичными отраслями российской промышленности. Медведев поддержал идею создания российско-американской **команды** по обмену опытом в сфере высокотехнологичного бизнеса»* (Аргументы и факты, 09.08.10).

Что касается сюжетных ролей «Другого» – внешнего помощника, то в СМИ часто встречаются следующие смыслы:

А) Содействие в экономическом и технологическом развитии: *«Понятие “партнерство для модернизации” – это не пустая фраза, так как Германия обладает как раз теми средствами, в которых так **срочно нуждается** Россия: **современная индустриальная продукция и услуги, эффективные технологии, а также инновационные разработки**, непрерывно осуществляемые десятилетиями»* (Российская газета, №753, 08.06.10);

Б) Защита внешнеполитических интересов России, сотрудничество в борьбе с противниками: *«Наша позиция заключается в том, что мы готовы сотрудничать с Россией во всем, что может укрепить ее **безопасность**. Я думаю, что действительно Россия должна подумать, какие ответные действия она будет предпринимать, когда окажется зажатой в кольцо», – заявил Асад»* (Аргументы и факты, 20.08.08); *«Я полностью согласен с тем, что между нашими странами установились стратегические партнерские отношения и мы должны их всячески закреплять. А как страны, которые сосуществуют на европейском континенте, перед нами еще стоит вопрос **обеспечения европейской безопасности**. Вы знаете, что Россия выступила с соответствующей инициативой, мы обсуждали этот вопрос и договорились о том, что обсуждение темы европейской безопасности будет продолжено нами в различных форматах»* (Новости, ТК «1 Канал», 19.06.10);

В) Гуманитарная помощь: *«Первые волонтеры – четверо ребят и девушка из Нидерландов и Германии приехали тем же летом 2007 года. Результат их труда – вырытый котлован и заложенный фундамент. <...> Нынешним летом*

приехала вторая группа волонтеров, а тут уже здание высотой более двух метров стоит, и подвал оштукатурен. Теперь волонтеры – на этот раз четверо девушек и один парень – заняты выводением арок» (Российская газета – неделя, №4774, 16.10.08).

Итак, дискурсивные практики, конструирующие внешнего «Другого» как помощника в текстах масс-медиа, не содержат в себе семантики потенциальной опасности, какая традиционно исходит от внешнего «Другого»-врага. Несмотря на то, что «Другой» предстает территориально чужим, он как помощник не угрожает стабильности и безопасности «своих» («наших»), а, напротив, способствует их развитию и процветанию. В отличие от врага, контакты и диалог с которым исключаются, внешний «Другой»-помощник изображается как непосредственный партнер (коллега, союзник, волонтер, член команды). В текстах масс-медиа дискурсивная практика, конструирующая персонажа как внешнего помощника, привлекает смыслы, создающие положительный образ: это важный, дружественно настроенный персонаж, чья помощь необходима для решения внешних и внутренних государственных проблем России. Помощь может оказываться как отдельным гражданам, так и государству в целом. Смыслы эти фиксируются как в речи персонажей публикаций, так и в речи журналистов.

По нашим наблюдениям, эта роль «Другого» в СМИ подробно не прорабатывается, дискурсивная практика конструирования внешнего «Другого» как помощника типична для информационных сообщений на разные темы в международном контексте, изображение «Другого» стереотипно положительно – в рамках дипломатической вежливости и дежурной толерантности.

Бог как внешний помощник в текстах СМИ. Выше мы сказали, что в качестве внешнего «Другого» нами рассматривались персонажи, которые не могут быть отнесены в группу «своих» прежде всего по территориальному признаку, т.е. это персонажи-иностранцы, не граждане Российской Федерации. Однако в текстах православных СМИ, а также в текстах на религиозную тему, опубликованных в светских российских СМИ, нам встретился «Другой» как помощник совершенно особого свойства. Этот персонаж – бог. Сразу оговоримся,

что мы не анализировали церковно-религиозные тексты, написанные в жанрах проповеди, послания к пастве, молитвы [См. Истомина], не рассматривали мы и переводы Библии, Корана, Торы и т.д. Мы отбирали публикации, написанные в жанрах газетно-публицистического стиля, а именно: заметки, интервью, статьи, репортажи, очерки, рецензии. Тексты отбирались методом случайной выборки.

Так как Российская Федерация является многонациональным и поликонфессиональным государством, на территории которого все нации и религиозные конфессии законодательно обладают равными правами, в журналистском дискурсе фиксируются как дискурсы всех мировых религий, так и дискурсы других религиозных объединений, например языческих. Мы решили ограничиться рассмотрением наиболее показательных текстов: так как большая часть обнаруженных нами публикаций была посвящена богу христианскому (94% отобранных текстов), в качестве предмета исследования мы решили выбрать его. Таким образом, мы исключили тексты, персонажами которых были языческие боги (1% отобранных текстов), Аллах (4% отобранных текстов), Будда (1% отобранных текстов). Кроме того, мы не учитывали тексты, в которых использовались фразеологические обороты типа «(не)дай Бог», «спаси Бог (Господи)», «упаси Бог», «Бог не выдаст», «слава Богу», «Бог убережет» и т.п. [СОШ, с. 52-53], т.к. в данных случаях бог не является персонажем текста. По той же причине мы не учитывали контексты, в которых присутствовали трансформированные фразеологизмы типа: *«Они сумели преодолеть трудности и объединиться, чтобы жизнь их детей стала намного интересней и разнообразней. И пусть **Бог и люди придут им на помощь**»* (Светловские вести, 23.04.14).

Для начала попытаемся дать определение персонажу. Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «**Бог** – 1. в религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ. 2. (Б прописное). В христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой» [СОШ, с. 52]. По Словарю православной церковной культуры Г. Н. Складневской: «Бог – Только

ед. Предвечный бессмертный Дух, Всевышний Творец, обладающий могуществом, абсолютным совершенством и абсолютным знанием, сотворивший мир и управляющий им и являющий людям любовь, милосердие и всепрощение; в христианстве Бог троичен: Бог-Отец (Саваоф), Бог-Сын (Иисус Христос) и Бог-Святой Дух» [Скляревская, с. 37]. Мы будем придерживаться определения Г. Н. Скляревской, и в качестве первичной номинации персонажа примем существительное «бог». Отметим при этом, что в рамках монотеистических религий принято писать это существительное как имя собственное – с заглавной буквы: «В научных и иных публикациях, во всех странах мира, принято, если речь идет о Боге единобожия, монотеизма – всегда писать слово Бог – с большой буквы, в отличие от слова бог политеизма, многобожия. Но в Советском союзе, даже при переиздании классиков русской литературы (писавших, конечно, слово Бог всегда с большой буквы, когда речь шла о Боге единобожия), всюду вытраливалась заглавная буква великого этого слова. Откройте любое, советского издания, классическое произведение русской литературы – Державина, Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Лескова – <...> всюду вы увидите, что инквизиторская рука прошла по страницам русской литературы и всюду вытравила большую букву в слове Бог» [Цит по. Скляревская, с. 37-38]. В связи с этим мы учитывали все случаи написания слова «бог» и с заглавной, и со строчной букв, если речь шла о христианском боге.

Скажем несколько слов о том, почему мы включаем данного персонажа в круг «своих». Несмотря на то, что бог существо мистическое [См. Михайлова], он близок человеку, т.к. одна из его ипостасей воплощается в человеческом теле. Г. Н. Скляревская в «Словаре православной культуры» пишет: «Бога никто никогда не видел, но Его полностью являет человек Христос. В нем Бог становится видимым. Но это означает, что Он становится и описуемым. Образ Человека Иисуса есть образ Бога, потому что Христос Богочеловек» [Скляревская, с. 38]. Схожее определение мы находим в «Мифологическом словаре» под редакцией Е. М. Мелетинского: «...в христианских теологических представлениях бог, сущность которого едина, но бытие которого есть личностное отношение трех

ипостасей: Отца – безначального Первоначала, Сына – Логоса, то есть абсолютного Смысла (воплотившегося в Иисусе Христе) и духа святого – «животворящего начала» <...> ипостаси или лица христианской троицы – не взаимозаменяемые двойники или маски единой безличной стихии, их единство не есть ни рядоположность, ни слитность, неразличенность личностей... напротив, они пронцаемы друг для друга лишь благодаря полному личному самостоянию и обладают самостоянием только благодаря полной взаимной прозрачности, ибо эта пронцаемость есть чисто личное отношение любви. <...> все три лица «равночестны». Все они участвуют в сотворении и бытии космоса по следующей формуле: все от Отца (ибо наделено от него бытием), через Сына (ибо устроено через его оформляющую энергию смысла) и в Духе (ибо получает от него жизненную целостность). ... теология настаивала, на том, что бог изобразим только в лице Иисуса Христа, ибо лишь в этом лице сделал себя зримым и явленным; все прочее – предосудительные фантазии» [Мифологический словарь... с. 550].

Представления о божестве как о Троице мы зафиксировали и в журналистских текстах. Например, известный актер и музыкант Петр Мамонов в своем интервью дает такой ответ:

– ***Мы обращаемся во всех молитвах к Богу на «ты», правильно ли это?***

– *Да, это правильно, потому что мы знаем, что Бог един по существу, но троичен в лицах. И если бы мы говорили «вы» Богу, то получалось бы многобожие: мы бы исповедовали таким образом, что богов много – а мы исповедуем, что Бог один. И об этом мы говорим в молитвах и обращаемся к Богу на «ты», исповедуя единобожие, единство Божие* (Православная газета, №4 (565), 22.01.10).

В заметке об очередной акции организации «Femen», активистки которой спилили в 2012 году Поклонный крест в Киеве, мы видим такой комментарий одного из церковнослужителей: *«Мы реагировали и будем реагировать (на акцию – прим. О. А.) так, как реагировал Господь на действия распинавших Его на кресте людей. Он обращался к Богу в молитве со словами: Отче! Прости им, ибо*

не знают, что делают» (Православные вести, 17.01.11). Здесь мы видим отсылку к ситуации обращения Бога-сына к Богу-отцу.

Таким образом, принимая, что человеческая ипостась – одна из трех ипостасей бога, мы будем считать имя собственное «Иисус Христос» вторичной номинацией бога как персонажа в публикациях СМИ. В свою очередь имя «Иисус Христос» имеет свои вторичные номинации: Сын, Богомладенец, Спаситель (Спас), Учитель (Рабби / Равви), Воскресший, Искупитель грехов. Например:

*«19 января Святое Богоявление. Крещение Господа Бога и **Спаса** нашего Иисуса Христа» <...>*

*В нашей жизни может произойти встреча с **Воскресшим**, мы можем не просто верить, что Он с нами, но почувствовать это, можем поставить свой опыт, ведь сам Христос обещал: “Я с вами во все дни до скончания века” (Там же).*

*В пьесе Вифлеемская звезда говорит маленькому ослику, чтобы он пришел на помощь Богу, и ослик удивляется: как я, простой осел, могу прийти и помочь Самому Создателю мира? Но в сказке именно он спасает **Богомладенца** Иисуса и отвозит в безопасное место, чем и служит Господу (БлаговестЪ, 25.05.10).*

*Нападение на поклонный крест в нашем храме произошло в Крестопоклонную неделю, когда все православные прославляют **Искупителя грехов** всего мира Христа **Спасителя** (Православные вести, 12.07.10).*

Безусловно, большая часть выделенных нами вторичных номинаций для Иисуса Христа в журналистский дискурс пришли из дискурса религиозного: «Иисус Христос – в христианской религиозно-мифологической системе богочеловек, вмещающий в единстве своей личности всю полноту божественной природы – как бог-сын (второе лицо троицы), «не имеющий начала дней», и всю конкретность конечной человеческой природы – как иудей, выступивший с проповедью в Галилее (Северная Палестина) и распятый около 30 н.э. на кресте. <...> Эпитетом И.Х. ... стало слово «Спаситель» (старослав. «Спас», часто прилагавшееся к языческим богам..., а также к обожествлённым царям). Оно воспринималось как перевод по смыслу имени «Иисус», его эквивалент. <...>

Близкий по значению эпитет И.Х. – «Искупитель» – перевод евр. go`el («кровный родич», «заступник», «выкупающий из плена»), употребленного уже в Ветхом завете в применении к Яхве. Эти эпитеты – отражение догматического положения о том, что И.Х., добровольно приняв страдания и смерть, как бы выкупил собою людей из плена и рабства у сил зла, которым они предали себя актом «грехопадения» Адама и Евы» [Мифологический словарь... с. 234].

Отметим, что номинация Господь в некоторых контекстах может относиться и к богу (в целом), и к Иисусу Христу (как одной из ипостасей бога). К примеру, в интервью с художником Александром Тихомировым вторичная номинация Господь относится к богу: *«Да, случались времена, особенно в перестроечные годы, когда денег не было вообще и выживали исключительно на энтузиазме. Это притом, что у меня подрастали две дочки и нужно было делать всё для того, чтобы они не чувствовали себя ущемлёнными в чём-то. И тогда мне пришёл на помощь **Господь Бог**»* (Пишу, словно молитву читаю. [Электронный ресурс] // Православие и мир. : ежедневное интернет-издание. 2009. 03 дек. URL: <http://www.pravmir.ru/%E2%80%A6E8E3A09-4A80-4BEB-88C6-419F8B7F1498> (дата обращения: 11.09.14)).

А в очерке, посвященном жизни русского подвижника и мецената Николая Николаевича Рыбальченко, та же номинация относится к Иисусу Христу: *«Милосердный Господь как бы говорит человеку: «ты только доверься мне, а Я уже Сам поработаю за тебя и приведу тебя на небо к Престолу Своему». А главное для духовной работы не только не требуется помощи со стороны людей, а, наоборот, нужно бегать от людей, перестать видеть и слышать их. Тогда наступает тишина, тогда наступает общение души с **Начальником Тишины, Господом Иисусом Христом** и открывается Его воля для каждого часа, каждого мгновения нашей жизни, и тогда нужно только следовать указаниям этой Всесвятейшей Воли»* (БлаговестЪ, 30.09.11).

В последнем примере мы можем видеть довольно редкую, не указанную нами выше, вторичную номинацию для Иисуса Христа (она нам встретилась в публикациях только один раз) – Начальник Тишины. Так как в тексте приводятся

фрагменты бесед с Н. Н. Рыбальченко, состоявшихся в начале XX века, мы обратились к дореволюционным словарям. Словарь В.И. Даля дает такое определение: «Начальникъ м. -ница ж. начальствующій; главный, старшій, большій надъ кѣмъ или чѣмъ; кому приказана власть, надзоръ, отвѣтъ; управитель, распорядитель, старшій; начальство или началіе, начало в одном лицѣ» [Даль, т. 2, с. 495]. Если опираться на контекст, то нам подходит последнее значение: «начальство или началіе, начало в одном лицѣ», т.е. «Начальник Тишины» – тот, кто творит Тишину и является ею. «Тишь или тишина, когда все тихо: молчанье, безгласность, нѣмота; отсутствие крика, шума, стука ; || миръ, покой, согласіе и ладъ; отсутствие тревоги, либо ссоры, свары, сполуху. *Тишь да крышь да Божья благодать*» [Там же, с. 407]. Соответственно, бог – это приносящий мир, покой, согласие и являющийся ими. Согласно Библейской энциклопедии Брокгауза «Истинный П[окой] означает общение с Богом и предполагает соблюдение Его установлений. П., установившийся по сотворении мира, был разрушен грехопадением человека. С тех пор в мире царствует беспокойство (Еккл. 2:23), проявляющееся в разнообразных формах» [Библейская энциклопедия Брокгауза].

Кроме того, по отношению к богу в качестве вторичных номинаций выступают личные и иные местоимения. Как правило, если местоимения указывают на бога, они пишутся с заглавной буквы: *Находясь у постели этой больной девочки, я почувствовала, что чтобы я ни делала в плане лекарств, технологий, методов и моих медицинских знаний, будет эта девочка жить или не будет, зависит от того, какова воля **Того, Кто** даёт жизнь. Роль врачей в том, чтобы служить жизни, данной **Другим*** (Тайна жизни и смерти, или почему жизнь бывает такой короткой? [Электронный ресурс] // Православие и мир. : ежедневное интернет-издание. 2014. 16 фев. URL: <http://www.pravmir.ru/taina-zhizni-i-smerti/> (дата обращения: 11.09.14)).

Завершая разговор о вторичных номинациях, отметим, что номинации Творец и Создатель (Создатель мира) являются вторичными только для

персонажа «бог» в целом (как понятия о всех трех ипостасях бога). Например: *«Вот почему и во внешних проявлениях хочется неизменно опираться не на людскую поддержку и силу, а на тайный покров Вездесущего Бога. Творец изливает на каждого человека только любовь»* (Церковный весник, № 2 февраль – март 2013).

Теперь рассмотрим характеристики, которые приписываются данному персонажу в публикациях средств массовой информации. Сразу отметим, что мы не встретили в текстах СМИ ни одной негативной характеристики, приписываемой богу.

Первыми мы бы хотели выделить характеристики, совпадающие с теми, которые даны в словарном значении слова «бог» в словаре Складневской: *«Всевышний Творец, обладающий могуществом, абсолютным совершенством и абсолютным знанием, сотворивший мир и управляющий им и являющий людям любовь, милосердие и всепрощение».*

Итак, бог предстает как невидимое существо, **сила и возможности которого безграничны**. Силу эту бог использует, чтобы помочь человеку победить зло или наставить человека на путь истинный. Т.е. главная функция бога, судя по публикациям, помощь человеку, его спасение:

*«Много путей ведет к приобретению сознательной веры, но живая вера появляется с того момента, когда человек сознает себя в опасности и, при том, такой опасности, от которой **спасти его никто, кроме Бога, не может**»* (БлаговестЪ, 30.09.11).

Подчеркнем, что в публикациях нередко отмечается, что к вере в бога человек приходит в каких-то крайних случаях, когда помощи ждать неоткуда. И эти «крайние случаи» касаются как духовной, так и материальной стороны жизни. Например, в заметке о восстановлении церкви Михаила Архангела в селе Плоская Кузьминка читаем: *«Сегодня мало тех, кто впитал веру с молоком матери. Многие поздно пришли к Богу и обрели Его, порой **на краю гибели** испытав уже измученной душой весь ужас жизни без Бога, когда человеку не от кого получить помощь»* (Липецкие известия, 30.05.11).

Ту же характеристику мы видим в информационном отчете о совершении Патриархом Русской Православной церкви Кириллом Божественной литургии в храме святителя Мартина Исповедника: *«Предстоятель Русской Церкви напомнил собравшимся слова апостола Павла о том, что слово крестное для погибающих юродство есть, а для спасаемых – сила Божия. “Действительно, для одних крест есть соблазн, для других – безумие, но только для нас, спасаемых, – явление силы Божией”, – отметил Патриарх. “Что такое безумие или по-славянски юродство? Это лишение разума. Это отсутствие всякой силы. Почему же Бог избирает слабость, отсутствие всякой человеческой силы, чтобы спасти людей? Для того чтобы всем стало ясно, что спасение проистекает не от силы разума, потому что человек греховен. Спасение совершается силой Божией... Бог приносит спасение через человеческую немощь, явленную на Кресте, и никто не может похвалиться, что оно пришло в мир нашими усилиями, нашим разумом, нашей человеческой властью”, – сказал Первосвяtitель»* (Патриарх Кирилл: «Бог отрицает всякую человеческую силу в деле спасения» [Электронный ресурс] // Православное информационное агентство. : информац. агентство. 2011. 28 сент. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=50593> (дата обращения: 11.09.14)).

Отметим, что в последнем примере проявляется интересное сочетание дискурсивной практики конструирования бога как помощника с практикой конструирования неверующих персонажей как «больных, сумасшедших». Более подробно мы поговорим о взаимодействии этих дискурсивных практик чуть ниже.

Те же смыслы – приход к вере через испытания или на краю гибели, но с точки зрения улучшения материальной стороны жизни, – мы видим в ответах архиепископа Викентия на вопросы прихожан: *«Конечно, устремление своего сердца и молитв к получению каких-то земных благ, может быть, с Божией помощью послужит тому, что цель поменяется и главное направление будет – получить от Бога духовные силы, необходимые, чтобы побороть в себе страсти греховные, греховные наклонности и приобретать добродетель. К сожалению, люди чаще всего приходят к Богу через подобные материальные*

прошения. Когда человек просит чего-то временного, но необходимого сейчас, и видит, что даже эту его молитву Господь услышал и помогает, он понимает, что, во-первых, Господь есть, и, во-вторых, что молитва очень действенна и помогает» (Православная газета, № 4 (565), 22.01.10). Снова подчеркиваются, повторяются смыслы божественной помощи в разных формах.

Иногда в текстах описывается помощь, оказанная богом человеку, в совсем уж бытовых ситуациях. Например, в своем интервью певица Светлана Зорина рассказывает:

– *Светлана, у вас были моменты, когда вы особо ощущали присутствие Бога, или когда Он вас утешал как-то, спасал от чего-то?*

– Неоднократно. Вот простой пример. Однажды я поехала в один монастырь, 140 км от Москвы, Стефано-Махрицкий... Когда возвращалась обратно, меня подвозил на машине батюшка. Подвез он меня до промежуточной станции, и мне дальше нужно было продолжать путь на электричке до Мытищ, места пересадки. Когда он меня подвез, электричка как раз подходила. Я успела только в нее вскочить, ни о каких билетах речи не шло. Еду, всю дорогу боюсь и про себя молюсь: «Господи! Только бы не было контролеров, а то что я буду делать?» И вот я доехала, контролеров не было, и для того, чтобы попасть на территорию вокзала, нужен билет, а у меня его нет. Ветер дует, холодно. Я взмолилась: вроде как без вины виноватая. Опускаю глаза вниз – лежит билетик, и я прошла. Вот конкретно помощь на конкретный случай. И никого вокруг, представляете? (Вечный зов, 09.11.11). Интересно, что для подтверждения получения помощи от бога Зорина, не стесняясь, рассказывает о том, что нарушила правила проезда в транспорте.

Также божью помощь призывают для решения финансовых проблем, как, например, в обращении редакции к читателям, опубликованном в газете «БлаговестЪ»: *Дорогие братья и сестры! В дни Великого поста наша редакция переживает очередной финансовый кризис. В этот раз он острее, чем обычно, так как много сил и средств ушло на переезд и обустройство на новом месте (закупку оборудования, ремонт и т.д.). Делаем все, что можем, чтобы вылезти*

из этой ямы, но пока не получается (видимо, надо пережить пост). Но газета требует средств ежедневно, и даже те полторы недели, что остались до Пасхи, видятся во вполне страстных тонах. Кто чем может, помогите! Молитвой – будем благодарны за молитву, деньгами – будем благодарны за деньги. Надеемся на Божию и на вашу помощь! А если точнее, надеемся, что Бог поможет нам через вас. Никаких других «спонсоров» у нас нет, только читатели (БлаговестЪ, 18.04.08).

Однако в журналистском дискурсе характеристика бога как всемогущего существа в некоторых случаях хоть и не отрицается прямо, но рассматривается критически. Например, в публикации, посвященной неблагополучной радиоактивной ситуации в Кировоградской области, журналист скептически относится к тому, что бог способен защитить человека от излучения: *«Человек, веря, что Бог его услышит и придёт на помощь, удесятерит сопротивление недугу или поиски выхода из тяжёлой ситуации. Конечно, нельзя исключать возможность того, что молитва будет услышана "наверху" и необходимая помощь послана. Но может ли молитва объективно ликвидировать или ослабить воздействие радона? Может ли хотя бы, так сказать, создать броню вокруг организма или, как говорят экстрасенсы, “поставить защиту”? Нет, не может»* (Наука и религия, ноябрь, 2012). Справедливости ради отметим, что подобных контекстов ничтожно мало.

Перейдем к следующим характеристикам, которые конструируют бога как персонажа в публикациях СМИ. Рассмотрим отрывок рецензии «“Виртуоз” в столбе ликующего света», которая рассказывает о новом романе А. Проханова:

«Провидение Божье действует не просто через людей – оно действует даже через самых богооставленных правителей и предателей, оно проходит в виде светоносной субстанции через самые коварные и черные планы. Бога нельзя обмануть – даже при помощи "политических технологий". Творец хочет проявления нашей свободной воли. Он не "играет в глиняных человечков", как это представлялось древним семитам, которые впервые (надо отдать им должное) прозрели истину о едином Боге, но так и не перешагнули через свои

ветхие психофизические ограничения и рефлексy в представлениях о Его Природе. Бог – не подобный древнему шейху капризный деспот. Не самолюбивый гордец и не альфа-самец. Он не оскoпляет жизнь человека слепым фатумом. Невидимый, и потому не принимаемый "бoгoоставленными" всерьез. И Он всегда в силах изменить ход любой "партии", распрямить любую интригу. Но парадокс, повторяюсь, в том, что Богу не надо ничего изменять – Он действует через наличные обстоятельства, через любые комбинации. Как мастер айкидо, Он преодолевает зло с помощью энергии самого зла. В этом – залог нашего конечного спасения, которое остро чувствует и которым светоносно вдохновляется Проханов. Кальвинисты не поняли замысла Бога, они разделили человечество на изначально спасенных и изначально обреченных. На самом деле, мы все уже спасены, в том смысле, что мы – в Книге Жизни. Нам надлежит лишь разрешить Богу спасти себя. А для этого мы должны сделать свободный выбор – своей волей и самой жизнью» (Завтра, №23 (810), 03.06.09).

Как мы видим, персонаж описывается не только с помощью нейтральных (невидимый) и положительных характеристик (его нельзя обмануть, хочет проявления нашей свободной воли, способен распутать любую интригу), но и через негативные характеристики, отрицание некоторых черт бога: не деспот, не самовлюбленный гордец. «ДЕСПОТ – 2. Самовластный человек, попирающий чужие желания, не считающийся ни с чем, самодур» [СОШ, с. 162]; «ГОРДЕЦ – заносчивый, чрезмерно гордый человек [СОШ, с. 138]; «САМОВЛЮБЛЕННЫЙ – влюбленный в самого себя, убежденный в исключительности своей личности» [Большой толковый словарь...].

Примечательно, что характеристика «альфа-самец» в данном контексте является негативной, т.к. она стоит в одном ряду с «деспотом» и «самовлюбленным гордецом»: «АЛЬФА-САМЕЦ – Исследователи шимпанзе и других человекообразных обезьян пользовались этим термином для описания доминантного самца в социальной иерархии группы. Альфа-самец не обязательно является самым агрессивным или проявляет наибольшую половую активность, хотя его поведение показывает, что он берет на себя функции наблюдения и

контроля за внутренними конфликтами, а также защиту группы от внешней угрозы» [Психология А-Я. Словарь-справочник]. В «Толковом словаре русского языка» мы находим только значение слова «самец»: «2. О чрезмерно чувственном мужчине» [СОШ, с. 693].

Следующая группа характеристик касается того, что бог слышит обращения людей к нему, любит людей, способен возратить веру и разрушить заблуждения человека.

К примеру, поэт и писатель из Саткинского района Павел Шахов в своем интервью размышляет о том, что есть русский человек сегодня: *«Бог помогает тем, в ком с детства заложены совесть и ответственность. Или эти качества воспитаны. Много лет я руководствовался этим правилом. Но в среднем возрасте, пройдя через соблазны и падения, понял: для взросления души нужны еще и страдания, скорби. И при всем этом нельзя забывать о Боге, Его любви к нам, готовности по нашей просьбе прийти на помощь. Иначе душевные метания могут привести к духовному помрачению, смерти. А если веришь и молишься, беды отступают»* (Челябинский рабочий, 16.11.10).

В своем эссе «Благословен еси, Господи, за все благодеяния твои» священник В.Милов рассуждает так: *«Внутренне глубоко верится, что Богу всё возможно, что судьбы человеческие в руках Его и Он чудесно неожиданными путями силен избавить от бед. Каждый из нас ведом Богу, и Бог поразительно близок к человеку – так близок, что внимлет всякому слову молитвы его и с нежностью выше материнской утешает его»* (Церковный вестник, №2, февраль – март, 2013).

Также богу приписывается возможность вернуть человеку утраченную веру, примирить его с самим собой: *«Но все поправимо – Бог может возратить веру, Он может разрушить заблуждения, Он силен обратить и Савла в Павла, то есть враждующего примирить с Собой и с Церковью»* (БлаговестЪ, 20.10.06).

Будучи помощником, бог способен дать человеку силу преодолеть несовершенство плоти, сделать его добрее и наставить на путь истинный: *«Господь чудесно подчиняет плоть требованиям духа и укрощает законы*

естества, и те аскеты, отшельники и затворники, которые со стороны казались величайшими мучениками и страдальцами, испытывали в действительности полному доступного человеку на земле наслаждения» (БлаговестЪ, 30.09.11).

*«Насильно ведь никого не исправишь и не перевоспитаешь. А нам самим хочется пожелать всегда оставаться христианами и в словах, и в поступках. И тогда может произойти то, что невозможно людям, но возможно Богу: **умягчение злых сердец и перемена ума заблудших** (именно так переводится с греческого слово «покаяние»))»* (Православные вести, 17.01.11).

Интересен дискурс о том, кто может рассчитывать на божью помощь. Утверждается, что помогать бог может как крещеным, так и некрещеным, но верующим в него и молящим о помощи. По-видимому, так российские СМИ отражают ситуацию диффузной, размытой религиозности среди тех, кто считает себя верящим в бога, но фактически игнорирует традиционные религиозные практики. Например, в публикации о проблемах восстановления храмов в российской глубинке «Под золотыми парусами» говорится, что бог может помогать и некрещеным.

Саша спрашивает меня: «А мне креститься можно?» (совершать ритуальный жест во время молитвы – прим. О. А.)

– Почему нельзя-то?

– Так я ж некрещёный, а мне сказали, что некрещёным креститься нельзя.

<...>

– Вот в войну все – и крещёные, и некрещёные – во время бомбежек крестное знамение совершали, призывали Бога на помощь, и Господь помогал...» (Вера, 18.05.13).

Следующая характеристика, которая приписывается персонажу: бог является воплощением абсолютной нормы. Об этом говорится, в частности, в интервью с известным музыкантом и актером Петром Мамоновым: *«А я кто? Я разве здоровый? Все мы рождаемся повреждённые грехом. Мы все наглухо больны. Надо снисходить друг к другу и помнить о том, что Бог любит всех*

одинаково равно. А здоровых вообще нет, здоров один Бог» (Аргументы и факты, №25, 20.06.12). В данном контексте речь идет не о физическом или психическом здоровье, а о духовной целостности личности. Ср.: «ЗДОРОВЬЕ – 1. Правильная нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [СОШ, с. 227]. И здоровьем таким может, по мнению Мамонова, обладать только бог.

Также в публикациях СМИ богу приписывается такая характеристика: он правдив (не лжет), выполняет обещания: *«О чем не может упросить сын своего отца, если просит у него полезное и необходимое? Тем более человек может упросить Бога. Ведь отец по плоти может быть и злым, может и не любить своего сына, может и солгать, и не дать того, что пообещал. Но совсем не то Бог, Отец милосердия и Бог всякого утешения ... Никто не может прельстить Его, и он не может солгать кому-либо. Он любит людей как чад Своих и делает все, что обещает»* (Тамбовский курьер, 10.06.13). Кроме того, в данном контексте мы видим уже знакомую нам характеристику: бог любит людей, как своих детей.

Еще одна черта, приписываемая богу, касается способа являться человеку. В качестве примера приведем отрывок из интервью с художником Александром Тихомировым: *«И тогда мне пришёл на помощь Господь Бог. Он явился во сне. Сон был таким явственным и пророческим, что встал я с твёрдой уверенностью в том, что нужно делать дальше. Именно тот день или ту ночь можно считать началом рождения нового направления в религиозной живописи – «оконописи» – проявленного Оком и рукой чуда зрения»* (Пишу, словно молитву читаю. [Электронный ресурс] // Православие и мир. : ежедневное интернет-издание. 2009. 03 дек. URL: <http://www.pravmir.ru/%E2%80%A6A62E8E3A09-4A80-4BEB-88C6-419F8B7F1498> (дата обращения: 11.09.14)).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в текстах средств массовой информации персонажу «бог», выступающему в качестве помощника, приписываются только положительные характеристики.

Если рассматривать сюжетные функции персонажа, то первой можно выделить функцию «помощь через чудо». В таких текстах бог посылает (или совершает) чудеса, которые способствуют успеху других персонажей текста или облегчают участь жертвы. Такую сюжетную функцию мы можем видеть в публикации «Четыре ночи в холодном лесу» о том, как больная женщина заблудилась в лесу и чудом выжила: *«Пусть и с опозданием, хочется от души поблагодарить всех односельчан, кто принимал участие в поисках, кто просто сочувствовал нашему горю, главу администрации Н. А. Симарева, главного специалиста администрации З. М. Старикову, службу спасения МЧС, мужчин из лесных избушек, приютивших сестру. Еще раз убеждаюсь в Боге, который творит чудеса, никогда не оставит в беде, откликнется на чужое несчастье, всегда придет на помощь»* (Знамя, 22.10.10). Также пример чуда, совершенного богом, мы видим в очерке о жизни св. Нектария: *«Однажды я гостил у сестры. Она готовила чай и нечаянно опрокинула на руку кипяток. Появился огромный фиолетовый волдырь. Тогда я взял мощи, которые вы только что держали в руках, и произнёс: «Господи Боже наш, молитвами св. Нектария исцели сестру мою». И вдруг – о чудо Божие! – рука стала здоровой»* (Православный Санкт-Петербург, №11 (227), ноябрь 2010)⁵.

Вторая сюжетная функция – «помощь через человека». Бог посылает людей, которые, подчиняясь божьему промыслу, приходят на помощь героям текста или способствуют облегчению участи жертвы: *«Член молодежного правительства Южной Осетии Майя Зассеева почти со слезами на глазах говорила президенту, как к нему относится весь осетинский народ: “Вы оказались человеком, через которого Бог спас нашу нацию. Люди вас обожают!”»* (Известия, 10.08.09); *«Дело Промысла Божия – располагать сердца окружающих к тому или иному человеку, возбуждать их на оказание деятельной помощи кому-либо в нужде, подвигать на самоотверженную готовность и даже на жертвы ради пользы несчастных»* (Церковный вестник, №2, февраль – март, 2013).

⁵ Напомним, что при анализе дискурсивных практик правомерно говорить об истине дискурса, которая прямо не соотносится с тем, что может быть признано истинным во внедискурсивной среде.

Теперь скажем несколько слов о типичных способах актуализации дискурсивной практики конструирования персонажа «бог» как помощника в текстах СМИ. Данная дискурсивная практика может реализоваться через накопление смыслов: врачеватель, спаситель, защитник.

1. Врачеватель. Бог исцеляет физические и душевные раны героев текста: «врачевать – (устар.) лечить, исцелять» [СОШ, с. 102]. Исцелять он может при помощи чуда или через посланного им человека. Смысл «бог как врачеватель» мы находим, например, в ответах архиепископа Викентия в прямом эфире ТК «Союз»:

– *Настраиваюсь на духовную жизнь. Стоял в храме – стало плохо, когда молюсь – засыпаю. Почему так происходит и что делать?*

– *Надо не сдаваться, надо бороться – это борьба, это брань духовная. Поэтому, наоборот, еще большие усилий нужно применять, чтобы все равно приходить в храм. Хотя это может быть тяжело, может быть, это искушение вражеское, не дающее человеку стоять в храме до конца или вызывающее какие-то болезни. Но если пересилить это состояние два-три раза, потом **Господь даст вам исцеление от этого недуга**, и будет легко находиться в храме, ничто не будет болеть» (Архипастырь, ТК «Союз», 22.01.10).*

2. Спаситель. Бог спасает героя текста от различных опасностей: вреда здоровью, грехов, отхода от истинного пути, либо спасает душу человека для вечной жизни. «СПАСИТЕЛЬ – 1. Тот, кто спас, спасает кого-что-н. 2. (С прописное). В христианстве и иудаизме: божественный избавитель человечества от грехов». [СОШ, с. 753]. В нашем случае, мы будем пользоваться первым значением, т.к. второе относится ко вторичным номинациям персонажа, которые мы рассмотрели выше. «СПАСТИСЬ – уберечься, избавиться от чего-н. угрожающего, опасного» [Там же, с. 754].

В частности, мы находим эту актуализацию в интервью с воздушной гимнасткой Юлией Волковой, которая во время репетиции вместе с мужем сорвалась из-под купола цирка. В тяжелейшем состоянии артисты были доставлены в Институт Склифосовского «*Конечно, это сила воли, мы мечтали*

вернуться к прежней жизни. Раз **Бог** нас **спас**, не дал нам умереть, значит, мы должны жить не опуская рук» (Вечерняя Москва, 14.12.10). Тот же смысл – и в отрывке из интервью с Ириной Денисовой, белорусским капельмейстером, неожиданно для близких людей принявшей монашеский постриг: *«Сейчас я вижу свой семейный путь как необходимый этап в моём приходе в монастырь. Я по жизни была первым номером, мне многое давалось легче, чем остальным, – и в школе, и в консерватории. А я не понимала, что талант – это дар Бога. Думала, это исключительно моя заслуга. Была высокомерной, гордой, тщеславной, эгоистичной. Такого человека Богу спасти очень трудно, поэтому Господь с разных сторон ко мне подходил, чтобы у меня появилась возможность исправиться»* (Аргументы и факты – Казань, 25.04.12).

Спаситель, любящий человека и человечество, появляется, к примеру, в статье о проблемах духовного воспитания современной молодежи: *«Бог есть Любовь, и только эта Любовь, соединяясь с человеком, руководя его помыслами и делами, может спасти гибнущий мир»* (Завтра, №4 (792), 21.01.09).

Кроме того, в публикациях СМИ периодически описывается спасение через чудо, как, например, в эссе В. Милова: *«Погибла бы душа моя при отсутствии духовной опытности, неумении в добре различать правую руку от левой, если бы сильная рука Божия не поддержала моего безумия. В детстве чудом Своего Промышления хранил меня Господь от гибели в страстях, юность мою спас от соблазнов сильным мановением десницы, призвав мое недостойнство к монашеству и священству. Когда ждало сердце смерти от различных опасностей, Господь выводил меня из них невредимым. Сколько болезней пришлось перенести на своем веку! Лишь милостью Всевышнего давалось мне продолжение жизни. Много раз я срывался с подножек трамваев, попадал под автомобиль, тонул в реке, в болоте. Но благость Божия давала мне время на покаяние»* (Церковный вестник, №2, февраль – март, 2013).

Бог проявляет себя и как тот, кто спасает материальные ценности: *«В апреле 2004 года в Доме-музее П.И. Чайковского случился пожар. Повреждения были незначительные. Пожарные же говорили, что **Бог спас** этот дом, знал, чей он,*

ведь огонь не попал в мемориальную часть» (Жизнь в музыке [Электронный ресурс] // Клуб Инфо. : информац. агентство. 2009. 12 нояб. URL: <http://aafnet.integrum.ru/artefact3/ia/ia5.aspx?lv=6&si=naCdNw2R&qu=341&st=0&bi=5278&xi=&nd=4&nd=0&srt=0&f=0> (дата обращения: 11.09.14)).

3. Защитник. «Защитник – 1. Тот, кто защищает, охраняет, оберегает кого-то-н.» [СОШ, с. 225]; «ЗАЩИТИТЬ – 1. Охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности» [Там же]. То есть, для актуализации смысла «защитник» необходимо присутствие в публикации образа врага или наличие опасности. При данной актуализации бог помогает персонажам текста в борьбе с физическим или мистическим врагом. В качестве физического врага, как правило, выступают враги государства (внешние враги). В качестве мистического врага выступают силы зла, именуемые *дьявол, Люцифер, бесы, темные силы*. Но, подчеркнем, в данных контекстах богу не приписывается функция героя, он не побеждает врага, он только помогает в борьбе, оберегая героя или жертву, придавая им силы.

Например, в статье о вызывающей негодование у Русской Православной церкви идее превратить Афон в музейный комплекс читаем: *«Мы знаем, что Господь, Который в нас, сильнее, чем все внешние силы, которые на нас нападают. И в нынешнее тяжелое время, мы, святогорцы, должны делать все возможное, чтобы с помощью Божией одержать победу над темными силами, которые извне на нас нападают»* (Православная газета, №48 (705), 17.12.12).

Пример актуализации смысла «защитник» мы находим и в очерке о жизни Н. Н. Иванченко: *«Он говорил, что люди даже не представляют себе близости к ним Бога, что самому отъявленному грешнику нужно только захотеть спастись и Сам Господь придет к нему на помощь, лишь бы только такое желание спастись было искренними, целым, а не половинным, что никакие духовные силы человека не были бы в состоянии выдерживать эту ужасную борьбу с дьяволом, если бы не всесильная помощь Божия, сокрушающая все сатанинские козни, которые не верят в существование дьявола. <...> Он (человек – прим. О. А.) еще*

не отдает себе ясного отчета о том, какого рода эта опасность, в чем она состоит и с какой стороны ему угрожает, он только трепещет и боится, и все теснее прижимается к Богу и ждет от Него помощи и защиты... Только тогда и выявляется безмерная близость и бесконечная любовь Бога к человеку, когда он увидит козни дьявола и познает, как бережно и любовно Господь оберегал его от этих козней, как заботливо предостерегал человека и предотвращал от ежеминутно грозящей ему гибели» (БлаговестЪ, 30.09.11).

В репортаже о ветеранах Великой Отечественной, ушедших в монастырь и ставших монахами-схимниками, «Дорога войны, ведущая в... обитель» мы также находим актуализацию смысла «защитник»: *«Когда же я на фронт уходил, то она (мать – прим. О.А.) зашила мне в карман брюк молитву «Живые помощи». И все годы войны эта молитва меня спасала, и Господь меня хранил. Вся война – дороги да бомбежки. И все время молитва была не только у меня в кармане, но в уме и на губах. <...>*

– Вот так с молитвой, хранимый Господом и доехал я до Победы. Хотя и не думал, что жив останусь в такой войне, а вот даже ни одного ранения не получил, – со светлой улыбкой вспоминает отец Максим. – После войны еще сорок лет работал шофером. Мама моя долго болела, и я за ней ухаживал. А как схоронил, то остался совсем один. Дети есть, но далеко, и я им совсем не нужен. Ушел в монастырь и вот уже 18 лет здесь живу. Господь всю войну берег меня от смерти и вот до сих пор бережет. Спаси Господи и вас» <...> Уже покидая обитель, я вновь и вновь возвращалась мыслями то к беседе со схимонахами, то вспоминала прочитанную о войне литературу. Не ура-плакатную, а ту, что многие годы находилась под запретом. Выходит, что война действительно отрезвила многих – от простых солдат до верховного командования. Постепенно к людям стало приходить осознание того, что только Божья и ничья другая воля способна даровать победу русскому оружию. Кто-то понял это сразу, кто-то по прошествии многих лет, уже после войны, а кто-то, возможно, и не задумывался об этом. Но совершилось главное – выстояла

Церковь, выстоял русский народ, через страдания начавший обращаться к духовным основам своих предков» (Липецкие известия, 30.05.11).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что основная сюжетная функция «помощник» для персонажа «бог» может актуализироваться в текстах СМИ при помощи смыслов «врачеватель», «спаситель», «защитник».

Необходимо отметить, что в журналистских текстах выделенные нами актуализации смыслов могут присутствовать как в «чистом» виде, так и сочетаться друг с другом. Например, сближение смыслов «врачеватель» и «спаситель» через чудо мы можем наблюдать в уже цитированном интервью с Ириной Денисовой: *«Я к тому времени была крещёная, но в церковь не ходила. Зато посещала астрологическую школу Глобы. Составила гороскопы на всех членов семьи. Думала, что всё знаю, что мне открывается духовный мир. Потом поняла, что, когда попадаешь в духовный мир с чёрного хода, это чревато последствиями. Меня стали мучить ночные кошмары. Я спала с включённым светом, а под подушкой держала «Молитвослов», из которого наизусть знала только «Отче наш». Но, когда заболел (онкологией – прим. О. А.) **Игнат, мне хватило ума понять, что спасение не в гороскопах, а в Боге<...>Господь послал мне такую пламенную веру, которой, быть может, у меня даже сейчас нет. Я ни на секунду не сомневалась, что Бог исцелит Игната. Но больше всех верил сам сын. <...> Спустя 10 лет после нашей поездки в монастырь Игнат, будучи студентом музыкального колледжа, давал в филармонии концерт, на который мы пригласили докторов из онкоцентра. Лечащий врач сына Рэйман Садекович, обхватив Игната руками, радостно говорил: «Это же чудо! Его Бог спас!» Сейчас сын учится на пятом курсе Московской консерватории»*** (Аргументы и факты – Казань, 25.04.12).

Сближение смыслов «врачеватель» и «защитник (в борьбе с врагом)» мы видим в ответах Архиепископа Викентия пастве: *«И чем больше мы будем очищать свою душу покаянием и исправлением жизни, тем **быстрее мы избавимся от недуга бесовского. Вот что нужно. Одно дело, когда мы отчитываем – все свершается по молитвам батюшки, и, конечно, Господь***

*помогает; но сам человек еще не готов жить благочестиво. И он, конечно, после отчитки зачастую вновь впадает в те или иные грехи, и потом враг на него нападает с еще большей силой. Исцеление нужно начинать все-таки с себя, с исправления своей жизни. И тогда **Господь поможет и изгонит злого духа, который мучает человека***» (Православная газета, №4 (565), 22.01.10).

Аналогичное сближение смыслов «спаситель» и «защитник» мы наблюдаем в интервью с Андреем Смирновым, где речь идет о мифическом Китеж-граде: *«Есть две версии китежской легенды, одна более документальна. Первая утверждает, что князь Всеволод, окруженный татарами, начал молиться, и **Бог** погрузил Китеж на дно озера, чтоб **спасти** от армии татар. По второй – наоборот, **утопил за грехи наши**, и пока мы не покаемся, от зверства своего не отступим, Китеж не виден будет, и тропы к нему не сыскать»* (Афиша, 18.10.11). В данном контексте слово «спасти» используется в значении «защитить»: «СПАСТИ – 1. Избавить от чего-н. (опасного, страшного)» [СОШ, с. 754]; «ЗАЩИТИТЬ – 1. Охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности» [СОШ, с. 225]. Общие семы «избавить (оградить) от опасного» позволяют использовать в данном контексте эти слова как синонимичные. И еще хотелось бы отметить, что в данном контексте мы видим редкий пример бога-помощника карающего, способного наказать за грехи.

Завершая разговор о дискурсивной практике конструирования персонажа-помощника в публикациях о боге, мы бы хотели подчеркнуть, что религиозные смыслы даже в православных СМИ нередко соседствуют с дискурсивной практикой конструирования верующего персонажа как психически нездорового. Более подробно мы рассматриваем эту практику в параграфах, посвященных пензенским затворникам, однако и в публикациях, где одним из персонажей был бог, помогающий людям, нам встретилась практика «больной, сумасшедший». Например, в портретном очерке о Николае Николаевиче Иваненко – русском аристократе, который будучи очень богатым человеком нашел смысл жизни в религии, неожиданно распродал свое имущество и жил при монастырях, читаем: *«Одна Божественная благодать Всесвятаго Духа, даруемая нам, православным*

христианам, за божественные заслуги Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа, одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения вражиин. Говоря о кознях сатанинских, он (Н. Н. Иваненко – прим. О. А.) говорил не о том, что вычитал из книг и о чем знал теоретически, а о том, что видел. Он видел и диавола и его "хитроумные проделки", как называл Николай Николаевич эти диавольские козни, и беспрестанно воевал с ним. В течение дня он буквально не разлучался с крестным знаменем, крестя каждый предмет в своей келии и точно отбивался крестным знаменем от невидимых злых духов, нарушавших его покой. Неудивительно, что эти "странности" объяснялись иначе и **некоторые считали Николая Николаевича даже психически ненормальным, указывая на то, что никто из "нормальных" людей не ведет такой борьбы с диаволом и никаких козней последнего не замечает.** "Потому и не ведет, что не замечает", отвечал в этих случаях Николай Николаевич, "ведут борьбу только с врагами, а не с друзьями, а для огромного большинства людей диавол – не враг, а друг и советник"» (БлаговестЪ, 30.09.11). Бог в данном контексте описывается как защитник человека, однако человек, который с божьей помощью «воюет» с кознями врага (дьявола), большинством людей считается сумасшедшим. Далее, в интервью с постановщиком детского спектакля «Дорога в Вифлием» Ольгой Кругловой мы снова видим сравнение верующего человека с сумасшедшим, ненормальным: *«Когда я уверовала в Господа, то первое время меня переполняло счастье, и я хотела им поделиться с каждым. Вот даже пусть на остановке – мне хотелось подойти к каждому и сказать: «Люди, любите Бога, придите к Нему». Некоторые на меня смотрели как на ненормальную, я не обижалась, я была полна счастья от чудес, которые послал мне, грешной, Господь»* (БлаговестЪ, 28.05.10).

Итак, бог как персонаж активно присутствует в публицистических текстах, причем не только на религиозную тематику. В публикациях персонажу приписываются исключительно положительные характеристики. В крайне редких случаях единичные характеристики подвергаются критическому осмыслению, но не отвергаются совсем (бог всемогущ, но от радиации молитва не спасет).

Практически все характеристики персонажа переходят в журналистский дискурс из дискурса религиозного (бог любит людей, он всемогущ, совершает чудеса, приходит во сне, исполняет желания (молитвы), является воплощением абсолютной нормы, близок к человеку и т.п.). В некоторых случаях положительные характеристики персонажа даются в сочетании с негативными определениями (не лжет, не является деспотом и гордецом и т.д.). Дискурсивная практика конструирования персонажа «бог» как внешнего, мистического «помощника» может актуализироваться за счет ключевых смыслов «врачеватель», «спаситель», «защитник». В текстах СМИ названные смыслы могут присутствовать как в чистом виде, так и сочетаясь между собой.

Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как помощника «внутреннего», включенного в «свой круг»

Напомним, что «Другой» может восприниматься как приходящий извне, территориально или этнически чужой, а может быть, так сказать, своим, отступающим от общепринятых норм. Во втором случае можно назвать такого персонажа в СМИ «внутренним Другим».

Интересны в этом плане публикации о майоре А. Дымовском, в которых авторы дистанцируют себя и аудиторию от этого персонажа, подчеркивая его сомнительные моральные качества, и одновременно видят в нем полезного «Другого», который помогает решению важных общественных проблем. В качестве иллюстрации реализации дискурсивной практики конструирования «Другого» как «внутреннего» помощника показателен текст Александра Кузнецова и Зинаиды Троицкой «А вы, друзья, как ни садитесь», опубликованный на сайте «Частный корреспондент». Авторы пытаются определить положение дел в МВД на текущий момент и осмыслить роль А. Дымовского, публично заявившего о плачевном состоянии правоохранительной системы.

(1) Майор Дымовский не производит впечатление интеллектуала. Такой... туповатый майоришка, с трудом выжимающий из себя выражения. И постоянно смотрит за камеру, за которой стоят его коллеги. Ибо в синеву

*покрашенные стены не характерны для жилых помещений. <...> Заявления Дымовского о поиске своей правды, о чистоте души и благородных порывах – всё это чушь, к сожалению. Майор получил своё звание за посадку невиновного. А так майор 10 лет работал в системе, которая кормила его, растила его. И при этом его не сильно заботила **коррупция, насквозь проевишая ряды милиции.***

(2) Меня не покидает ощущение, что если бы Дымовский не стал жертвой издевательств начальства за свои больничные – то его бы всё устраивало. И он продолжал бы также колымить-херачить, чтобы быть в фаворе, как и остальные (А вы, друзья, как ни садитесь... [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. информ.-аналит. портал. 2010. 25 фев. URL: http://www.chaskor.ru/article/a_vy_druzya_kak_ni_sadites_15464 (дата обращения: 11.03. 10)).

Авторы подчеркивают, что А. Дымовский разоблачает коррупцию не по своей воле, издеательства со стороны начальства подтолкнули его взять на себя эту функцию. Сигнал субъективного мнения («меня не покидает ощущение»), использование негативно окрашенных эпитетов («туповатый»), сниженной лексики («калымить» – прост.-неодобр. [СОШ, с. 261]), уничижительных форм («майоришка»), оборотов, свойственных разговорной речи («посадка невиновного»), передают негативное, уничижительное отношение говорящих к персонажу. Персонажу приписываются такие негативные характеристики, как трусость, жадность, двуличие, тупость. Все это качества, которые он унаследовал от «чужих» (милиционеров, сотрудников правоохранительных органов), к которым принадлежал до записи открытого обращения к В. В. Путину. Но для авторов значимым является не столько сам персонаж, сколько проблема, символом которой он становится, – проблема коррумпированности милиции, против которой, собственно, персонаж и выступает. И если бы не было поступка А. Дымовского, не возник бы затем общественный резонанс, то к проблеме не было бы приковано внимание СМИ и общества. А способность к активному общественному обсуждению проблем и коллективному их решению – один из признаков демократического государства. Соответственно, персонаж, хоть и

несимпатичен, малопривлекателен, тем не менее помогает обществу осознать проблему и побуждает к ее публичному обсуждению.

Восприятие персонажа как несимпатичного, но полезного помощника подтверждается еще одним примером, где также при отрицательном отношении говорящего к А. Дымовскому как к личности констатируется необходимость, существования подобных персонажей. Это реплика В. Шендеровича в эфире программы «Особое мнение», которая была посвящена поступку новороссийского майора. В этом контексте также актуализируется практика конструирования врага, которого помогает выявить А. Дымовский (и этим помогает «своим»), так как враг, реагируя, пытается избавиться от неудобного персонажа, сделав его (по мнению Шендеровича) политзаключенным:

*В. ШЕНДЕРОВИЧ: ... то, что происходит с Дымовским, связано с его политическими высказываниями. Надо уметь отделять собственное отношение к персонажу от правил. Ясно, что когда не только по отношению нему – к его адвокату принимаются такие меры! – то это политика. Это мерзкое **политическое заказное** дело. А то, что, условно говоря, мне он не так симпатичен человечески и не так близок, как другие **политзаключённые**, это не меняет дела (Особое мнение, РС «Эхо Москвы», 25.02.10).*

В публикации «Не соответствует масштабу проблем» («Взгляд», 11 ноября 2009) также конструируется образ малопривлекательного персонажа и одновременно утверждается значимость его поступка, приносящего пользу обществу:

*«Откровенно говоря, я испытываю к нему смешанное чувство колоссального интереса и гадливости. Проблема в том, что хотелось бы увидеть настоящего рыцаря добра, который борется с грязью в МВД, но получилось, что МВД в своих недрах родило вполне **ублюдочного сутягу**... – сетует Доренко. – Он, конечно, не соответствует масштабу проблем, масштабу гниения МВД».*

Доренко добавил, что **Дымовский – сам продукт гниения МВД**. «Сегодня у нас это гниение представлено двумя публичными портретами – Евсюкова и этого странного сутяги, который полгода ходил и записывал своих товарищей

на магнитофон. Ну что тут скажешь – брезгливость и гадливость. Но я с детства – юный натуралист, мне приходится наблюдать за такими странными персонажами», – рассказал он.

На вопрос, как долго продержится интерес к Дымовскому, Доренко ответил: «Этот интерес уже сейчас не оправдан ничем, кроме нашей обеспокоенности абсолютно ужасным состоянием Министерства внутренних дел. Русская милиция в кризисе, но Дымовский не соответствует масштабу проблем. **Мы будем интересоваться любым самозванцем, пока МВД будет в столь ужасном положении**», – убежден он (Не соответствует масштабу проблем [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. 2009. 11 нояб. URL: <http://vz.ru/society/2009/11/11/347067.html> (дата обращения: 11.03.10)).

Субъективное мнение автора высказываний подкрепляется негативно окрашенными эпитетами (УБЛЮДОЧНЫЙ разг.-сниж.: Уродливый; неполноценный [СОШ, с. 821], разговорной лексикой (сутяга), прямыми негативными номинациями; САМОЗВАНЕЦ: Тот, кто выдаёт себя за другого человека, присвоив себе его имя, звание [Там же, с. 694]. Негативное отношение к персонажу также выражается с помощью лексики, передающей субъективную оценку: «БРЕЗГЛИВОСТЬ – то же, что и отвращение – крайне неприятное чувство, вызываемое кем-, чем-л.» [Там же, с. 468] и «гадливость» (ГАДЛИВЫЙ: полный отвращения, брезгливости [Там же, с. 124]). Кроме того, журналист не скрывает своего разочарования от более близкого знакомства с А. Дымовским, однако сами действия персонажа оцениваются положительно, они признаются полезными для общества.

Рассмотрим аналогичную практику конструирования персонажа в тексте «Не про Дымовского» (газета «Взгляд» от 19 ноября 2009 г.). В тексте на примере А. Дымовского автор также пытается разобраться в том, полезен феномен видеообращений милиционеров для общества или нет. Публикация интересна тем, что в ней через отрицание разрушаются практики, конструирующие «Другого» как внутреннего или внешнего врага и даже как героя. Внимание адресата акцентируется на семантике полезности «Другого»:

В нашем случае первоначально важно – что закрытая система заговорила. Что бы ни говорили мы о них, ничего не изменится – пока они сами не заговорят о своих проблемах. Уже выяснилось: у них тяжелые условия работы, среди младшего и среднего звена зреет протест, выразителем которого и стал Дымовский. Было бы хуже, если бы мы не знали об этом.

Важно также, что растет количество заговоривших. Теперь всех выступающих уже не обвинишь в том, что они работают на западные фонды или хотят избежать наказания. И с ними уже нельзя будет не считаться, хотя бы и YouTube объявили шпионами, хотя бы и Яндекс закрыли насовсем, – вот что важно.

То, что они заговорили вслух, – важно, прежде всего, для них самих. Это их наибольшая психологическая проблема: они люди непубличные по сути, по природе своей и привыкли существовать в режиме монолога, а не диалога (заметим, что обращаются они не только к премьеру или президенту, а ко всем нам). Этот момент «выхода из себя» есть акт самоидентификации, он очень важен, опять же, для них самих: сказать вслух что-то от себя лично – это значит уже стать личностью.

А то, что они начинают с решения своих мелких и даже личных, корыстных дел: квартиру не дали, начальство по-хамски обращается, – это даже хорошо. Потому что это – не «голословные обвинения демократов», которых всегда ругали за излишнюю склонность к обобщениям и абстракциям. Тут забота о себе в первую очередь – куда уж конкретней и практичней. А уже попутно, заодно – и о справедливости.

Но даже говоря о своих проблемах, они парадоксальным образом приносят пользу обществу. В данном случае тем, что заполняют информационный вакуум – по поводу реального положения дел в милиции.

Этим наивным ожиданием героя и чуда объясняется и реакция в блогах: самый популярный упрек Дымовскому там – а где ты раньше был? ... За собой мы признаем сложность и неоднозначность, и право на спонтанность, на ошибку, на идеализм, на эмоции – а за милиционерами человеческой реакции, понятное

дело, не предполагаем. Нам надо, чтобы они были черно-белыми – тупо плохими или тупо хорошими. Нас к этому примитивизму, между прочим, сериалы приучили. А они между тем – такие же, как и мы. У них все вместе тут: и злоба, и обида, и личное ощущение несправедливости, и какие-то дополнительные мотивации – целый клубок мотивов.

Учитывая общее состояние дел с греховностью и покаянием, для этих шестерых – или сколько их там уже на данное время суток? – уже можно строить Ноев ковчег. Для новой, лучшей милиции (Не про Дымовского [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. : интернет-СМИ. 2009. 19 нояб. URL: <http://www.vz.ru/columns/2009/11/19/350309.html> (дата обращения: 11.03.10)).

В тексте дается четкое противопоставление групп мы/они, реализованное через употребление соответствующих личных местоимений. Группа «своих» («мы») находится за пределами системы МВД, сотрудники которой («они») являются «чужими» для говорящего.

В рассматриваемых контекстах дискурсивные практики конструирования «Другого» как внешнего и внутреннего врага отрицаются за счет подчеркивания незначимости характеристик, приписываемых персонажу при реализации этих практик в других текстах журналистского дискурса: *Теперь всех выступающих уже не обвинишь в том, что они работают на западные фонды или хотят избежать наказания. И с ними уже нельзя будет не считаться, хотя бы и YouTube объявили шпионами.* Но практика конструирования «Другого» как героя тоже отрицается. Автор подчеркивает, что А. Дымовскому не удалось полноценно исполнить роль героя, и веры в себя, как в героя, с точки зрения «своих» он не оправдывает: *Этим наивным ожиданием героя и чуда объясняется и реакция в блогах: самый популярный упрек Дымовскому там – а где ты раньше был?* В конце текста автор прямо формулирует, что А. Дымовского (и его последователей) нельзя считать ни врагами, ни героями: *За собой мы признаем сложность и неоднозначность, и право на спонтанность, на ошибку, на идеализм, на эмоции – а за милиционерами человеческой реакции, понятное дело,*

не предполагаем. Нам надо, чтобы они были черно-белыми – тупо плохими или тупо хорошими. Нас к этому примитивизму, между прочим, сериалы приучили. А они между тем – такие же, как и мы. У них все вместе тут: и злоба, и обида, и личное ощущение несправедливости, и какие-то дополнительные мотивации – целый клубок мотивов. Фактически автор готов включить «Другого» в круг «своих» (они такие же, как мы), так как признает, что и «Другой», и «свои» обладают одинаковым набором характеристик: неоднозначность, спонтанность, идеализм, эмоциональность, злоба, личные обиды и т.п.

Смысл функциональной полезности «Другого» (актуализация роли помощника) прямо формулируется в тексте: *они парадоксальным образом приносят пользу обществу. В данном случае тем, что заполняют информационный вакуум – по поводу реального положения дел в милиции.* То есть «Другой» делает доступной информацию, скрываемую от тех, кого автор текста относит к «своим». Отметим, что «парадоксальность» персонажа передается, по мнению говорящего, через оппозицию: лично значимое – общественно значимое. К лично значимому относится забота о собственном благополучии (*решения своих мелких и даже личных, корыстных дел*), к общественно значимому – вскрытие проблем, созревших в правоохранительной системе: *было бы хуже, если бы мы не знали об этом.* Полезность «Другого» как помощника подчеркивает и тот смысл, что «Другой» помогает сделать лучше не только «своих» для говорящего, но и «своих» для «Другого»: *сказать вслух что-то от себя лично – это значит уже стать личностью.* Они становятся личностями (людьми с ярко выраженной индивидуальностью, замечательными во всех отношениях [СОШ, с. 330]), по логике автора текста, только после открытых обращений, выложенных в Интернете.

В целом говорящий оценивает поступок А. Дымовского положительно: его акция – первый шаг к реформированию милиции, к положительным изменениям в системе. При этом автор не рассматривает А. Дымовского отдельно от МВД, для него А. Дымовский и милиция – одно целое (*«у них тяжелые условия работы, среди младшего и среднего звена зреет протест, выразителем которого и стал А.*

Дымовский»). И тем не менее журналист подчеркивает: появление героя было ожидаемым, а значит, в нем назрела необходимость.

Тот же смысл общественного запроса на появление такого персонажа, как А. Дымовский, объективной полезности его выступления актуализируется и в тексте «Нет ничего страшнее, чем униженный, голодный человек с пистолетом»:

Если общество не проснется – Россия погибнет. Так считают представители сайта dymovskiy.name. Последователи опального майора Дымовского сегодня встретились с прессой, чтобы рассказать об итогах своей деятельности, целях и планах. «Что нам было нужно? Казалось бы, живите спокойно, смотрите телек, гуляйте с детьми. Просто, понимаете, Дымовский появился вовремя и ударил в ту точку, куда нужно было ударить. Он спорный человек и можно по-разному к нему относиться. Но его поступок стронул, прорвал плотину. За ним пошли другие. Мы решили освещать то, что происходит. Стать рупором гражданского общества, которое должно сформироваться в России», – рассказывает Вобленко (Нет ничего страшнее, чем униженный, голодный человек с пистолетом [Электронный ресурс] // Новый Регион. : информац. агентство. 2009. 10 нояб. URL: <http://www.nr2.ru/moskow/271617.html> (дата обращения: 11.03.10)).

Та потенциальная опасность для «своих», которую предотвращают действия А. Дымовского, конструируется с помощью условной модальности: *Если общество не проснется – Россия погибнет.* Эксплицирован смысл «предотвращения опасности», для чего, собственно, и необходимы персонажи типа А. Дымовского: *появился вовремя и ударил в ту точку, куда нужно было ударить; его поступок стронул, прорвал плотину.* Неоднозначность персонажа не отрицается, однако негативно-оценочных характеристик ему практически не дается. Исключение – оценочная вторичная номинация «опальный майор», которая неоднократно встречалась в журналистских текстах, посвященных Дымовскому и которая включается в дискурсивную практику конструирования Другого как жертвы (об этом мы подробнее поговорим ниже).

Таким образом, в ряде публикаций СМИ А. Дымовский предстает как необходимый, «объективно полезный», хотя и не вызывающий симпатии «Другой». И пусть действия персонажа не помогают победить врага (кто бы ни рассматривался в этой роли), своим поступком «Другой» обозначает ряд актуальных и значимых для общества проблем, принося пользу. В текстах же о Пензенских Затворниках дискурсивная практика конструирования «Другого» как помощника не привлекалась.

В целом практики конструирования «Другого» как помощника семантически разнородны. «Внешние» помощники в лице разного рода зарубежных партнеров чаще всего характеризуются скупой, стандартными формулами в духе дипломатической вежливости. Бог как помощник, будучи медиаперсонажем, сохраняет основные характеристики, типичные для религиозного дискурса, и вносит в светские тексты элемент мистического мироощущения.

Конструирование «внутреннего» помощника демонстрирует большее разнообразие смыслов, включая «объективную полезность» не очень симпатичного персонажа, если он своими действиями вскрывает актуальные проблемы общества, привлекает к ним внимание.

4.2. Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как героя

Персонаж-герой в дискурсе СМИ – тот, кто совершает героический поступок. Согласно определению В. Я. Проппа, герой – «это персонаж, или непосредственно пострадавший от действия вредителя в завязке (resp. ощущающий некоторую нехватку), или согласившийся ликвидировать беду или недостатку другого лица» [Пропп, 1998а, с. 40]. Напомним, признаки мифологического или сказочного героя: борьба с вредителем, борьба за справедливость, охрана традиций, способность возглавить народ и защитить его, хорошее здоровье и внешняя привлекательность, способность завоевать любовь народа.

Отметим, что в текстах о Пензенских Затворниках этой дискурсивной практики не было: ни журналисты, ни эксперты, ни свидетели событий не приписывали затворникам роли героев. В текстах же о майоре А. Дымовском эта практика использовалась и в некоторых контекстах сближалась с дискурсивной практикой конструирования «Другого» как помощника.

Дискурсивная практика, конструирующая образ А. Дымовского как героя, фиксировалась нами на уровне соответствующих номинаций:

*Дымовский, как бы о нем ни говорили, как бы его поступок ни называли с точки зрения офицерской чести, с точки зрения того, что он сам какие-то коррупционные правонарушения совершал, он все равно **герой**. Все равно он первый, кто открыл рот и обрушил эту систему. Это давно предполагалось, просто кто-то должен был быть первым (Где вы, честные милиционеры? [Электронный ресурс] // Особая буква. : информ.-аналит. портал. 2009. 19 нояб. URL: <http://www.specletter.com/obcshestvo/2009-11-19/6/gde-vy-chestnye-militsionery.html#video> (дата обращения: 11.03. 10)).*

Кроме того, дискурсивная практика конструирования «Другого» как героя дополнялась за счет положительных характеристик персонажа:

Алексей Дымовский – без всяких сомнений, замечательная личность, он народный герой в самом прямом смысле и патриот. Этот человек уже вошел в историю России и своим вызовом системе сделал во много больше, чем большинство из нас.

Из Дымовского может получиться самостоятельная политическая фигура, а может получиться флаг: если его грохнуть, будет хороший символ, знамя такое для борьбы, – оптимистично заявляет Кононенко (Дымовского в президенты России! [Электронный ресурс] // Новый Регион. : информац. агентство. 2009. 25 нояб. URL: <http://www.nr2.ru/moskow/258992.html> (дата обращения: 11.03.10)).

Как видим, кроме использования собственно номинации «герой» говорящий приписывает персонажу, которому дает характеристику, большую часть черт, свойственных герою: борьба за справедливость (*знамя для борьбы, хороший символ*), охрана национальных традиций и способность завоевать любовь народа (ПАРТИОТ: человек, проникнутый патриотизмом; ПАТРИОТИЗМ: Преданность и любовь к своему отечеству, своему народу [СОШ, с. 496]), способность возглавить народ (*флаг, самостоятельная политическая фигура*), привлекательность (*замечательная личность*).

Интересно, что ярче всего дискурсивная практика конструирования персонажа как героя в журналистских публикациях, посвященных А. Дымовскому, проступает в монологах самого майора. Иными словами, при «самопрезентации» персонажа. Эта практика возникает в дискурсе СМИ, когда журналисты дают возможность персонажу высказаться, предоставляют ему слово, чтобы аудитория могла самостоятельно оценить речь, смысл слов персонажа, а также его внешность и настроение (в видеотекстах), чтобы в итоге сформировать собственное мнение о персонаже.

Показательный с точки зрения реализации данной практики текст был опубликован 9 марта 2010 года, сразу после того, как А. Дымовскому изменили меру пресечения, заменив заключение под стражу подпиской о невыезде. Это монолог Дымовского, выполненный в жанре письма и адресованный широкому

кругу читателей. Здесь мы вновь имеем дело с прямой речью «Другого». В публикации «Освобождение майора», которую мы приводим с незначительными сокращениями, бывший милиционер переосмысливает свою позицию по отношению к власти и заново оценивает свои действия:

Узнал я о своем освобождении в 13:30 в предпраздничный день, 7 марта. Очень был удивлен. И для меня, и для всей тюрьмы это было неожиданностью. Чтобы следователь прокуратуры сам лично приехал, потратив свое драгоценное личное время, чтобы вручить «закоренелому преступнику» Дымовскому постановление об освобождении. Как мне сказали в тюрьме сокамерники, такое случилось впервые в истории тюрьмы.

Причины, побудившие его это сделать, я не могу объяснить. Что-то случилось, наверное. Может, у кого-то совесть проснулась, или честь заговорила.

Содержание в тюрьме, все произошедшее со мной считаю испытанием, которое послано мне свыше, и которое является проверкой моей православной веры и офицерской воли. Так как я русский офицер, я должен стойко и с достоинством переносить все тяготы службы, даже находясь в плену. Я не считаю это заключением, я считаю, что это был плен, и я находился просто на территории врага. Но в связи с конвенцией о пленных был выпущен.

Я рад, что мне были даны эти 1,5 месяца – то время, что я провел в заключении. Единственное сожаление – это то, что я не присутствовал при рождении дочери. ... Каждый день во двореке пробегал километр. Каждый вечер около часа уделял физическим упражнениям. Сделал себе в камере штангу из бачка с водой и гантели из канистр, поэтому сейчас я нахожусь в прекрасной физической форме, дух мой не сломен, и я готов к продолжению боев на поприще правды и справедливости. Я думаю, что впереди меня ждет последний затяжной бой.

Я думаю, надо все-таки у нас в России восстанавливать такие понятия, как справедливость, правда, честь, достоинство, чтобы люди не боялись милиции, чтобы не боялись преступников. Я считаю, что у всех этих людей из

различных партий есть одна цель, в которой они сойдутся воедино, – это обеспечение счастливого и безопасного будущего для наших детей... я думаю, настало время нам всем объединиться, всем россиянам, всем людям. Не объединиться в «Единую Россию», а объединиться русскому народу, под которым я подразумеваю 120 коренных народов России. Я считаю, что Россия – это великая держава, и задача всех, всего российского народа не давать вытирать об эту державу ноги, кому ни попадя.

Но однозначно я буду продолжать борьбу за правду, за то, чтобы коррупция была полностью выжжена в России. Есть некоторые наметки, которые сложились у меня в тюрьме, планы и цели, чтобы дальше продолжать борьбу. Их я, пожалуй, пока оставляю в секрете.

Я сейчас стал более осторожен в высказываниях, после того, как я запугал сотрудников РУБОП, антикоррупционного отдела, следствие, суд... Можно сказать, я в одном лице запугал всех. У меня тут же возникает вопрос: а зачем же тогда таких пугливых берут работать? А вдруг встретится настоящий враг, и опозорятся наши сотрудники совсем. Поэтому, я думаю, надо лучше проводить психологическую обработку сотрудников при приеме на работу, чтобы на службу не брали пугливых, слезливых, малодушных. Надо психиатрам больше работать (Освобождение майора [Электронный ресурс] // Slon. ru. : онлайн журнал. 2010. 09 марта. URL: http://slon.ru/russia/osvobozhdenie_mayora-310680.xhtml (дата обращения: 11.03. 10)).

Дискурсивная практика конструирования персонажа как героя реализуется в данном случае через положительные самохарактеристики.

Мотив борьбы с вредителем передается при помощи слов и метафор, относящихся к семантической группе «война»: *территория врага, плен, офицер, конвенция о пленных, борьба за правду и «за то, чтобы коррупция была полностью выжжена в России».*

Смыслы, связанные с охраной национальных традиций, отражаются через отнесение персонажа к группе «свои» с типичными для «своих» характеристиками: *«Так как я русский офицер, я должен стойко и с*

достоинством переносить все тяготы службы», «у нас в России», «настало время нам всем объединиться, всем россиянам, всем людям».

Актуализация смыслов защиты справедливости героем также передается: в России можно «восстанавливать такие понятия, как справедливость, правда, честь, достоинство».

А. Дымовский акцентирует внимание и на такой характеристике положительного героя, как забота о здоровье: *«Каждый день во двореке пробегал километр. Каждый вечер около часа уделял физическим упражнениям. Сделал себе в камере штангу из бачка с водой и гантели из канистр, поэтому сейчас я нахожусь в прекрасной физической форме, дух мой не сломен, и я готов к продолжению боев на поприще правды и справедливости»*.

Кроме всего прочего, А. Дымовский характеризует себя как заботливого отца: *«Единственное сожаление – это то, что я не присутствовал при рождении дочери; обеспечение счастливого и безопасного будущего для наших детей»*.

Как мы видим, дискурсивная практика конструирования персонажа как героя представлена весьма объемно. Однако и практика конструирования персонажа как жертвы в этом тексте тоже присутствует. Персонаж подает себя как героя-пострадавшего, героя-мученика: *«Содержание в тюрьме, все произошедшее со мной считаю испытанием, которое послано мне свыше, и которое является проверкой моей православной веры и офицерской воли»*.

МУЧЕНИК : 1. Человек, который подвергается физическим или нравственным мучениям, испытывает много страданий. [СОШ, с. 371]. 3. В христианстве: святой, претерпевший страдания за свою веру и принявший за неё мученическую смерть. *Христианские мученики* [Большой толковый словарь русского языка, с. 436]. Безусловно, Дымовского нельзя считать христианским мучеником, однако он сам актуализирует религиозный смысл, связывая свое пребывание в тюрьме с «проверкой моей православной веры». Позиция жертвы закрепляется маркером иронической самоидентификации персонажа, взятым в кавычки словосочетанием «закоренелый преступник» и самоопределением исполняемой роли: военнопленный. Слово «плен» и его производные повторяются в тексте несколько

раз. «ПЛЕН: Состояние порабощенности, того, кто захвачен на войне противником и лишен свободы. *Взять в п. Бежать из плена*» [СОШ, с. 523].

В данном тексте по отношению к себе А. Дымовский использует дискурсивную практику конструирования положительного персонажа (герой-жертва), а по отношению к антагонисту – отрицательно окрашенные дискурсивные практики, конструирующие внутреннего врага.

В этом тексте-самопрезентации А. Дымовский как персонаж достаточно однозначен. Это герой, невинно пострадавший за справедливость – герой-жертва («*может у кого-то совесть проснулась, или честь заговорила*»), он понимает, что борьба не окончена и готовится к ее продолжению физически и морально. А. Дымовский предстает человеком, разочаровавшимся во власти, но обретшим веру в Бога. Конструируемый в тексте герой, которому удалось запугать противостоящего ему злодея («*сотрудников РУБОП, антикоррупционного отдела, следствие, суд*»), это герой-патриот, опечаленный незавидным политическим положением Родины, герой-страдающий отец, оторванный от семьи. Кроме того, персонаж осознает, что его воспринимают как врага, поэтому и антагонистов он воспринимает как врагов («*вдруг им встретится **настоящий** враг*», «*я не считаю это заключением, я считаю, что это был **плен**, и я находился просто на территории **врага***»).

Таким образом, мы можем сказать, что в журналистском дискурсе для конструирования персонажа «Алексей Дымовский» как Другого привлекалась дискурсивная практика конструирования героя. Практику реализуют персонажи-эксперты, авторы-журналисты и сам персонаж, когда характеризует себя и свои поступки. Кроме вторичной номинации «герой», заменяющей собственное имя персонажа, ему приписана большая часть черт, свойственных герою: борьба с вредителем-антагонистом, борьба за справедливость, охрана национальных традиций и способность завоевывать любовь народа, преданность и любовь к своему отечеству, своему народу, способность возглавить народ. Сам А. Дымовский к перечисленному выше добавляет характеристику «прекрасная физическая форма» и вводит новую: «заботливый отец».

Подведем итоги. К дискурсивным практикам, конструирующим положительного персонажа, мы относим практику «помощник» и практику «герой». Персонаж в журналистском дискурсе может быть описан как «внешний» или «внутренний» помощник.

«Другой» как «внешний» помощник в публикациях изображается как непосредственный партнер (коллега, союзник, волонтер, член команды) – с ним можно взаимодействовать, вступать в практические отношения и извлекать из них пользу. Он признается важным, дружественно настроенным персонажем, чья помощь необходима для решения внешних и внутренних государственных проблем. Помощь может оказываться как отдельным гражданам, так и государству в целом. Смыслы эти фиксируются как в речи персонажей публикаций, так и в речи авторов текста – журналистов.

В роли «Другого» как «внешнего» помощника может выступать не только человек (или группа людей), но и мистическое существо – бог. Этому персонажу приписываются только положительные характеристики. Практически все они переходят в журналистский дискурс из дискурса религиозного. При описании бога как персонажа публикации дискурсивная практика «помощник» может актуализироваться за счет ключевых смыслов «наставник», «врачеватель», «спаситель», «защитник». Эти смыслы могут присутствовать как «в чистом» виде, так во взаимодействии друг с другом.

Алексей Дымовский как «внутренний» помощник в дискурсе СМИ предстает как необходимый, хотя и не вызывающий симпатии «Другой». И хотя действия персонажа не помогают победить врага, своим поступком «Другой» обозначает ряд актуальных и значимых для общества проблем, принося пользу. Практику транслируют персонажи-эксперты, авторы-журналисты и сам персонаж, когда характеризует себя и свои поступки. Кроме вторичной номинации «герой», заменяющей собственное имя персонажа, говорящие приписывают ему большую часть черт, свойственных традиционному герою: борьба с вредителем-антагонистом, борьба за справедливость, охрана национальных традиций и

способность завоевать любовь народа, преданность и любовь к своему отечеству, своему народу, способность возглавить народ.

В текстах о Пензенских Затворниках мы не зафиксировали ни одной практики, конструирующей положительного персонажа. Затворникам в публикациях не приписывалась ни функция героев, ни функция помощников.

Глава 5. Дискурсивные практики, конструирующие Другого как персонажа, вызывающего амбивалентное отношение

Завершая обзор дискурсивных практик, конструирующих в журналистских текстах «Другого», рассмотрим конструирование «Другого» как персонажа, вызывающего амбивалентное отношение. Известный немецкий социолог Р. Штихве, рассуждая об амбивалентности чужого, писал: «Сегодня лингвистически-социальная структура отражает гибкость или неоднозначность идентификации как чужого кого-либо, кто в других отношениях таковым не является... Генерирующие систему функций двоичные коды являются своего рода кодами предпочтения в смысле выделения одной из двух сторон. Но эти коды служат внутрисистемными механизмами различения, что означает, что никакая система не может концентрироваться на позитивной стороне кода, чтобы таким образом бесспорно утвердить свою идентичность. К примеру, в политике вчерашних правителей не устраняют физически как возможных завтрашних бунтовщиков. Проигравшим предоставляется роль готовой к новому приходу к власти оппозиции» [Штихве, т. 1, с.41-42]. Другими словами, чужой и Другой являются амбивалентными субъектами, отношение к которым может быть и положительным, и отрицательным в зависимости от контекста. Мы считаем, что это особые дискурсивные практики, так как передают неоднозначное оценочное отношение к персонажу, который является, к примеру, и героем, и жертвой.

5.1. Дискурсивная практика «самопрезентация» «Другого»

В четвертой главе мы уже начали говорить об этой дискурсивной практике. Она возникает в дискурсе СМИ, когда журналисты дают возможность персонажу высказаться, предоставляют ему слово. Тогда персонаж выступает в роли

нарратора. «Немецкоязычные теоретики Л. Шпитцер, Э. Леммерт, Ф. К. Штанцель различают «повествующее Я» (erzählendes Ich) и «переживающее», «испытывающее Я» (erlebendes Ich)» [Цит по Ильину, с. 90-91]. Эта практика интересна тем, что персонаж, оценивая себя, может использовать оба повествовательных типа. Не менее интересны смыслы, которые говорящий не вкладывает в свою речь, но которые возникают контекстуально.

В качестве примера реализации названной практики мы рассмотрим расшифровку записи с пресс-конференции с Алексеем Дымовским, которая состоялась 10 ноября 2009 года: «Алексей Дымовский: У меня сейчас это равносильный самоубийству поступок» (Эхо Москвы, 10.11.09). Речь Дымовского дается без правки и практически без комментариев со стороны журналистов. Соответственно, аудитория имеет возможность составить собственное представление о персонаже. В тексте обсуждаются причины, побудившие майора обратиться к В. В. Путину через интернет, его личная и профессиональная жизнь, нравственные установки. Себя А. Дымовский сначала позиционирует как честного офицера, уставшего от произвола начальства и пытающегося добиться правды от власти:

Толкнуло меня на это обида за всех сотрудников милиции, которые подвергаются гонениям со стороны начальства, отношением хамским. От Владимира Владимировича я ожидаю реакции, я смотрю, общественность меня поддерживает.

Работал участковым. У меня на участке кличка среди местных жителей была Аниськин, если честно. Я жил на этом участке....

Себе говорящий приписывает практически все положительные характеристики, типичные для героя: «борьба с вредителем», «борьба за справедливость» (через прецедентное имя «Аниськин»), «способность возглавить и защитить народ/«своих», «массовая поддержка» (*общественность меня поддерживает*). В роли вредителя-антагониста по отношению к персонажу-герою конструируется анонимная группа «начальство», это «чужие», подвергающие гонениям «своих», на защиту которых встает герой. Вредителю приписываются

отрицательные характеристики: хамство, причинение обид. А. Дымовский продолжает развивать образ вредителя («чужого») и дальше, подключая негативно-оценочный смысл «взяточничество»:

... Выполнил план – молодец, не выполнил – дай денег проверке, которая приедет. Купи что-нибудь, помоги, чтобы тебе не попало от начальства. Это идёт от руководства. Все эти приказы идут от руководства. Только они устные. А мы, вот такие простые, попадаем под статью, под превышение должностных полномочий. Мы ничего не можем доказать.

Попутно А. Дымовский обозначает связь со «своими», подчеркивая через обобщающее «мы», что он тоже не выбивается из круга рядовых сотрудников МВД. В этом случае персонаж конструирует себя как героя-жертву наряду с другими жертвами сложившихся правил: *мы попадаем под статью... Мы ничего не можем доказать.* Далее в тексте А. Дымовский еще несколько раз подчеркивает, что он гражданин своей страны, этнически и социально «свой» для большинства:

Я россиянин, русский, и в Америку я не собираюсь жить переезжать, тем более, в отпуск ехать. Единственная мечта – съездить на Тибет.

Я надеюсь на всех. Мы же все люди, у нас в Конституции не написано «генерал», «лейтенант», «сержант», «ФСБэшник», «милиционер», «врач», «учитель», «ребёнок». Там написано – гражданин. Все равны.

... Это не я работал, это вся Россия так пашет!

Затем А. Дымовский представляет себя хитрым, находчивым героем, ведущим борьбу с вредителем:

Я приходил в УВД, прямо перед входом включал его (диктофон – прим. А. О.) и ходил, разговаривал, соответственно работал. Когда возник конфликт с начальством, когда вышли мои видео-ролики в Интернет, я успел до обеда позаписывать... Сто пятьдесят часов общих записей.

Также А. Дымовский в своей речи пытается разрушить попытки создать ему образ «лже-героя», которые предпринимались «вредителем»:

Нет, я это уже опровергал, я не садил невиновного человека. И потом с таким грехом... говорят, грехи на детей и внуков передаются. Я своим детям зла не желаю. Звание получил. Оперская хитрость называется. Я не садил человека, я дал обещание Черноситову, но ни слово офицера, что я попытаюсь это сделать. И каждый день без пятнадцати восемь я стоял перед его кабинетом в течение месяца, а моё представление майорово так лежало на столе, я заходил и говорил ему...ну, честно если – врал, что сделал то-то, то-то, установил это, это. А потом, когда мне позвонили знакомые, говорят: «Алексей Александрович, тов. капитан, Вам присвоено очередное звание майора, приказ такой-то, от такого-то числа». На следующий день я зашёл к Черноситову и сказал, что не буду заниматься этим.

Таким образом, с одной стороны, персонаж обладает чертами, располагающими к нему: он этнически и социально «свой» («я россиянин», «русский», «простой»), его позиция близка большинству адресатов («мы все люди, все равны», «не желаю зла своим детям», «мы простые люди, но ничего не можем доказать, сталкиваясь с произволом властей»), он блюдет офицерскую честь («я дал обещание, но не слово офицера»). Честность персонажа, готовность нести ответственность за возможные правонарушения также должны импонировать аудитории. Судя по цитате, вынесенной в заголовок, А. Дымовский вполне осознает последствия своих действий как опасные, но не боится идти вперед. И таким образом дискурсивная практика, конструирующая образ персонажа как героя, реализуется. Но с другой стороны, признание того, что им совершались неблагоприятные поступки, странное понятие о чести и «оперской хитрости» (шпионил за коллегами; чуть не посадил невиновного ради очередного звания; дал обещание, которое не собирался выполнять, прикрываясь тем, что «слово офицера» не давал) оставляют негативное впечатление. Практика конструирования персонажа как героя переплетается с практикой, конструирующей лже-героя, в тексте накапливаются смыслы, вводящие взаимоисключающие оценки персонажа.

5.2. Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как жертву

В научной литературе детально описаны признаки носителя статуса жертвы. К ним, например, относят тот слой общества, который находится ниже всех классов в социальной иерархии. Это группа, состоящая из безработных, нетрудоспособных лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества в целом, группа с негативной коллективной идентичностью, являющаяся результатом социального исключения [Социология: Энциклопедия, с. 14]. Н. М. Римашевская считает, что социальное дно опасно: оно «может поглотить крестьян, рабочих, инженерно-технических работников, учителей, творческую интеллигенцию, ученых» [См. Римашевская, с. 33-44], словом, почти любого человека.

«Другой» как жертва может конструироваться через смыслы инфантилизма, паразитизма, демонстративности, пассивности, стихийности, заклеяемости т. п. [Там же]. СМИ могут представлять в роли жертвы народ целиком, отдельные социальные группы такие, как например, чернобыльцы, ВИЧ-инфицированные, наркоманы, нищие, инвалиды, пенсионеры, подростки из неполных, малообеспеченных семей, и др. [Автохутдинова, 2012, с. 18].

Иногда роль жертвы приписывается персонажу не как постоянная социальная характеристика, а как временный статус в локальной ситуации (жертва нападения, несчастного случая и т.п.)

Конструирование Дымовского как «Другого»-жертвы фиксируется в тот период, когда информация о новороссийском майоре начинает подаваться не только в информационных, но и в аналитических жанрах, то есть рассматривается и комментируется более подробно.

Напомним, что словарное определение понятия жертва в одном из значений гласит: «ЖЕРТВА: 3. О ком-н. страдающем от насилия, несчастья, неудачи. *Пасть жертвой в борьбе*» [СОШ, с. 192].

Дымовский как жертва может и не вызывать сочувствия у адресата, но контексты передают семантику преследования персонажа со стороны третьих лиц: актуализируются смыслы причинения персонажу страданий (несчастий) в результате злого умысла. Причем в качестве «чужих», преследующих (угнетающих) Дымовского, выступают либо коллеги, либо представители власти. К примеру, в уже известной нам публикации «А вы, друзья, как ни садитесь» (А вы, друзья, как ни садитесь... [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. : информ.-аналит. портал. 2010. 25 февр. URL: http://www.chaskor.ru/article/a_vy_druzya_kak_ni_sadites_15464 (дата обращения: 11.03. 10)) мы находим следующий контекст:

*Милиционер не называет фамилий своих начальников. НИ ОДНОЙ. Скорее всего, чтобы не попасть под статью за клевету. Дымовский не говорит, что его коллеги берут бабки, а он нет. Не брал типа. Потому как **боится личной мести от своих коллег**. Вообще весь его монолог — мутная мыльная лужа, из которой только слышно как **он пострадал** и как **все его обидели**.*

Образ персонажа-жертвы конструируется при помощи смыслов «боится мести», «обидели», «пострадал» («ОБИДЕТЬ: 2. Причинить ущерб кому-н. чем-н., наделить в недостаточной степени» [СОШ, с. 428]; «ПОСТРАДАТЬ: см. страдать» [Там же, с. 570]; «СТРАДАТЬ: 4. Подвергаться чему-н. неприятному, терпеть ущерб, урон от чего-н.» [Там же, с. 771]). В роли антагонистов выступают коллеги майора и его начальники. Жертва не вызывает жалости, так как ей приписываются негативные характеристики через метафору «монолог — мутная лужа» («МУТНЫЙ: 1. Непрозрачный, нечистый (от засорения, смешения с чем-н.)» [Там же, с. 371]), сниженную жаргонную лексику «бабки» [Там же, с. 33]), разговорные обороты «не брал типа». Кроме того, говорящий сомневается в искренности А. Дымовского (он не называет ни одной фамилии своих начальников, так как, скорее всего, боится возможных обвинений в клевете с их стороны).

В другом контексте мы встречаем семантический оттенок «невинная жертва» – человек, которого оговорили. («НЕВИННЫЙ: Не имеющий за собой вины, провинности. *Невинная жертва*» [Там же, с. 402]):

Тем временем за Дымовского вступился бывший коллега – экс-глава уголовного розыска ОВД Восточного района Новороссийска Андрей Нарваткин. По словам милиционера, его заставляли оговорить опального майора. «Все, что говорил Дымовский – правда, от которой теперь УВД открещивается всеми способами», – рассказал офицер «Газете.ру» ((Майор-разоблачитель Дымовский тайком добрался до Москвы к Дню милиции [Электронный ресурс] // NEWS ru.com. : информац. агентство. 2009. 10 нояб. URL: http://www.newsru.com/russia/10nov2009/moscow_dymov.html (дата обращения: 11.03.10)).

Образ вредителя, преследующего жертву, конструируется через неопределенно-личное значение глагола со значением принуждения (*заставили*), а также имя собственное (*УВД*). Дискурсивная практика конструирования жертвы манифестируется и через вторичную номинацию «опальный майор» («ОПАЛЬНЫЙ: Находящийся в опале». «ОПАЛА: 2. Немилость, нерасположение (обычно высокопоставленных лиц). *Попасть в опалу. Быть у руководства в опале*» [СОШ, с. 453], а также при помощи лексики, привлекаемой для оценки действий говорящего по отношению к Дымовскому («ОГОВОРИТЬ: 1. Возвести на кого-л. ложное обвинение; оклеветать. *О. на допросе*» [Там же, с. 444]. Смысл того, что А. Дымовский страдает невинно, подтверждается цитатой: *Все, что говорил Дымовский – правда.*

Рассмотрим также текст, опубликованный в «Новой газете» 11 ноября 2009 года, «За мной установлено наружное наблюдение»

А что заставило Алексея Дымовского открыто обратиться к премьеру? Самое простое предположение – психологическая и физическая усталость, которая накопилась с 2004 года, когда он пришел работать в УВД Новороссийска. Плюс обиды, нанесенные милицейским начальством человеку, не желающему унижаться. Вот лишь один из эпизодов. В распоряжении «Новой»

есть акт судебной экспертизы, согласно которому 24 марта 2007 года некто Валерий Колодизный, который был задержан и находился в здании УВД Новороссийска, два раза ударил Дымовского шилом (!) по левой руке. Нападение на милиционера – верная тюрьма. Однако известно, что следователь новороссийской прокуратуры Гетманенко уголовное дело в отношении Колодизного не возбудил (Новая газета, №125, 11.11.09).

Журналист подчеркивает, что выступление А. Дымовского – вынужденный шаг. Причины, побудившие его выступить с видеообращением, журналист связывает с психологической и физической усталостью, накопившейся за несколько лет. Персонажу приписана положительная характеристика: *человек, не желающий унижаться* («УНИЖАТЬСЯ: Поставить себя в унижительное положение», «УНИЗИТЕЛЬНЫЙ: Оскорбляющий достоинство, унижающий. У-ое положение» [СОШ, с. 834]. Несправедливость отношения к жертве иллюстрируется эпизодом из жизни персонажа. Роли вредителей, третирующих жертву, делят коллективный анонимный персонаж «милицейское начальство» и следователь новороссийской прокуратуры Гетманенко, не возбудивший уголовного дела, т.е. не защитивший Дымовского-жертву.

В текстах, посвященных Пензенским Затворникам, мы также фиксировали случаи реализации дискурсивной практики конструирования «Другого» как жертвы, иногда с оттенком иронии:

(1) Мучеником быть не только почётно, но и «статусно»: журналисты нахлынули, разговоров сколько! (Литературная газета, №51 (6151), 19.12.07).

(2) Двадцать девять сектантов, в основном женщины, заживо замуровали себя в пещере у села Никольское Пензенской области, которое местные жители называют Погановка. Как спасти узников мракобесия, разбирался наш обозреватель Юрий Снегирев. (Известия, 08.04.08)

(3) В любом случае, кто бы ни выступал в роли гуру, «конец света» для кого-то из сидельцев может когда-нибудь наступить, поскольку сидеть в землянке холодно. Жаль их всех, но детей – особенно... (Там же)

Персонаж, стоящий на позиции жертвы, вызывает жалость. Дискурсивная практика конструирования персонажа как жертвы актуализируется через уже знакомые нам смыслы: жалость, мученик и узник. Однако к этим смыслам присоединяется новый, вводящий противоречивое отношение к персонажам: затворники не просто узники в физическом смысле, они узники в смысле духовном: узники мракобесия. «МРАКОБЕСИЕ: Взгляды и поведение мракобеса. МРАКОБЕС: Реакционер, враг прогресса, культуры, науки» [СОШ, с. 368]. Соответственно, смысл жертвы, как персонажа, преследуемого врагом, в журналистских текстах возникает, однако по своей интенсивности он значительно уступает дискурсивной практике, конструирующей «Другого» как внутреннего врага. А жертва не вызывает однозначного сочувствия.

На позицию говорящих, конструирующих образ жертвы, встают и сами Затворники:

Дверь открыла старушка в черном. Молча проводила нас в светелку. Недогон от волнения теребил свою редкую козлиную бородку. Левый глаз его наполовину карий, наполовину серый. Но взгляд добрый, без злобы.

*– Я решился на интервью только потому, что чувствую: нас **хотят разлучить!** – заявил он «Известиям». – Приехали двое на машине с черными стеклами. Говорят: собирай своих и по двое в сельсовет для дачи показаний. Я им говорю: «Берите здесь показания». А они: «Там компьютер установлен». А я отвечаю: «Ноутбук на что? Вот розетка! Это мы электричеством не пользуемся. А вам-то можно, наверное... Мы договаривались с начальством местным, что нас **трогать не будут**». – «А эти – местные нам не указ». Я вот заявление написал. **Выражаю протест. Разлучат нас**, потом кто случайно от желтухи помрет, кто под машиной, а кто в психушке! Только присутствие прессы дает надежду.*

– А что произошло с Петром? – спрашиваю. – Следователи говорят: самоубийство...

– Ну, мало ли что говорят, – ухмыльнулся Виталий. – Чурбаком по голове можно себя ударить. Но не семь же раз! Не скрою, он сам просил, чтобы я убил

его. Я отказался. Ведь мы были с ним одно целое. Сейчас он снова со мной – астральная связь налажена. Петр пришел к нам в пещеру летом. И открытку принес. С обратным адресом, но без печати. Она пришла в Беково на имя его тетки. Там было написано «Ты монах скинееретический Максим! **Тебя ждет суд и кара небесная!**» И подпись – уполномоченный по инквизиции иеромонах Тихвинского монастыря Аркамада. Петр плакал и приговаривал: «**Убьют Петра! Убьют Петра!**» <...>

– Я, конечно, там психанул, – продолжает Недогон. – Выстрелил. Каюсь. Ситуация какая была? Переговоририк, мне сверху в трубу говорит: давай казацкие песни петь! Ты казак и я казак. А я слышу, сверлят стену. Чтобы газ пустить. **Чтоб нас на посмешище буддистов или мусульман выставить. Нас и из космоса сверлили. И ультразвуком!** А мы сядем на канистры с бензином **и готовимся поджечь себя, только бы не позор** (Известия, 10.04.08).

Затворники избирают для себя роль жертвы и используют соответствующую дискурсивную практику. Жертве угрожает смерть (кто от желтухи помрет, кто под машиной), возможны убийство, кара небесная, «разлука со своими» (в том числе и заключение в «психушку») или позор. В роли антагонистов выступают внешние «враги» - буддисты и мусульмане, абстрактные «враги» из космоса (почему именно эти персонажи выделяются как враги, говорящий обоснований не дает), а также «инквизиция Тихвинского монастыря», посылающая жертве открытки с угрозами. Однако нелепые обвинения («нас из космоса сверлили», вера в то, что в православном монастыре может быть *отдел инквизиции*), склонность говорящего к неуравновешенному поведению («я психанул») могут создавать для адресата негативный образ говорящего.

Конструируя образ «Другого» как жертвы, журналисты в своих текстах накапливают такие смыслы, при которых жертва не вызывает жалости, сочувствия. Рассмотрим, какие характеристики дают Пензенским Затворникам цитируемые журналистами местные жители:

В селе Никольском нам рассказали, что у предводителя затворников Петра Кузнецова были помощницы, находившие легко внушаемых людей (или тех, у

кого **проблемы в личной жизни**). Вели душеспасительные беседы, пытаясь вовлечь их в свою общину, читали проповеди. Сами «**пропагандистки**» под землю не полезли – и сегодня их **выдворили** из деревни.

– Эти женщины ходили по домам и нас, местных, пытались уговорить вступить в их общину, начать молиться не в обыкновенной церкви, а в их «**молельном доме**». Но мы **Петьку** с детства знаем – ну какой он пророк? А вот те, кто сюда приезжал из разных регионов, казалось, были уже **обработаны**, словно **зомбированы**. Одна из помощниц Петра говорила, что она – психиатр и парapsихолог-экстрасенс, владеет гипнозом. Может, она «**подземельцев**» и **загипнотизировала**? Но мы дружно держались от нее подальше, – рассказывают в деревне.

В данном отрывке прослеживается разделение на «своих» и «других» и снижение образа последних: они – ущербные в моральном и интеллектуальном плане люди; мы держимся от них подальше. Негативное отношение со стороны «своих» передается с помощью слов с оттенком пренебрежительности «Петька», «подземельцы», ироничного «пропагандистки», «молельный дом» (они специально заключены в кавычки, чтобы подчеркнуть, что используются в переносном смысле), негативно-окрашенное «выдворили». Далее негативное отношение к «Другому» частично снимается перечислением фактов мошенничества со стороны идеологического лидера группы затворников:

– Его подчиненные покупали здесь дома. Но так как паспорта свои сожгли, сделки купли-продажи не оформляли. Просто отдавали деньги Петру. А он договаривался с хозяевами домов, им платил. И они свои жилища передавали приезжим. У нас судачили, что Петр цену за жилье сильно завышал. Якобы что-то себе **прикарманивал** и на счета родственникам переводил. У нас говорят, он никакой не сумасшедший, просто прикидывается, – убеждена местная жительница. – А все для того, чтобы уйти от ответственности уголовной, **отсидеться в психушке, скосив под шизофреника**. На самом деле он аферист!

Здесь затворники предстают в образе жертв, которые попались на удочку афериста. Кроме того, в прямой речи местных жителей также присутствуют

попытки создания из образа затворников образа врага. Чуждость подчеркивается к отсылкам к неизвестному «Другому», старающемуся причинить зло «своим», а также тем фактом, что вера затворников не вписывается в каноны официального православия:

*Правда это или нет – разбирается следствие, пока не комментирующее эти догадки. Некоторые в селе считают, что **Петр выполнял чье-то задание из центра.***

*– Петька нам говорил, что у него друзья есть в Москве, которые тоже борются с глобализацией, – говорят никольские. – Они, наверное, ему заплатили, чтобы он людям голову заморочил и загнал их под землю! Он раньше очень набожным был, в реставрации церквей участвовал, но **потом в официальной религии разочаровался.** Попал под чье-то влияние. И сам захотел быть «пророком».*

Такое же отношение к «Другому» как жертве предается и в тексте Владимира Тихомирова «Реалити-шоу “Дом под землей”» (Огонек, №12, декабрь 2007), который нам хотелось бы рассмотреть подробнее. В этом тексте пензенские затворники описываются не просто как православные, а как сектанты в узком религиозном смысле:

*События из этого богом забытого села, где бывший снабженец «Пензенских энергетических сетей» Петр Кузнецов организовал **секту староверов-почвенников**, давно уже превратились в настоящее реалити-шоу. Типа «Дом под землей». Репортажи из оврага, ставшего чуть ли не новым символом России, транслируются ежедневно, что в общем-то легко объяснимо – всем же интересно, как закончится **противостояние.***

Автор указывает, что отношения «Других» и «своих» перешли на стадию противостояния, которое не может окончиться компромиссом, но только полной победой одной из сторон, тем самым актуализируется дискурсивная практика конструирования внутреннего врага через периферийную семантику слова «противостояние». «ПРОТИВОСТОЯНИЕ: Соппротивление действию чего-н., сохраняя устойчивое положение. *П. чьему-н. нажиму* (перен.)» [СОШ, с. 624].

Также автор ссылается на прецедентный текст – скандально известное реалити-шоу «Дом 2». Задача участников данного шоу – любой ценой набрать популярность, чтобы получить «зрительский иммунитет» или «иммунитет от ведущих», которые дают возможность продолжить участие в шоу. Зачастую не так важно проявить собственные эмоции, как оправдать ожидания зрителя. В параллели с «Домом 2» реализуется одна дискурсивная практика конструирования «Другого» как внутреннего врага – создание персонажа-provokatora.

Пока никаких действий не происходит, шоу подпитывается исключительно деталями быта «подземелья». Вот показывают интервью с лидером секты Петром Кузнецовым, который почему-то под землю не пошел, а вместо этого был отправлен в психиатрическую больницу. Или вот подошедшая к вентиляционной шахте восьмилетняя Юлия Недогон из подземелья поведала журналистам, что чувствует себя прекрасно и что на завтрак она ела пшеничную кашу с клубничным вареньем и вкусную лепешку.

В этом абзаце текста автор переходит к рассказу о быте затворников именно в стилистике реалити-шоу, также вводится смысл психической ненормальности «Другого»: лидер затворников отправлен в психиатрическую больницу.

Далее журналист дает достаточно подробное описание быта затворников:

Еще сюжет – об устройстве «пещеры». Оказывается, она вполне комфортабельна – длиной 100 метров, высотой в человеческий рост. Выкопана в глине и известняке, поэтому и не требует подпорок. Зато стены, пол и потолок выложены фанерой и пенопластом – для тепла. В одном конце коридора оборудован колодец с питьевой водой, в другом – туалет. По бокам – кельи на двух-трех человек, есть и специальное хранилище с припасами, крупами, соленьями-вареньями и солидным запасом керосина и газа в баллонах для отопления и приготовления пищи. Словом, продержаться там можно хоть год.

... Между тем на прошлой неделе в селе Никольском грянула новая сенсация – в опустевший молеальный дом Кузнецова пробрались две женщины с тремя детьми и забаррикадировались изнутри. Легли в сосновые гробы и говорят, что

будут ждать конца света здесь. Это ли не мечта любого реалисти-шоу – сменить интерьер, когда старый наскучил? А то, что за кадром – реальные люди, смотрящих и следящих за развитием шоу не волнует.

Как видим, описание со множеством деталей. В принципе, быт в пещере не отличается от быта большинства «своих»: пшеничная каша с вареньем и лепешкой на завтрак, достаточно комфортные условия. И все-таки отличия есть – «свои» не строят жилье под землей и не ложатся в сосновые гробы. Это поведение нетипично, оно – отклонение от нормы, соответственно, дискурсивная практика конструирования персонажа как психически ненормального поддерживается и усиливается дополнительными смыслами.

Журналист не ограничивается описанием самой пещеры и переходит к описанию непосредственно самих затворников, чтобы создать для адресата более полный их образ. Автор указывает возраст и уровень образования затворников:

Мало кто обращает внимание на тот факт, что община «пензенских сидельцев» – это в основном женщины. Под землю ушли две семейные пары – семья Виталия и Веры Недогон с тремя детьми и семья Александра и Инны Вабишевич с семиклассницей Валею и маленькой Леночкой, которой всего год и четыре месяца. Еще там есть двое холостяков. Остальные же – 16 женщин самого разного возраста и профессий. Есть среди них и инженер, и школьный учитель, и микробиолог, и строитель, и бизнесвумен. Самая старшая – 82-летняя Ольга Моргунова, местная жительница из соседнего села Труновское. В общину к Кузнецову пошла самой последней – от одиночества, от того, что от нее отказались все родные и близкие. И в Никольском подземелье она обрела новую семью – у нее теперь 26 детей и внуков, забот полон рот. Все лучше, чем одной дома сидеть да в окошко глядеть.

Как следует из данного описания, затворники – в основном взрослые люди, среди которых преобладают женщины, однако есть два мужчины-холостяка. Это образованные, состоявшиеся люди, которые по тем или иным причинам считают себя «ненужными». В данном случае социальная неустроенность выходит на первый план, заслоняя собой тот факт, что решение затворников уйти в пещеру –

акт их доброй воли, их собственный выбор. Таким образом, используя дискурсивную практику конструирования образа персонажа как жертвы, автор игнорирует нравственный, религиозный смысл поступка затворников. Кроме того, персонажи вновь предстают как люди ущербные, ищущие компенсации в религии. Кто-то вступил в религиозное объединение в поисках «семейного тепла», кто-то ради самоутверждения.

Однако в заключительном абзаце журналист проявляет уважение к чувствам верующих, подчеркивая, что затворники, закрывшись в пещере, ждут от Бога справедливости и изменения мира в лучшую сторону:

За семьей и за детьми пошли в общину и другие женщины, считавшие себя «ненужными» в этой жизни. Они ведь не вселенской катастрофы ждут, не того конца света, после которого — хаос и ничто. Нет, для всякого верующего человека конец света означает иное: Господь наконец вмешается в ход событий и перестроит этот мир заново. Накажет грешников, воздаст праведникам. И подарит этот дивный новый мир своим самым верным чадам. Именно этого события и ждут «катакомбники» в Пензе.

Концовка текста традиционно считается его сильной позицией [См. Майданова, 1987; Лазарева]. Благодаря авторским выводам она концентрирует ключевые смыслы текста. Используя в концовке дискурсивную практику конструирования «Другого» как жертвы (затворники пассивно ждут конца света, перестройки мира, справедливого наказания грешникам и вознаграждения праведникам), журналист делает ее лидирующей практикой в этой публикации. Ироничная номинация «катакомбники» отсылает читателя к раннему периоду христианства, когда все христиане считались сектой, а верующие вынуждены были тайно проводить обряды в римских катакомбах.

Таким образом, мы вновь видим, что, попеременно используя в тексте дискурсивные практики, конструирующие внутреннего «Другого» как врага, психически больного, жертву, журналист конструирует «Другого» как жалкого, но потенциально опасного. Хотя в самом тексте не формулируется, в чем конкретно состоит эта исходящая от «Другого» опасность.

5.3. Дискурсивная практика конструирования Другого как диссидента

И последней практикой, которую мы рассмотрим с точки зрения накопления смыслов, вызывающих амбивалентное отношение, станет дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как диссидента. Это очень интересная, неоднозначная практика. Инаковость, «другость» диссидента отмечается, начиная со словарного определения слова: «ДИССИДЕНТ, (книжн.) 1. Тот, кто откололся от господствующего вероисповедания, вероотступник. 2. Человек, не согласный с господствующей идеологией в стране; инакомыслящий» (БАС, т. 5. с. 122). Амбивалентность «Другого» в данном случае отражается в толковании значения слова: для господствующей идеологии этот внутренний «Другой» будет чужим, возможно даже врагом, а для людей, поддерживающих взгляды «Другого», – «своим», возможно, даже героем.

Мы уже говорили выше, что в журналистских текстах сохраняются оба значения слова «диссидент». В публикациях о Пензенских Затворниках нам удалось найти использование этого слова по отношению к персонажам в первом, книжном значении, как, например, в комментариях А. Кураева:

*Отличие в том, что сектанты взяли на себя дерзость заявить о дате конца света, – говорит А. Кураев. – Кроме того, они ушли в свой затвор, громко обвиняя всех остальных. Мол, мы разочаровались в Патриархе, который не борется с антихристом... Ничего похожего ни Антоний, ни Феодосий Киево-Печерские не делали. Пензенским закопанцам было оказано слишком много чести – и прессой, и властями. А сейчас я очень боюсь, что из этих **диссидентов** сделают героев. Я уже нашёл в интернете сайт в защиту пензенских затворников. Впрочем, этот сайт создан атеистами-антипутинцами (о. Андрей Кураев: «Дождь идет из-за вашего неверия» [Электронный ресурс] // Татьянин день : интернет-издание. 2008. 07 авг. URL: <http://www.taday.ru/text/127955.html> (дата обращения: 11.03. 10)).*

Негативный смысл, вкладываемый говорящим в понятие *диссидент*, поддерживается негативно-оценочными номинациями: *сектанты*, *закопанцы*. То, что говорящий относит диссидентов к врагам, отражается, во-первых, привлечением образа врага (атеисты-антипутинцы), во-вторых, опасением, что из диссидента сделают героя (то есть оценят его положительно), в-третьих, через отрицание схожести поведения Другого с поведением авторитетных «своих», которые могут служить примером для подражания в ситуации, близкой к описываемой (затворники Антоний и Феодосий Киево-Печерский).

Рассмотрим еще один текст: «Православный Адъ в Пензенской области: верующие хотят сжечь себя под землей»

*Что показательно, речь в данном случае идёт не о какой-то злокозненной секте, а о самых что ни на есть **ортодоксальных представителях РПЦ**. ...как бы официальные чины РПЦ **ни пытались откреститься** от своих православных **верующих**, как бы ни пытались свалить вину на содержащегося в психиатрической лечебнице православного фанатика, ясно, что речь идёт именно о православных верующих. Кстати, такие «**православней некуда**» верующие присутствуют в любой православной «общине». Как правило – это самые рьяные верующие, относящиеся к религиозным догматам и текстам не формально, как большинство прихожан, а рьяно следующие евангельским текстам, писаниям святых отцов и проповедям священников. В любом случае, пензенский инцидент должен послужить серьёзным уроком тем, кто занимается систематическим насаждением православия в России (Православный адъ в пензенской области: верующие хотят сжечь себя под землёй [Электронный ресурс] // Атеист. Ру. : аналитический портал. 2007. 21 нояб. URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=1436> (дата обращения: 11.03.10)).*

В процитированном фрагменте журналист включает в группу «Других» не только затворников, но и православных вообще, просто верующих и тех, кто поддерживает идеи православия («верующие», «православней некуда», «те, кто занимается насаждением православия в России»). Негативное отношение к «Другим» выделяется сразу в заголовке («Православный адъ в Пензинской

области)), причем дореволюционный «Ъ» на конце слова, скорее всего, должен подчеркнуть некую архаичность происходящего.

Несмотря на то, что автор формально разводит понятия «злокозненная секта» и «ортодоксальное православие», в общем контексте он их объединяет. В данном тексте «Другой» конструируется как «диссидент» через семы, составляющие понятийное содержание: отколовшийся от господствующего вероисповедания. Автор ссылается на то, что представители Русской Православной церкви пытались *откреститься* («всякими способами уклониться, отказаться» [СОШ, с. 472]) от затворников, но все-таки затворники – православные верующие и действуют в рамках религиозных догматов именно русской православной церкви, хоть и идут наперекор официальным чинам РПЦ.

К слову, большинство исследованных текстов принадлежат журналистам, которых мы условно называли «атеистами», так как, если опираться на смыслы, содержащиеся в текстах, авторы не разделяют религиозных идей в целом и идей затворников в частности. Однако на общем фоне выделяется текст Валерия Филимонова «Информационная Погановка» (Информационная Погановка [Электронный ресурс] // Credo.ru. : информ.-аналит. портал. 2008. 14 дек. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=701> (дата обращения: 11.03.10)).

Основная мысль текста в том, что люди, ушедшие в пещеру в Пензенской области, не «сектанты», а православные борцы «за право жить без ИНН», т.е. в каком-то смысле диссиденты, так как официально православная церковь не призвала паству отказаться от документов. Сам автор поддерживает идеи затворников и оценивает их действия как положительные. И этот пример, на наш взгляд, иллюстрирует проявление амбивалентного отношения к «Другому»:

Это не «сектанты», а искренне верующие православные, не подозревавшие, что их используют в большой провокационной игре, так же, как и возмнившего себя «пророком» Петра Кузнецова.

«Сектанты», «религиозные фанатики», «люди, которые выступают против прогресса», «избавляются от всего, что связано с цифрами», «питают ненависть к налоговым номерам и паспортам», «раздувают истерию по поводу

*глобализма» — каких только эпитетов только не удостоились **противники построения всемирной тоталитарной технотронной диктатуры!***

Автор указывает, что негативный образ отшельников СМИ создавали намеренно, привлекая дискурсивную практику конструирования врага:

*Наконец стало совершенно очевидным, что вся работа печатных и электронных СМИ направлена на **формирование крайне негативного общественного мнения** в отношении людей, законно протестующих против встраивания России в систему «нового мирового порядка».*

*Словно **выстрелы из крупнокалиберного пулемета**, били по сознанию читателей и зрителей титры и заголовки: «Секта, секта, секта...». Статьи и репортажи в основном строились в форме мрачных «экспертных оценок» и изложения слухов.*

Сегодня же важно заявить о том, что огульному шельмованию со стороны прокремлевских СМИ и небезызвестных «экспертов» подверглись миллионы верующих людей, которые в рамках правового поля уже много лет ведут борьбу за свою богоданную свободу, законные права и национальную безопасность государства российского.

Интолерантность по отношению к «врагу» передается сравнением заголовков статей с «выстрелами из крупнокалиберного пулемета». Автор подчеркивает, что в основном публикации о затворниках были основаны на слухах, то есть являются недостоверными, и намеренно были эмоционально негативно окрашены («мрачные оценки»). Сомнительность авторитета лиц, привлеченных в качестве экспертов, автор подчеркивает через заключение в кавычки словосочетания *экспертные оценки*.

Отдельного внимания заслуживает подчеркнутая автором смена средствами массовой информации названия населенного пункта, возле которого отшельники вырыли свою пещеру:

*Село Никольское, названное в честь и память особо почитаемого на Руси угодника Божия Николая-чудотворца, кормящиеся пером борзописцы беспардонно переименовали в **Погановку**. Почему? Так легче достичь нужного*

*пиар-эффекта, работая с массовой аудиторией. **Поганый – нечистый, скверный, презренный, отвратительный, гадкий** – именно такие определения дает Толковый словарь русского языка.*

Итак, являясь диссидентами по отношению к официальному православию, затворники воспринимаются практически всеми СМИ негативно: их обозначают при помощи негативных номинаций и приписывают им негативные характеристики. Причем приписываются они как представителями Русской православной церкви, так и светскими, судя по тону публикаций, журналистами.

Что касается дискурса об Алексее Дымовском, то ему тоже приписывалась роль «диссидента», но уже во втором значении этого слова.

Видеообращение Алексея Дымовского и его попытка защитить свои права находятся в русле представлений о деятельности политических диссидентов. Вот как характеризуют диссидентов советского времени А. Генис и П. Вайль: «Правовая оппозиция оказалась самой действенной, потому что была конкретной и внятной: надо требовать от государства соблюдения его собственных законов. В идее, впервые выдвинутой Александром Есениным-Вольпиным, был тактический смысл: нельзя требовать слишком много, пусть власть сначала научится применять свои законы, а потом можно будет перейти к их изменению...» [Цит по Вайлю, с. 177].

Почему мы находим основания для «причисления» новороссийского майора к группе диссидентов? Во-первых, потому что он попытался открыто отстоять свои права, гарантированные ему государством (подробно мы рассмотрели реализацию этого смысла в параграфе, посвященном дискурсивной практике конструирования персонажа-«помощника»), а во-вторых, А. Дымовский в итоге начал заниматься правозащитной деятельностью, открыл специальный сайт <http://dymovskiy.ru/>, посвященный коррупции в МВД, и зарегистрировал общественное движение «Белая лента» по противодействию нарушениям в правоохранительной системе⁶.

⁶ Напомним, что несколькими годами позже по тому же пути – открытию сайта для общественного обсуждения экономических преступлений – пошел А. Навальный. А белая ленточка стала символом оппозиции.

Диссиденты – это особая группа Других внутри «своих». Они не являются врагами в прямом смысле, так как не разрушают существующую систему. П. Вайль и А. Генис в своих мемуарах о 60-х пишут: «... целью (диссидентства – прим. О. А.) и было средство – свободное поведение, создание прецедента, формирование общественного мнения. Но это уже и есть идея – нравственная оппозиция. Каясь и идя на жертву, диссиденты ни к чему не призывали, но являли пример» [Там же, с. 178].

Таким образом, к уже выявленным смыслам, формирующим дискурсивные практики конструирования героя и врага, может подключаться дискурсивная практика конструирования персонажа-жертвы, так как диссиденты все-таки не включаются в круг «своих». Советское общество в целом не признавало их и включало в группу «ненормальных»: «Советские психиатры были, в общем-то, правы, утверждая ненормальность этих людей. Они в той же мере психически отклонены от нормы, как поэты или религиозные подвижники. Не является и не может являться нормой творчески насыщенная жизнь, достигающая пика в привлекательном мученичестве подвига» [Там же, с. 179].

Сходные черты обнаружились и у нашего персонажа, если судить по сообщениям СМИ. Во-первых, смысл «диссидент» актуализируется в текстах соответствующей лексемой, служащей вторичной номинацией для персонажа:

*Как заявил лидер движения «За права человека» Лев Пономарев, 6 марта в 14.00 в Москве на Триумфальной площади состоится митинг за коренную реформу МВД, а также в защиту **диссидентов** внутри правоохранительных органов. Его участники выступят в поддержку опального новороссийского майора **Алексея Дымовского** и бывшего заместителя прокурора Ухты **Григория Чекалина** (Оппозиция сравнивает реформу МВД с бульдогом, которому рубят хвост по кусочкам [Электронный ресурс] // Новый Регион. : информац. агентство. 2009. 19 нояб. URL: <http://www.nr2.ru/moskow/271989.html> (дата обращения: 11.03.10)).*

В приведенном примере мы видим, что номинация «диссиденты» присваивается А. Дымовскому и Г. Чекалину, который тоже выступил с

видеообращением о коррумпированности МВД вслед за новороссийским майором. Однако понятийное содержание слова в этом контексте трансформируется. По словарному определению, «диссидент» – это «человек, не согласный с господствующей идеологией в стране», а в этом контексте – человек, не согласный с господствующей идеологией внутри отдельной структуры. То есть происходит семантическое сужение понятия.

Одна из важнейших характеристик диссидента – ведение правозащитной деятельности, это подтверждает и наш материал:

*В декабре 2009 года Дымовский объявил о создании **правозащитного** движения «Белая лента». По сведениям «Интерфакс», новая организация к тому моменту уже имела три отделения – в Санкт-Петербурге, Новороссийске и Краснодаре. Новороссийский филиал «Белой ленты» возглавил сам Дымовский (Дымовский как бренд [Электронный ресурс] // Интерфакс. : информац. агентство. 2010. 24 февр. URL: <http://www.interfax.ru/russia/125070> (дата обращения: 11.03.10)).*

В следующем примере смысл «правозащитник» дополняется смыслами, также входящими в семантическое поле понятия «диссидент» и связанными с ролью «жертвы системы» – это оценочно окрашенное словосочетание «карательная медицина» и ироническое прецедентное словосочетание «прелести сталинизма». Эти смыслы служат характеристиками для вредителя-антагониста, преследующего «жертву»-диссидента А. Дымовского. Вредитель в данном контексте неизвестен, автор его не называет.

*Бывшего сотрудника новороссийской милиции Алексея Дымовского, возможно, скоро освободят на радость российской общественности, особенно **правозащитников**, узревших в этом случае симптом возвращения к **карательной медицине** и прочим **прелестям сталинизма** (Там же).*

В приведенном ниже фрагменте через характеристики персонажа актуализируются дополнительные смыслы: свободного поведения, жертвы, подвига, свободного творчества:

*В заключении опальный майор Алексей Дымовский занялся творчеством. В тюрьме он начал писать «Записки пленного» и передавал их на волю. Правда сейчас у него администрация СИЗО их отобрала. ...Сейчас же, по словам его последователей, Алексей Дымовский **терроризирует** администрацию СИЗО тем, что объявляет голодовку по любому поводу, за любое нарушение – **свои права** заключенный экс-майор прекрасно знает и **умеет отстаивать** (Дымовский стал писателем [Электронный ресурс] // Новый Регион. : информац. агентство. 2010. 20 нояб. URL: <http://www.nr2.ru/moskow/271619.html> (дата обращения: 11.03.10)).*

*Одной из главных новостей прошлой недели стало скандальное видеообращение майора милиции из Новороссийска Алексея Дымовского к Владимиру Путину. **Бунт**, который еще совсем недавно вполне системный милиционер устроил в МВД, **может повториться** и в других властных структурах... Однако до Дымовского никто не решался **выступить открыто**. Очевидно, поэтому видео моментально вызвало огромный резонанс как в интернете, так и в традиционных СМИ – многие блогеры и журналисты восторгались смелостью милиционера... **Репрессии** же против майора **продолжились**. Своими действиями милицейские начальники только поспособствовали созданию вокруг Дымовского **ореола мученика**, и когда во вторник он не без приключений добрался до Москвы (по словам майора, путь ему не раз пытались преградить сотрудники ГИБДД и он был вынужден сменить несколько автомобилей), его встречали десятки журналистов, фото- и телекамер (Коммерсант-Власть, №45, 16.11.09).*

Рассуждая о диссидентах, П. Вайль и А. Генис писали: «Инакомыслящий стал общественной фигурой. Если раньше пределом гражданственной честности было неучастие, то теперь от порядочного человека потребовалось слово. Если раньше общественное мнение выражалось в лучшем случае в заговоре молчания, то теперь оно обрело язык. Новый принцип – слово вместо молчания – стал главной заслугой диссидентства. Общество уже не могло быть таким же, как прежде: нельзя разучиться говорить» [Вайль, с. 181]. Приведенные выше отрывки из статей в «Коммерсанте» и «Новом регионе» показывают, как смыслы

«смелость», «репрессии», «опальный», словосочетания «ореол мученика», «открытое выступление», относящиеся к дискурсивным практикам «герой», «жертва» и «помощник», переплетаясь между собой, конструируют особого «Другого» – «Другого»-диссидента. Однако содержащаяся в тексте семантика потенциальной опасности (*терроризирует, бунт может повториться*), все же связывает с «Другим» негативные смыслы.

Возможно, негативные коннотации, накопленные вокруг диссидентства за годы советской власти, привели к тому, что современные «диссиденты» предпочитают другое название – правозащитники: «...сами диссиденты неохотно называли себя так, предпочитая дословный перевод – «инакомыслящие». Это было все же теплее чужеродного звучания с присвистом: «диссидент». В литературоцентристском российском обществе эти нюансы имеют значение. Потому и слово «инакомыслящие» тоже не вызывает очень уж положительных эмоций, как любое слово с отрицанием и противопоставлением... Название «правозащитники» оказалось удачнее – в нем звучала «правота» [Там же, с. 176].

Подведем итоги. В дискурсе СМИ фиксируются практики, конструирующие «Другого» как персонажа, вызывающего амбивалентное отношение: и положительное, и отрицательное в зависимости от идеологического контекста и ряда других коннотаций.

Одной из таких практик является дискурсивная практика «самопрезентации». Когда адресат оценивает прямую речь персонажа, у него может возникнуть отрицательное отношение к нему, несмотря на общие положительные смыслы, содержащиеся в самой речи. В этом контексте практика конструирования персонажа как героя может сближаться с практикой, конструирующей лже-героя.

Дискурсивную практику, конструирующую персонажа как жертву, тоже можно отнести к амбивалентным. С одной стороны, персонаж-жертва вызывает сочувствие, жалость. С другой стороны, журналисты могут подбирать такие смыслы, при которых жертва не вызывает жалости, предстает в образе ущербного в моральном и интеллектуальном плане человека, потенциально опасного.

Третьей дискурсивной практикой, вызывающей амбивалентное отношение к персонажу, мы выделили практику, конструирующую «Другого» как диссидента. Амбивалентность «Другого» в данном случае отражается значением самого слова. Для господствующей идеологии этот внутренний «Другой» будет «чужим», возможно, даже «врагом», а для людей, поддерживающих взгляды «Другого» – «своим», возможно, даже «героем». В дискурсе СМИ фиксируются оба значения слова «диссидент». 1. Тот, кто откололся от господствующего вероисповедания, вероотступник. 2. Человек, не согласный с господствующей идеологией в стране; инакомыслящий». Практики конструирования «Другого» как диссидента могут дополняться практиками «герой», «жертва» и «помощник».

Заключение

Рост интереса к изучению дискурса СМИ как одного из дискурсов масс-медиа, а также потребность в комплексном изучении механизмов конструирования Другого как социально значимого персонажа обусловлены важнейшей ролью СМИ в формировании массового сознания. Проблема конструирования «Другого» как персонажа медиатекста имеет не только теоретическое, но и практическое значение – необходим поиск средств снижения социальной агрессии, мер по ее профилактике. Анализ дискурсивных практик позволяет осуществить деавтоматизацию стереотипных приемов конструирования «Других» различного типа, продемонстрировать шаблонные приемы воздействия на аудиторию.

Проблема конструирования реальности в СМИ активно изучается в современной теории журналистики и смежных дисциплинах. Дискурсивный подход к выявлению механизмов социального конструирования на уровне персонажей СМИ – актуальный выбор из ряда методов исследования массовой коммуникации.

Другой подробно изучен как категория философии и других социальных наук, на сегодня исследователями выявлены исторические типы Других, описаны роли Другого в развитии общества и в процессе коммуникации. Несмотря на это мы считаем, что исторически сложившиеся разновидности Других присутствуют в дискурсе современных российских СМИ, но не получили пока подробного изучения и описания.

Изучение «Другого» в медиадискурсе возможно на основе методов исследования практик конструирования персонажа в публицистических текстах. Важной составляющей характеристики персонажей являются их сюжетные роли. Они подробно описаны на материале мифов, фольклора, однако недостаточно изучены применительно к медиатекстам и требуется изучение ролей «Другого», связанных с функциями этого персонажа в медиатекстах.

Специфика текстов о «Другом» в СМИ предполагает, что выбор персонажа сделан на основе его инаковости в том или другом отношении, это условие задается изначально, на уровне информационного повода публикации. То есть сначала находят «Другого», а потом аргументируют его инаковость тем или иным способом. Конструирование персонажей – это практики конструирования *смыслов*. У выявленных в ходе анализа смыслов могут быть повторяющиеся лингвистические маркеры (слова с определенной семантикой), но практика не состоит в использовании набора маркеров, смысл – всегда первичен.

В ходе исследования нами была выработана методика анализа практик конструирования «Другого» как персонажа медиадискурса и выявлены типы «Других», характерные для современных российских СМИ. Методика анализа в данной работе опирается на концепции критического дискурс-анализа как части комплекса дискурсивных подходов к исследованию текстов, в том числе медийных.

Анализ осуществлялся в два этапа. Первоначальной задачей было – рассмотреть два случая конструирования «Другого» как персонажа с неопределенным статусом. В ходе исследования публикаций об этих персонажах был выявлен набор типичных практик конструирования «Другого».

Алексей Дымовский оказался «Другим» в милицейской среде именно потому, что он выступил против коррупции. Следовательно, милиционер, покрывающий злоупотребления и коррупцию в собственном ведомстве, негласно принимается за норму. Пензенские Затворники – религиозная группа, впервые за долгое время оказавшаяся в центре общественного внимания. Анализ эмпирического материала показал, что в СМИ на момент развития ситуации преобладало интолерантное отношение к искренней религиозности, а логика веры в трансцендентное, во власть Бога подверглась критике и осмеянию. В целом же можно сказать, что переплетая в тексте дискурсивные практики, преимущественно конструирующие «Другого» как врага, психически больного, жертву, дурака, жертву журналисты конструируют персонажа как жалкого, но потенциально опасного. Однако внезапность и неоднозначность ситуаций,

возникших вокруг Пензенских Затворников и майора Дымовского, препятствует однозначным оценкам персонажей, и параллельно конструированию их негативных образов функционируют дискурсивные практики, конструирующие тех же персонажей как героев, помощников или диссидентов.

Наличие в текстах СМИ множества мнений, иногда диаметрально противоположных, оставляет адресату свободу выбора в оценке ситуации и формировании отношения к персонажу.

На втором этапе мы расширили круг изучаемых текстов для более тщательного анализа практик, которые были мало или совсем не представлены в публикациях об А. Дымовском и Пензенских Затворниках. После этого осуществлялось детальное описание практик конструирования разных типов «Других» в российском медиадискурсе.

Таким образом, эмпирическим путем выделяются три группы дискурсивных практик, конструирующих «Другого» как персонажа текстов СМИ: практики отрицательно-оценочной направленности; практики, несущие положительную оценку персонажей; практики, амбивалентные в оценочном отношении.

Мы выявили, что дискурсивные практики конструирования «Другого» как внешнего врага актуализируют смыслы потенциальной опасности, исходящей от «Другого» как «вражеского агента». «Другой» представлен как потенциальная угроза стране, существующему политическому строю и т.п. Часто публикуются подозрения и догадки при отсутствии фактов очевидных враждебных действий.

Для конструирования «Другого» в текстах СМИ широко привлекается дискурсивная практика конструирования «внутреннего врага», она реализуется, прежде всего, через лексику тематической группы «война». «Другой» предстает в контексте как предатель, провокатор или преступник, для описания персонажа или его действий подключаются слова со смыслами опасности, причинения вреда.

«Другой», которого оценивают положительно, конструируется как внешний или внутренний помощник. Несмотря на то, что внешний «Другой» предстает территориально чужим, он как помощник не угрожает стабильности и безопасности «своих» («наших»), а, напротив, способствует их развитию и

процветанию. Это непосредственный партнер (коллега, союзник, волонтер, член команды). Он конструируется как важный, дружественно настроенный персонаж, чья помощь необходима для решения внешних и внутренних государственных проблем России. Эта роль «Другого» в СМИ подробно не прорабатывается, практика конструирования помощника типична для информационных сообщений на разные темы в международном контексте, изображение «Другого» стереотипно положительно – в рамках дипломатической вежливости и дежурной толерантности.

Бог-помощник – еще одна разновидность внешнего «Другого». Он присутствует в публицистических текстах не только на религиозную тематику. В публикациях персонажу приписываются только положительные характеристики, практически все они заимствуются из религиозного дискурса (бог любит людей, он всемогущ, совершает чудеса, является воплощением абсолютной нормы).

«Другой» в роли «внутреннего» помощника в дискурсе СМИ конструируется как необходимый, хотя часто и не вызывающий симпатии персонаж. Например, он привлекает внимание к ряду актуальных и значимых для общества проблем, принося тем самым пользу.

К несущим однозначно положительную оценку практикам конструирования «Другого» как медиаперсонажа относится приписывание ему роли героя. «Другого» наделяют чертами, свойственными традиционному герою: борьба с вредителем-антагонистом, борьба за справедливость, охрана национальных традиций и способность завоевывать любовь народа, преданность отечеству, своему народу, способность возглавить народ. Относительно «Других» в СМИ эта практика функционирует очень ограниченно.

В дискурсе СМИ также фиксируются практики, конструирующие «Другого» как персонажа, вызывающего амбивалентное отношение. Одна из таких – «самопрезентация» персонажа с помощью прямой речи. Когда адресат имеет возможность оценить прямую речь персонажа, у него может возникнуть отрицательное отношение к нему, несмотря на общие положительные смыслы, содержащиеся в самой речи, и тогда практика конструирования персонажем

самого себя как героя может сближаться с практикой, конструирующей лже-героя.

Дискурсивную практику, конструирующую персонажа как жертву, тоже можно отнести к амбивалентным. С одной стороны, персонаж-жертва вызывает жалость. С другой стороны, журналисты могут подбирать такие смыслы, при которых жертва предстает в образе ущербного в моральном и интеллектуальном плане человека, потенциально опасного.

Наконец, вызывает амбивалентное отношение к персонажу-«Другому» конструирование его как диссидента. Для власти и поддерживающих ее адресатов этот внутренний «Другой» будет «чужим», возможно, даже «врагом», а для людей, разделяющих взгляды «Другого» – «своим», возможно, «героем». В дискурсе СМИ фиксируются оба значения слова «диссидент» (вероотступник и инакомыслящий). Для конструирования «Другого» как диссидента могут привлекаться (и переплетаться между собой) практики «герой», «жертва» и «помощник».

Важным выводом исследования стало то, что в ситуациях, когда «Другой» появляется как персонаж с неопределенным статусом, типично одновременное использование пестрого набора практик конструирования этого персонажа, наделения его фигуры социально значимым смыслом. Прежде всего, эти практики объединяет накопление негативно-оценочной семантики. Важно подчеркнуть, что в оперативном режиме конструирования персонажа он не характеризуется однозначно, его образ противоречив. Необходимость оперативно комментировать неясную ситуацию и персонажей неопределенного статуса нередко порождает противоречивые тексты. При этом каждая выделенная нами практика сама по себе обладает смысловой определенностью и имеет традицию употребления и в художественной литературе, и в публицистике. Мы находим традиционные смыслы, а элементы, их означающие, могут быть очень разными, находящимися в актуальной связи с текущим моментом.

При более детальном рассмотрении мы видим, что способы конструирования персонажа вписывают Другого в структуру социума тем или

иным образом в зависимости от идеологических пристрастий издания или конкретного автора.

Библиография:

Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы [Текст] / А. Н. Аверьянов. М.: Политиздат, 1985. – 263 с.

Автохутдинова О. Ф. Дискурс политической интолерантности в региональных СМИ в период выборов [Текст] // Известия Уральского университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 22. 2007. №52. – С. 113–124.

Автохутдинова О.Ф. Дискурсивные практики в предвыборных текстах СМИ [Текст] // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации / Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – М . : Факультет журналистики МГУ имени М.В.Ломоносова, 2012. С. 18-19.

Аграновский В. А. Ради единого слова. (Журналист о журналистике) [Текст] / В.А. Аграновский. – М.: Мысль, 1978. – 168 с.

Аристотель. Политика [Текст] // Аристотель. Соч.: В 4 т. Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1976–1984. Т. 4. – С. 375–644.

Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Этика профессии: миссия кодекс, поступок. [Текст] / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. – 378 с.

Балынская Н. Р. Журналистика в политическом процессе. [Текст] / Н. Р. Балынская. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 165 с.

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов [Текст] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. – МГУ, 1987. – С. 387–422.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: [Текст] Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

Барт Р. Мифологии [Текст] / Р. Барт. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 2000. – 320 с.

Барт Р. S/Z [Текст] / Пер.с фр. Г. К. Корсикова и В. П. Мурат. Под ред. Г. К. Корсикова. – 3-е изд. – М. : Академический Проект, 2009. – 373 с.

Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие [Текст] / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова Ин-т «Открытое о-во». – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 255 с.

Бауман З. От паломника к туристу [Текст] // Социологический журнал. 1995. №4. – С. 133–154.

Бахтин М. М. Работы 20-х годов [Текст] / М. М. Бахтин. – Киев: «Next», 1994. – 384 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. - М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания [Текст] // Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 311–319.

Белошапкова Т. В. Речеведение и когнитивно-дискурсивная парадигма речеведческого знания [Текст] // Речеведение: современное состояние и перспективы. Материалы междунар. науч. конференции. – Пермь.: Пермский гос. ун-т, 2010. – С. 25–30.

Бергер П. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-Центр : МЕДИУМ, 1995. – 323 с.

Бережная М. А. Алгоритм освещения социальных проблем на телеэкране [Текст] / М. А. Бережная // Журналистика и массовые коммуникации. Проблемы образования, науки и культуры. 2009. – № 1. – С. 20–35.

Бисималиева М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» [Текст] //Филологические науки. 1999. №2. – С. 78–85.

Богданова Е. Л. Я и Другой: диалог или конфронтация [Текст] // Личность в парадигмах и метафорах. Ментальность. Коммуникация. Толерантность. / Под ред. В. И. Кабрина. / Томск, 2002. – С. 192–202.

Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов [Текст] / В. В. Богуславская. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака [Текст] / Пер. с фр. Д. Калечкин. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.

Бодрийяр Ж. Система вещей [Текст] / Пер. С. Зенкина. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.

Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл [Текст] / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление) [Текст] / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика [Текст] / И. Н. Борисова. – Екатеринбург: Урал ун-та, 2001. – 408 с.

Бубер М. Я–ты [Текст] // Два образа веры : Пер. с нем. / Под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. – М. : Республика, 1995. С. 16–92.

Бурдые П. О телевидении и журналистике [Текст] / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; Отв. ред., предисл. Н. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.

Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Методы и технологии информационных войн [Текст] / В. В. Цыганов, С. Н. Бухарин. – М. : Академический проект, 2007. – 336 с.

Вайль П. 60-е. Мир советского человека [Текст] / П. Вайль, А. Генис. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 368 с.

Валгина Н. С. Теория текста [Текст] / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 312 с.

Вартанова Е. Л., Ажгихина Н. И. Диалоги о журналистике [Текст] / Е. Л. Вартанова. – М. : Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. – 96 с.

Вартанова Е. Л., Ткачева Н. В. К вопросу о концепции социальной ответственности СМИ в контексте информационной безопасности [Текст] / Е. Л. Вартанова, Н. В. Ткачева // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 5. – С. 7–18.

Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху [Текст] / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.

Винокур Г. О. Культура языка [Текст] / Г. О. Винокур. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.

Ворошилов В. В. Журналистика: Конспект лекций [Текст] / В. В. Ворошилов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – 64 с.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: Нов. лит. обозрение, 1996. – 352 с.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики [Текст] // Энциклопедия философских наук: В 3 т., 1975. – Т.1. – 452 с.

Гоббс Т. О гражданине [Текст] // Гоббс Т. Соч.: В 2 т., 1989. – Т. 1. – 622 с.

Гудков Д. Б. Коннотации и символические значения единиц вербальных культурных кодов [Текст] // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. науч. тр. / МГУ. – М., 2004. – С. 115–116.

Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема элиты в современной России: Размышления над результатами социологического исследования [Текст] / Л. Д. Гудков. – М. : Фонд «Либеральная миссия». 2007. – 372 с.

Гудков Л. Д. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции [Текст] // Образ врага / сост. Л. Д. Гудков, ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005. – С. 7–79.

Гудков Л. Д. Негативная идентичность [Текст] / Л. Д. Гудков. – М.: НЛО, 2004. – 816 с.

Гурочкина А. Г. Понятие дискурса в современном языкознании / А. Г. Гурочкина [Текст] // Номинация и дискурс: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Л. А. Манерко. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. – С.12–15.

Гуссерль Э. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль; Пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб. : Наука : Ювента, 1998. – 315 с.

Гуссерль Э. Логические исследования [Текст] // Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль ; [сост., подгот. текста и примеч. О. А. Сердюкова ; предисл. Льва Шестова]. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – 357 с.

Данилов С. Ю. Проработка и дебаты: коммуникативные практики идеологического взаимодействия [Текст] // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Коллективная монография. Екатеринбург. Изд-во УрГУ, 2004. – С. 346–363.

Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации [Текст] / А. А. Данилова. – М. : «Добросвет», 2009. – 234 с.

Делёз Ж. Логика смысла [Текст] / Ж. Делёз; пер. с фр. Я. И. Свирский. – М.: Издательский Центр Академия, 1995. – 298 с.

Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без другого [Текст] // Социологос. 1999, №1. – С. 88–102.

Демократия: конфликтность и толерантность [Текст] / Под. ред. В. С. Рахманина. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2002. – 402 с.

Деррида Ж. Позиции [Текст] / пер. с фр. В. В. Бибихина. – М. : Академический проспект, 2007. – 160 с.

Дискурсивные практики СМИ: проблемы информационной безопасности. Монография [Текст] / под общ. ред. Э. В. Чепкиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 308 с.

Диспозиция «свой – чужой» в культуре: монография [Текст] / В. В. Варава, В. С. Рахманин, А. В. Глухова и др.; отв. ред. А. С. Кравец. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. – 257 с.

Дзялошинский И. М. Культура, журналистика, толерантность (о роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма) [Текст] // Мы – сограждане (СМИ и общество). – М., 2002. – С. 176–224.

Дзялошинский И. М. Культура, журналистика, толерантность [Текст] // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, 21–22 дек. 2001 г. – Екатеринбург, 2002. – С. 15–38.

Дзялошинский И. М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху [Текст] / И. М. Дзялошинский. – М. : Восток, 1996. – 302 с.

Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – М. : КДУ, 2008. – 116 с.

Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России [Текст] / Л. М. Дробижева. – М. : ИС РАН, 2003. – 376 с.

Дубин Б. а. Нарциссизм как бегство от свободы [Текст] // Ведомости. №3661. 2014. 27 авг.

Дубин Б. б. Три стремления большинства россиян [Текст] // Ведомости. №3654. 2014. 21 авг.

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация: модели влияния. Как формируется «повестка дня»? [Текст] / Е. Г. Дьякова. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – 132 с.

Дымарский М. Я. Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) [Текст] // Проблемы функциональной грамматики:

Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб. : Наука, 2000. – 346 с.

Енина Л. В. Оппозиция «провинция–столица» в журналистском тексте [Текст] // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллект. моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003 – С. 228–240.

Енина Л. В. Представители власти в текстах уральских СМИ: вражда и согласие [Текст] // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллект. моногр. / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 233–244.

Енина Л. В. Этническая толерантность в отражении уральских газет [Текст] // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллект. моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 152–155.

Ермакова О. П. Толерантность и проблемы коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллект. моногр. [Текст] / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 60–72.

Засурский И. И. Реконструкция России (Масс-медиа и политика в 90-е) [Текст] / И. И. Засурский. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 288 с.

Засурский Я. Н. Актуальные проблемы журналистики [Текст] / Я. Н. Засурский. – М., 1997. – 114 с.

Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990–2004 [Текст] / Я. Н. Засурский Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. журналистики. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 456 с.

Засурский Я. Н., Колесник С. Г., Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Журналист: российско-американские социологические исследования [Текст] / под общ. ред. Я. Н. Засурского – М., 1998. – 80 с.

Здравомыслов А. Г., Федотова В. Г. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях [Текст] / А. Г. Здравомыслов. – М., 1994. – 245 с.

Зиновьев И. В. Средства массовой информации и коммуникации в Интернете [Текст] / И. В. Зиновьев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 320 с.

Ильин В. В. Постклассическое обществознание: каким ему быть? [Текст] // Социологические исследования. 1992, №10, – С. 37–43.

Ильин И. П. Персонаж [Текст] // Современное зарубежное литературоведение: Страны Зап. Европы и США : Концепции, школы, термины : Энцикл. справ. / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам науч. ред. и сост.: И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. – М. : Интрада, 1996. – 317 с.

Ильина О. В. Практики конструирования образа персонажа в прессе: между тождественностью и самостью [Текст] / О. В. Ильина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – № 2 (101). – С. 60-64.

Иссерс О. С. Доминанты новых дискурсивных практик современной русской речи [Текст] // Речеведение: современное состояние и перспективы. Материалы междунар. науч. конференции. – Пермь. : Пермский гос. ун-т, 2010. – С. 47–53.

Иссерс О. С. Семантическая категория «свой круг» в аспекте речевого воздействия (на материале политического дискурса) [Текст] // Актуальные проблемы русистики. Тезисы докладов. Екатеринбург. 1997. – С. 224–225.

Истомина И. А. Современная православная проповедь: стилистическая и прагматическая специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / И. А. Истомина ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 24 с.

Кантемиров Е. В. Проблема Другого в современном обществе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 [Текст] / Е. В. Кантемиров Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Защищена 04.06.18. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 24 с.

Казаков Ю. В. Информационная безопасность vs информационная открытость [Текст] // Дискурсивные практики СМИ: проблемы информационной

безопасности: монография / [Э. В. Чепкина, Ю. В. Казаков, Л. М. Майданова и др.] под общ. ред. Э. В. Чепкиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 11–45.

Казаков Ю. В. Между «что делать...» и «что делать?»: пресса и общество в ситуации повышенного риска [Текст] // Мы – сограждане (СМИ и общество). – М., 2002. – С. 386–420.

Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Академический проект, 2007. – 384 с.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. М. : Изд-во «Эксмо», 2006. – 832 с.

Карасик В. И. О категориях дискурса [Текст] // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. – Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. – С. 185–197.

Карасик В. И. Структура институционального дискурса [Текст] // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – С. 25–34.

Карасик В. И. Язык социального статуса [Текст] / И. В. Карасик. М. : Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. Изд. 2-ое. – М. : Едиториал, 2002. – 264 с.

Качанов Ю. Л. Практическая топология социальных групп [Текст] // Socio–Logos, 1996. М. : Socio–logos, 1996. – С. 116–120.

Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения [Текст] / М. Н. Ким. – СПб.: Наука, 2001. – 320 с.

Кемеров В. Е. Методология обществознания [Текст] / В. Е. Кемеров. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – 164 с.

Керимов Т. Х. Гуманитаризация обществознания и проблема Другого [Текст] // «Другой» в пространстве коммуникации. Сб. науч. статей, Казань.: Казанский гос. ун-т., 2007. – С. 7–21.

Керимов В. Е., Чепкина Э. В. Методологические основания исследования толерантности в дискурсе СМИ [Текст] // «Другой» в пространстве коммуникации. Сб. науч. статей, Казань.: Казанский гос. ун-т., 2007. – С. 160–181.

Клушина Н. И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения) [Текст] // Язык СМИ и политика. – М., 2011. – С. 262-283.

Клушина Н. И. Дискурс и стиль: социальное и эстетическое измерение текста [Текст] // Stylistyka - Poland (Opole), №23. – С.113-120.

Ковалева М. М. Отечественная журналистика: вопросы теории и истории : Сб. ст. [Текст] / М. М. Ковалева. – Екатеринбург, 2000. – 108 с.

Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста [Текст] / Отв. ред. Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1979. – С.49–67.

Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций [Текст] // Текст – Дискурс – Стиль: Сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 9–33.

Козина И. М. Casestudy: некоторые методические проблемы [Текст] // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1997. № 10-11. – С. 177-190.

Коньков В. И. Речевая структура газетного текста [Текст] / В. И. Коньков. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 158 с.

Корконосенко С. Г. Журналистика и массовая коммуникация: не вместо, а вместе [Текст] // Медиа-дискурс. 2006. № 1. – С. 6–7.

Корконосенко С. Г. Основы журналистики [Текст] / С. Г. Корконосенко. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 287 с.

Косериу Э. Современное положение в лингвистике [Текст] // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и языка, Т. 36. – № 6. – 1977. – С. 514–521.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В. Г. Костомаров. – СПб. : «Златоуст», 1999. – 320 с.

Кочесоков Р. Политическая корректность как средство формирования религиозной толерантности [Текст] // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М.: Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. – Вып. 3–4. – С. 21–27.

Кромптон А. Мастерская рекламного текста [Текст] / А. Кромптон. – Тольятти: Изд. дом Довгань, 1995. – 256 с.

Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса [Текст] // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. – М., 1997. – С. 15–25.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Кудакова Е. Е. Интерсубъективность и диалог (опыт экзистенциально-феноменологической характеристики отношения Я-Другой): Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 [Текст] / Е. Е. Кудакова Северо-Запад. науч. центр высшей школы. – защищена 02.03.06. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южно-Рос. гуманитар. Ин-та, 2002. – 24 с.

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. [Текст] / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – 595 с.

Купина Н. А. Агитационный дискурс: В поисках жанров влияния [Текст] // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 216–233.

Купина Н. А. Идеологическая толерантность [Текст] // Лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург: Уральский межрегиональный институт общественных наук, 2001. – С. 236–239.

Купина Н. А. Лингвоидеологические аспекты разговорного текста [Текст] // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург: «АРГО», 1996. – С. 49–63.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции [Текст] / Н. А. Купина. – Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал, ун-та., 1995. – 144 с.

Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности [Текст] // Человек – текст – культура: Коллект. монография / Под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. – С. 214–233.

Кушнерук С. Л. Образ президента – визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям [Текст] // Политическая лингвистика. – №3 (33), 2010. – С. 87–92.

Лазарева Э. А. Заголовок в газете: Учеб. Пособие. 2–е изд., доп. и перераб. [Текст] / Э. А. Лазарева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 84 с.

Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста: Учеб. пособие по журналистике [Текст] / Г. В. Лазутина. М.: Аспект Пресс, 1999. – 356 с.

Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека [Текст] / Э. Левинас. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.

Левинсон А. Опыт социогрaфии: Статьи [Текст] / А. Левинсон. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 664 с.

Леви-Стросс К. Структурная антропология [Текст] / К. Л.-Стросс [пер. с фр. В. В. Иванова]. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 541 с.

Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси [Текст] / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1976. – 204 с.

Лозовский Б. Н. Картина мира по эскизам заказчика [Текст] / Б. Н. Лозовский // Журналистика и медиарынок. 2004. – № 7. – С. 4–7.

Лозовский Б. Н. Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации: [монография] [Текст] / Б. Н. Лозовский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 216 с.

Лозовский Б. Н. Манипулятивные технологии управления средствами массовой информации [Текст] : учеб. пособие / Б. Н. Лозовский. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 212 с.

Лозовский Б. Н. Средства массовой информации и информационная безопасность общества [Текст] // Проблемы обеспечения геополитической безопасности России. Екатеринбург: 2009. – С. 110–115.

Лозовский Б. Н. «Четвертая власть» и общество: на тернистом пути к согласию [Текст] / Б. Н. Лозовский. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2001. – 174 с.

Локк Дж. Послание о веротерпимости [Текст] // Локк Дж. Соч.: В 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.

Лосева Л. М. Как строится текст [Текст] / Л. М. Лосева. – М.: Просвещение, 1980. – 94 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) [Текст] / Ю. М. Лотман. – 2-е изд., доп. – СПб.: Искусство – СПб, 2006. – 413 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек текст – семиосфера – история [Текст] / Ю. М. Лотман. – Л., 1996. – 447 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Гнозис, 1992. – 272 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.

Лукман Т. Социальное конструирование реальности [Текст] / Лукман Т. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 453 с.

Луман Н. Реальность массмедиа [Текст] / Н. Луман ; [пер. с нем. А. Ю. Антоновского]. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

Майданова Л. М. Структура и композиция газетного текста [Текст] / Л. М. Майданова. – Красноярск, 1987. – 180 с.

Майданова Л. М., Соломатов С. И. Практика присвоения статуса: Анатолий Чубайс в зеркале газетных текстов [Текст] // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2004. – С. 407–431.

Майданова Л. М. Средства выразительного письма: учебное пособие для студентов направления «Журналистика» [Текст] / Л. М. Майданова. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. – 284 с.

Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медiateкст в идеологическом контексте: монография [Текст] / Л. М. Майданова, Э. В. Чепкина. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст] / Л. М. Макаров. – Тверь: Изд-во Твер. Ун-та, 1998. – 200 с.

Маклюэн Г. М. Осмысляя средства коммуникации: новые измерения человека [Текст] // Искусство кино. 1993. № 10. – С. 67–74.

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [Текст] / Г. М. Маклюэн; пер с англ. В. Николаева. М.: Гиперборей, Кучково поле, 2007. – 464 с.

Макушин Л. М. Топология отечественной прессы в полях социального пространства [Текст] // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2004. № 32. Вып. 16. – С. 50–61.

Макушин Л. М. Власть-цензура-пресса: От «Курантов» до Интернета [Текст] // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 56. Вып. 23. – С. 310–319.

Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации: Монография [Текст] / В. Д. Мансурова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 237 с.

Маслоу А. Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу. СПб.: Евразия, 2001. – 478 с.

Мельник Г. С., Ким М. Н. Методы журналистики: Учеб. пособие для студентов факультетов журналистики [Текст] / Г. С. Мельник, М. Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006. – 271 с.

Миловидов В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу [Текст] / В. А. Миловидов. – Тверь: Твер. гос. Ун-т, 2000. – 98 с.

Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и эстетические основания [Текст] // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2004. – С. 15–26.

Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Михайлова : Екатеринбург, 2004. – 171 с.

Моисеев В. А. Журналистика и журналисты [Текст] / В. А. Моисеев. – Казань: Дакор, 2002. – 400 с.

Москальская О. И. Грамматика текста [Текст] / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1980. – 184 с.

Муравьева Н. В. Язык конфликта [Текст] / Н. В. Муравьева. – М.: Изд-во МЭИ, 2002. – 264 с.

Мурзин Л. Н. Текст и его восприятие [Текст] / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.

Мясникова М. А. Морфологический анализ современного российского телевидения [Текст]: автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 10.01.10 / М. А. Мясникова : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького – Екатеринбург : [б. и.], 2010. – 46 с.

Мясникова М. А. Телевидение в современном медиапространстве / М. А. Мясникова [Текст] // Медиакультура новой России: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Н. Б. Кирилловой и др. – Екатеринбург; М.: Акад. проект, 2007. – Т. II. – С. 140–145.

Николаева, Т. М. Текст. Лингвистика текста. Теория текста [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

Олешко В. Ф. Журналистика как творчество, или Что нужно делать, чтобы читатели, телезрители, радиослушатели тебя понимали или вступали в диалог [Текст] / В. Ф. Олешко. – Екатеринбург, 2002. – 189 с.

Олешко В. Ф. Моделирование в журналистике [Текст] / В. Ф. Олешко. – Екатеринбург, 2000. – 194 с.

Олешко В. Ф. Социожурналистика: Прагматическое моделирование технологий массово-коммуникационной деятельности [Текст] / В. Ф. Олешко. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1996. – 262 с.

Остроушко Н. А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования) [Текст] // Мир русского слова. 2002. № 5. – С. 86–91.

Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста [Текст] / М. И. Откупщикова. – Л.: Наука, 1982. – 104 с.

Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке [Текст] // Ученые записки, вып. 137 / Труды кафедры русского языка. – М.: Изд. МГУ, 1948. – С. 31–41.

Почепцов Г. Г. Психологические войны [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2000. – 528 с.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2001. – 645 с.

Прозоров В. В. Власть и свобода журналистики [Текст] / В. В. Прозоров. – М.: Флинта, Наука, 2005. – 240 с.

Пропп В. Я. Морфология «волшебной» сказки Исторические корни волшебной сказки : собр. тр. [Текст] / В. Я. Пропп [коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова]. – М. : Лабиринт, 1998а. – 512 с.

Пропп В. Я. Поэтика фольклора [Текст] / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998б. – 352 с.

Пропп В. Я. Русский героический эпос [Текст] / В. Я. Пропп. 2-е изд., испр. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1958. – 604 с.

Прохоров А. Н. Интернет как новая глобальная индустрия [Текст] / А. Н. Прохоров. – М., 2000. – 231 с.

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики [Текст] / Е. П. Прохоров. – М.: Аспект–Пресс, 2007. – 351 с.

Прохоров Е. П. Журналистика и демократия [Текст] / Е. П. Прохоров. – М.: Аспект–Пресс, 2004. – 352 с.

Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.

Профессиональная культура журналиста как фактор информационной безопасности: Сборник статей и материалов [Текст] / Под ред. проф. В. Ф. Олешко. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, ИД «Филантроп», 2008. – 352 с.

Реснянская Л. Л. Газета для всей России [Текст] / Л. Л. Реснянская, И. Д. Фомичева. – М. : Икар, 1999. – 232 с.

Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста [Текст] / Е. А. Реформатская. – Л.: Наука, 1989. – 168 с.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. – М.: Академический проект, 2008. – 695 с.

Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения [Текст] / Н. М. Римашевская // Социологические исследования. – 2004. № 4. – С. 33–44.

Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия: Материалы междунар. конф. [Текст] / Под ред. Л. М. Макушина. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. – 266 с.

Рэндалл Д. Универсальный журналист [Текст] / Д. Рэндалл. – М.: Международный центр журналистики, 1996. – 346 с.

Савинова О. Н. Роль средств массовой информации в формировании толерантности общества [Текст] // Мир русского слова. 2002. №5. – С.20–21.

Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик [Текст] – Wien : Wiener slawistischer Almanach, 2001. – 286 с.

Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с.

Свитич Л. Г. Профессия: журналист [Текст]: Учеб. пособие / Л. Г. Свитич. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 255 с.

Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции [Текст] / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

Серио П. Как читают тексты во Франции [Текст] // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–53.

Силантьев И. В. Газета и роман. Риторика дискурсных смещений [Электронный ресурс] / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 223 с. URL: http://thelib.ru/books/igor_vitalevich_silantev/gazeta_i_roman_ritorika_diskursnyh_smesheniy-read.html (дата обращения: 12.09.15)

Силантьев И. В. Сюжетологические исследования [Электронный ресурс] / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 224 с. URL: http://thelib.ru/books/igor_vitalevich_silantev/syuzhetologicheskie_issledovaniya-read.html (дата обращения: 20.09.15)

Скворцов О. Г., Лазарева Э. А., Горина Е. В. Дискурс Интернета: Монография [Текст] / Э. А. Лазарева, Е. В. Горина, О. Г. Скворцов. – Екатеринбург: Институт международных связей, 2009. – 177 с.

Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.) [Текст] / С. И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.

Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры: Тематический сборник статей и материалов [Текст] / Под ред. проф. В. Ф. Олешко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, ИД «Филантроп», 2005. – 320 с.

Солганик Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста [Текст] // Вестник МУ. – Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 3. – С. 77–80.

Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира [Текст] // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. – С. 9–23.

Солганик Г. Я. Стилистика текста [Текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Наука, 2001. – 256 с.

Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста [Текст] / Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

Социология журналистики: Очерки методологии и практики: Пособие для студентов вузов по специальности «Журналистика» [Текст] / Под ред. С. Г. Корконосенко. М.: ТОО «Гендальф», 1998. – 256 с.

Средства массовой информации постсоветской России. Учебное пособие [Текст] / Под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 303 с.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативное поведение. Коммуникативные аспекты толерантности [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 135 с.

Стернин И. А. О понятии коммуникативного сознания [Текст] // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2001. Вып. 8. – С. 55–59.

Стернин И. А. Проблемы формирования категории толерантность в русском коммуникативном сознании [Текст] // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург, 2004. – С. 130–149.

Стровский Д. Л. Отечественная журналистика новейшего периода [Текст] / Д. Л. Стровский. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 359 с.

Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода [Текст] / Д. Л. Стровский. Науч. ред. М. М. Ковалева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 246 с.

Стюфляева М. И. Поэтика публицистики [Текст] / М. И. Стюфляева. Науч. ред. В. П. Скобелев. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1975. – 155 с.

Стюфляева М. И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования) [Текст] / М. И. Стюфляева. – Воронеж, 1989. – 143 с.

Специфика толерантности в СМИ [Электронный ресурс] // Толерантность в средствах массовой информации. УМК / Под общ. ред. Э. В. Чепкиной и Л. В. Ениной. – Екатеринбург: Изд-во Урал.гос.ун-та, 2007. – Ресурс локального доступа: Диск.

Тертычный А. А. Аналитическая журналистика [Текст] / А.А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 352 с.

Тодоров Ц. Понятие литературы [Текст]// Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 355–369.

Трескова С. И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации: (Принципы измерения языковой вариативности) [Текст] / С. И. Трескова. – М. : Наука, 1989. – 152 с.

Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст, структура и семантика [Текст] / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.

Тульчинский Г. А. Текст как интонированное бытие или иррациональность семиотики [Текст] // Философия языка и семиотика. – Иваново: Ивановский гос. университет, 1995. – 232 с.

Уолцер М. О терпимости. [Текст] / М. Уолцер. Перевод с англ. яз. И. Мюрнберг. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.

Успенский Б. А. Семиотика искусства [Текст] / Б. А. Успенский. М., 1995. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 360 с.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc base=LAW n=122039 fld=134 dst=4294967295 from=97557-0> (дата обращения: 14.07.2015).

Фейербах Л. Сочинения в 2 т. Т. 1 [Текст] / Л. Фейербах; Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Б. В. Мееровский; пер. с нем. С. А. Ромашко. – М.: Наука, 1995. – 501 с.

Фейербах Л. Сочинения в 2 т. Т. 2. [Текст] / Л. Фейербах; Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. Б. В. Мееровский; пер. с нем. С. А. Ромашко. – М.: Наука, 1995. – 424 с.

Фигуровский И. А. Избранные труды [Текст]: монография / И. А. Фигуровский; [редкол.: Г. Д. Фигуровская (отв. ред.) и др.]. – Елец: ЕГУ, 2004. – 483 с.

Фихте И. Г. Избр. Сочинения [Текст] / И. Г. Фихте. – М., 1916. – Т. 1. – 552 с.

Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод [Текст] / Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 354 с.

Фомичева И. Д. Индустрия рейтингов. Введение в медиаметрию [Текст] / И. Д. Фомичева. Уч. пособ. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 155 с.

фон Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

Фоминых В. Н. Публицистический факт: Путь к оптимизации журналистского текста [Текст] / В. Н. Фоминых. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 124 с.

Фомичева И. Д. Целевое программирование в журналистике : учеб.-метод. пособие [Текст] / И. Д. Фомичева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 79 с.

Фролова Т. И. Человек и его мир в информационной повестке дня. Гуманитарные технологии в журналистике [Текст] / Т. И. Фролова. М.: Агентство социальной информации, 2009. – 290 с.

Фуко М. Археология знания = L'Archeologie du savoir [Текст] / М. Фуко [пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой вступ. ст. А. С. Колесникова]. – СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. – 416 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху [Текст] / Пер. с фр. И. К. Стаф, под ред. В. П. Гайдамака. – СПб. : Университетская кн., 1997. – 576 с.

Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Колледже в 1974–1975 учебном году [Текст] / М. Фуко пер. с фр. А. В. Шестакова. – СПб. : Наука, 2004. – 432 с.

Фуко М. Порядок дискурса [Текст] // М.Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. Сост. и пер. с франц. С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузыря. – М., Касталь, 1996. – С. 49–96.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.

Харвег Р. Стилистика и грамматика текста [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9: Лингвостилистика. – М.: Прогресс, 1980. – С. 212–226.

Харрис Р. Психология массовых коммуникаций [Текст] / Р. Харрис. – СПб.: Прайм – Еврознак, 2002. – 448 с.

Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий [Текст] / Й. Хейзинга. Перев. с нидерл. – М.: Издательская группа «Прогресс-Литера», 1992. – 550 с.

Цвик В. Л. Журналист с микрофоном. Учебное пособие [Текст] / В. Л. Цвик. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. – 59 с.

Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа [Текст] // Стилистика завтрашнего дня. Сборник статей к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. – М.: МедиаМир, 2012. – С. 291–308.

Чепкина Э. В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации [Текст] // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 475–486.

Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000) [Текст] / Э. В. Чепкина. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000. – 279 с.

Чепкина Э. В. Этнические характеристики персонажей как показатель степени толерантности автора публикации [Текст] // Диагностика толерантности в средствах массовой информации / Под ред. В. К. Мальковой. – М. : ИЭА РАН, 2002. – С. 240–252.

Чернышева Т. В. Модель когнитивно-речевого взаимодействия в сфере массовой газетной коммуникации: детерминационные факторы [Текст] // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз: сб. науч. тр. – Орел, 2008. – С. 236–243.

Чернышева Т. В. Тексты СМИ в ментально–языковом пространстве современной России [Текст] / Т. В. Чернышева. – М. : ЛКИ, 2007. – 296 с.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст] / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих» [Текст] / В. Е. Чернявская. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие [Текст] / А. П. Чудинов. 2-е изд., испр. – М.: Изд-во «Флинта», Наука, 2007. – 256 с.

Шайхитдинова С. К., Сагитова Л. В., Ходжаева Е. А. «Черный дипломат», «гости столицы» и другие. К методу диагностики латентной ин/толерантности в периодической печати [Текст] // «Другой» в пространстве коммуникации: Сб. науч. статей. Казань, 2007. – С. 228–260.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М.: ИТДГК Гнозис. – 2004. – 326 с.

Шейгал Е. И. Толерантность в системе дискурсивных категорий [Текст] // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Уральский межрегиональный институт общественных наук, 2001. – С. 152–154.

Шеллинг Ф. В. Философия искусства [Текст] / Ф. В. Шеллинг; Пер. с нем. П. С. Попова; Вступ. ст. С. Алексеева; Под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. – М.: Мысль, 1999. – 608 с.

Шмидт З. Й. «Текст» и «история» как базовые категории [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – С. 89–110.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 168 с.

Шмелева Т. В. Журналист и издание в авторском начале медийного текста [Текст] // Стилистика сегодня и завтра: Медiateкст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: Доклады международной научной конференции. – М., 2010. – С. 332–338.

Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого [Текст] // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т 1. №1. – С. 41–53.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом [Текст] / Пер. с нем. и англ. Н. М. Смирновой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. – СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. – 432 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста [Текст] / Умберто Эко; пер. с англ. и итал. С. Серебряного. – СПб.; М.: Symposium : РГГУ, 2007. – 501 с.

Элиаде М. Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде. – М.: Академический проект, 2000. – 222 с.

Якимович А. К. «Свой чужой» в системах культуры [Текст] // Вопросы философии. 2003. №4. – С. 48–60.

Assamann J. Das kulturelle Gedächtnis, 2000. – 256 p.

Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination / Ed. By Sam Keen. San Francisco: Harper & Row, 1986.

Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – N.Y.: Prentice-Hall, 1963.

Gray J. Pluralism and Toleration in Contemporary political Philosophy // Political studies, vol. 48, 2000. – P. 307–342

Maatz U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im National–sozialismus. Opladen. 1984. – 205 p.

McLuhan M., «The Timid Giant» in «Understanding Media: the Extensions of Man». – London. Sphere Books Limited, England, 1967. – P. 329–343.

Rawls J. Political liberalism. – New York: Columbia University Press, 1996.

Yokoyama O. Russian genderlects and referential expressions / O. Yokoyama // Language in Society. – 1999. – 28(3). – P. 401–429.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

Библейская энциклопедия Брокгауза. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_bible (дата обращения: 13.04.2013)

Большой академический словарь русского языка [Текст] / Гл. ред.: К. С. Горбачевич : Ред. Л. И. Балахонова, Л. Е. Кругликова. Том 5: Деньга – Жюри / Ред. Л. Е. Кругликова ; Н. В. Соловьев. – М. ; СПб. : Наука, 2006. – 693 с.

Большой российский энциклопедический словарь. Большая российская энциклопедия [Текст]/ Под ред. А. М. Прохорова. – М., 2008. – 1888 с.

Большой толковый словарь русского языка [Текст] / РАН, Ин-т лингвист. исслед. Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001. – 1536 с.

Литературный энциклопедический словарь / [подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др.] [Текст] под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 750 с.

Литературная энциклопедия: В 11 т. – [М.], 1929-1939. Т. 8 [Текст] / Ком. Акад. НИИ лит., искусства Ред. коллегия: П. И. Лебедев-Полянский, И. Л. Маца, И. М. Нусинов, В. М. Фриче. Гл. ред. А. В. Луначарский, ученый секретарь Е. Н. Михайлова. – М.: ОГИЗ РСФСР, гос. Словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. – 736 с.

Лозовский Б. Н. Журналистика и средства массовой информации : крат. словарь. – Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / Б. Н. Лозовский. – Екатеринбург: Урал. гос. Ун-т, 2007. – 306 с.

Мифологический словарь [Текст] / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.

Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: «А ТЕМП», 2009. – 944 с.

Психология. А-Я. Словарь-справочник [Электронный ресурс] / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС. Майк Кордуэлл. 2000. URL: <http://psychology.academic.ru> (дата обращения: 28.06.12)

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры [Текст] / Г. Н. Скляревская, Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб. : Наука, 2000. – 278 с.

Современный философский словарь [Текст] / Под общей ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.

Социологический словарь [Электронный ресурс] // Социологический словарь. – М.: Экономика. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. 2004. URL: http://sociological_dictionary.academic.ru/263/%D0%9A%D0%95%D0%99%D0%A1-%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%94%D0%98 (дата обращения: 19.05. 14)

Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст]. – М.: Флинта, 2003 – 695с.

Телия В. Н. Словарь образных выражений русского языка [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Отечество. 1995. – 368 с.

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова [Текст] / Б. М. Володин, Д. Н. Ушаков. – М.: Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, Т 3, 1948. – 1423 с.

Философия: Энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.